

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского»

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
И РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВИТИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ**

МАТЕРИАЛЫ VII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Нижний Новгород, 12 февраля 2025 года

Нижний Новгород

2025

УДК 338(470.341-25)(063)
ББК У9(2Рос-НН)я431
С 69

С 69 **Социально-экономические предпосылки и результаты развития новых технологий в современной экономике. VII Международная научная конференция.** – Нижний Новгород, 2025. – 234 с.

ISBN 978–5–908049–13–9

Редакционная коллегия:

Золотов А.В. (зав. кафедрой экономической теории и методологии ННГУ, профессор, д.э.н.) – ответственный редактор,
Бузмакова М.В. (доцент кафедры экономической теории и методологии ННГУ, к.э.н.)
Демичева Т.Н. (доцент кафедры экономической теории и методологии ННГУ, к.э.н.)
Лядова Е.В. (доцент кафедры экономической теории и методологии ННГУ, к.э.н.)
Колесник И.В. (доцент кафедры экономической теории и методологии ННГУ, к.э.н.)
Полушкина И.Н. (доцент кафедры экономической теории и методологии ННГУ, к.э.н.)

В сборник включены материалы, представленные российскими и зарубежными участниками VII Международной научной конференции «Социально-экономические предпосылки и результаты развития новых технологий в современной экономике», проходившей 12 февраля 2025 года в ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Материалы публикуются в авторской редакции

ISBN 978–5–908049–13–9

УДК 338(470.341-25)(063)
ББК У9(2Рос-НН)я431

© Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

ПЕРВЫЕ ИТОГИ ВВЕДЕНИЯ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ УПРОЩЕННОЙ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ: ОТРАСЛЕВОЙ РАЗРЕЗ

Аннотация. В статье приводятся вводные данные об эксперименте по введению нового специального налогового режима – автоматизированной упрощенной системы налогообложения: основные этапы введения, регионы, в которых специальный налоговый режим вводится, критерии, которым налогоплательщик должен соответствовать, чтобы иметь возможность перейти на автоматизированную упрощенную систему налогообложения, а также те преимущества и цели, которые Федеральная налоговая служба предполагает достигнуть введением этого специального налогового режима. Особое внимание в статье уделяется структуре налоговых поступлений от автоматизированной упрощенной системы налогообложения в разрезе видов экономической деятельности.

Ключевые слова. Автоматизированная упрощенная система налогообложения, специальный налоговый режим, виды экономической деятельности, ОКВЭД.

R.V. Balakin,

*Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Center for Macro and Microeconomics,
Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod, Tax Policy Center of Financial Research
Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation*

FIRST RESULTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE AUTOMATED SIMPLIFIED TAXATION SYSTEM: SECTORAL DISTRIBUTION

Abstract. The article provides introductory data on the experiment to introduce a new special tax regime - the automated simplified taxation system: the main stages of introduction, the regions in which the special tax regime is introduced, the criteria that a taxpayer must meet to be able to switch to the automated simplified taxation system, as well as the advantages and objectives that the Federal Tax Service intends to achieve by introducing this special tax regime. The article pays special attention to the structure of tax revenues from the automated simplified taxation system by type of economic activity.

Keywords. Automated simplified taxation system, special tax regime, types of economic activities, OKVED.

Эксперимент по введению нового специального налогового режима – автоматизированной упрощенной системы налогообложения (АУСН) начался 1 июля 2022 г. С 1 июня 2022 г. по 31 декабря 2022 г. имели возможность использовать АУСН только новые индивидуальные предприниматели (ИП) и организации в тех регионах, где она была введена. С 1 января 2023 г. такая возможность появилась у всех налогоплательщиков в этих регионах, которые соответствуют критериям применения специального налогового режима (СНР).

С 1 января 2025 года налогоплательщики, применяющие упрощенную систему налогообложения (УСН) или налог на профессиональный доход (НПД), могут перейти на АУСН с 1 числа любого месяца года, если СНР введен в регионе. Отметим, что с 1 января 2025 года АУСН планируют ввести 47 регионов (а также город Байконур), а в течение 2025 года еще 10 регионов.

Для того, чтобы применять АУСН налогоплательщик должен удовлетворять ряду условий, представленных на рисунке 1.

При УСН

Регистрация в том регионе, где введена автоматизированная упрощенная система налогообложения	
Не применять другие специальные налоговые режимы	
Доход организаций и ИП не должен превышать 60 млн руб.	450 млн
Остаточная стоимость основных средств у организаций не должна превышать 150 млн руб.	200 млн
Если у ИП или организации имеются работники, то их численность должна быть не больше 5 чел.	130 чел.
Заработная плата должна выплачиваться только в безналичной форме	
Расчетные счета должны быть открыты только в уполномоченных банках	

Рисунок 1. Условия для применения специального налогового режима
«Автоматизированная упрощенная система налогообложения»

Источник: подготовлено автором на основе информации с официального сайта ФНС России.

Основным преимуществом АУСН ФНС называют почти полную отмену отчетности и автоматический расчет налогов. Другие заявляемые преимущества специального налогового режима представлены на рисунке 2.

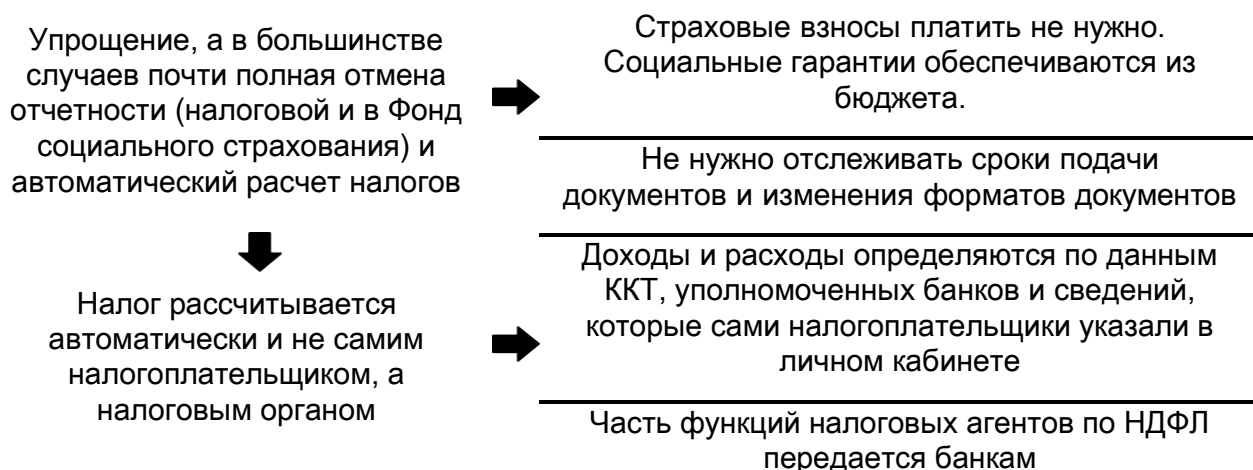

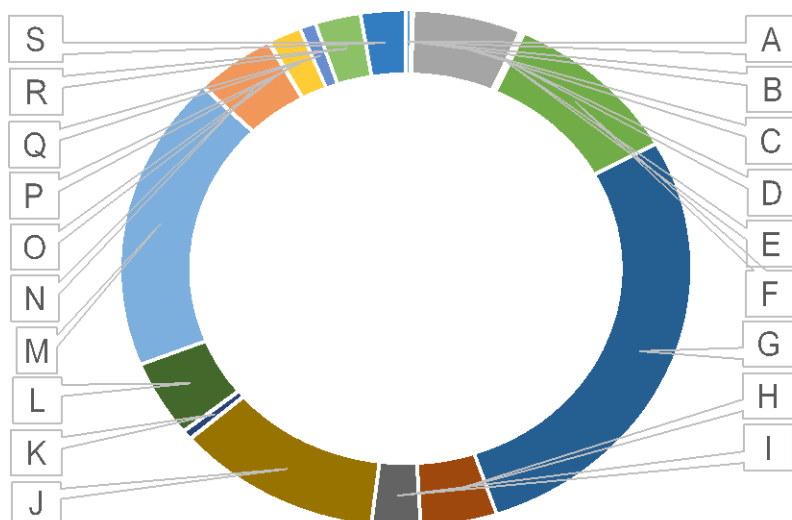
Рисунок 2. Преимущества специального налогового режима
«Автоматизированная упрощенная система налогообложения»

Источник: подготовлено автором на основе информации с официального сайта ФНС России

К настоящему моменту ФНС ещё не опубликовала отчетность за 2024 г., поэтому анализируем те данные, которые доступны по итогам первого года реализации эксперимента – 2023 г.

С точки зрения объема поступлений, доля АУСН в структуре налоговых поступлений пока незначительна. На этот СНР приходится 0,1 % поступлений от СНР, что связано, безусловно, с тем фактом, что, во-первых, СНР введен не во всех регионах, а во-вторых, поскольку переход на СНР является добровольным, не все налогоплательщики, имеющие право на использование этого СНР, на него переходили как в силу опасений, связанных с новизной этого СНР, так и в силу того, что они могли не знать о такой возможности.

Интересно посмотреть на отраслевую структуру налоговых поступлений от нового СНР. На рисунке 3 представлено такое распределение.

Примечание: на рисунке наименование ВЭД представлено в соответствии с ОКВЭД-2: раздел А: сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство, рыбоводство; раздел В: добыча полезных ископаемых; раздел С: обрабатывающие производства; раздел D: обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха; раздел Е: водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность и ликвидация загрязнений; раздел F: строительство; раздел G: торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов; раздел Н: транспортировка и хранение; раздел I: деятельность гостиниц и предприятий общественного питания; раздел J: деятельность в области информации и связи; раздел K: деятельность финансовая и страховая; раздел L: деятельность по операциям с недвижимым имуществом; раздел M: деятельность профессиональная, научная и техническая; раздел N: деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги; раздел O: государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение; раздел P: образование; раздел Q: деятельность в области здравоохранения и социальных услуг; раздел R: деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений; раздел S: предоставление прочих видов услуг

Рисунок 3. Структура налоговых поступлений от АУСН по ВЭД в 2023 г.

Источник: расчеты авторов.

Согласно данным рисунка 3, распределение налоговых поступлений по ВЭД показывает, что 74,32 % поступлений приходится на пять отраслей: 27,88 % на торговлю, 18,47 % на профессиональную, научную и техническую деятельность, 11,65 % на деятельность в области информации и связи, 10,17 % на строительство и 6,15 % обрабатывающие производства. Для остальных ВЭД доля меньше 5 %.

Далее охарактеризуем региональный разрез. В большинстве регионов, в которых АУСН введена, наблюдается ситуация, когда поступления полностью формируются одним ВЭД. Такие регионы представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Регионы РФ, в которых налоговые поступления от АУСН представлены единственным ВЭД

Регион РФ	ВЭД
Амурская область	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов
Белгородская область	
Нижегородская область	
Омская область	
Тамбовская область	
Ставропольский край	
Чеченская Республика	Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги
Кемеровская область	
Пермский край	
Республика Башкортостан	
Удмуртская Республика	Строительство
Чувашская Республика	
Ханты-Мансийский АО	
Липецкая область	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом
Рязанская область	
Свердловская область	Деятельность профессиональная, научная и техническая
Челябинская область	
Ростовская область	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания
Самарская область	Транспортировка и хранение

Во всех этих регионах доля названных ВЭД равна 100 %.

В остальных регионах, где введена АУСН, наблюдается распределение поступлений по ВЭД. В большинстве регионов максимальную долю имеет торговля: в Курской области эта доля равна 73 % (при этом оставшиеся 27 % приходится на транспортировку и хранение), а в Калужской и Московской областях, Республике Татарстан, г. Москва и Санкт-Петербург доля торговли равна от 24 % до 40 %. В Краснодарском крае поступления распределены между деятельностью по операциям с недвижимым имуществом (82 %) и обрабатывающими производствами (18 %), а в Ленинградской области между

деятельность в области здравоохранения и социальных услуг (57 %) и деятельностью по операциям с недвижимым имуществом (43 %).

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 03.08.1998. – № 31. – ст. 3824.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 07.08.2000. – № 32. – ст. 3340.
3. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения» от 25.02.2022 № 17-ФЗ.
4. ФНС России. Автоматизированная упрощенная система налогообложения. – Режим доступа: <https://ausn.nalog.gov.ru/?ysclid=m9tzqpv0fv886184942> (дата обращения: 24.01.2025).
5. Форма статистическая налоговой отчетности 1–НОМ «Начисление и поступление налогов, сборов и страховых взносов в бюджетную систему Российской Федерации по основным видам экономической деятельности». – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 26.01.2025).

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра макро- и микроэкономики ИЭП ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Центра налоговой политики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра налоговой политики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ НОВЫХ ВЫЗОВОВ НА БЮДЖЕТНУЮ СИСТЕМУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЧАСТИ НАЛОГОВЫХ ДОХОДОВ

Аннотация. Оценка влияния новых вызовов на бюджетную систему Российской Федерации осуществляется на основе анализа двух показателей – темпа прироста налоговых поступлений и их коэффициента вариации. Важным элементом анализа является оценка влияния новых вызовов не только на бюджетную систему в целом, но и на отдельные ее уровни – федеральный бюджет и консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова. Налоговая система, бюджетная система, новые вызовы, налоговая безопасность

Ph.D. in Economics, Senior Researcher, Center for Macro and Microeconomics, Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod, Tax Policy Center of Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation

Ph.D. in Economics, Senior Researcher, Tax Policy Center of Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation

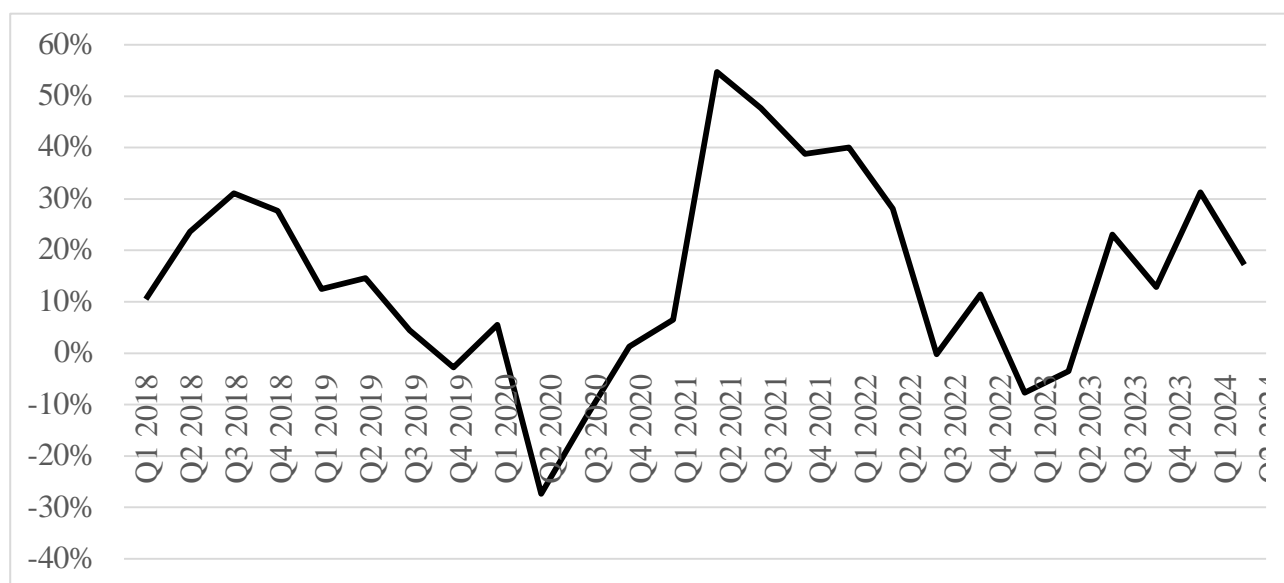
ASSESSMENT OF THE IMPACT OF NEW CHALLENGES ON THE BUDGETARY SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION IN TERMS OF TAX REVENUES

Abstract. The impact of new challenges on the budgetary system of the Russian Federation is assessed by analyzing two indicators - the growth rate of tax revenues and their coefficient of variation. An important element of the analysis is the assessment of the impact of new challenges not only on the budget system as a whole, but also on its different levels - the federal budget and consolidated budgets of the subject of the Russian Federation.

Keywords. Tax system, budget system, new challenges, tax security.

В целях диагностики налоговой системы рассмотрим два показателя: темп прироста налоговых поступлений и их коэффициент вариации. Темп прироста считается как отношение разницы налоговых поступлений текущего квартала и соответствующего квартала предыдущего года к значению

налоговых поступлений за соответствующий квартал предыдущего года [1]. Для страны в целом значения темпов прироста представлены на рисунке 1

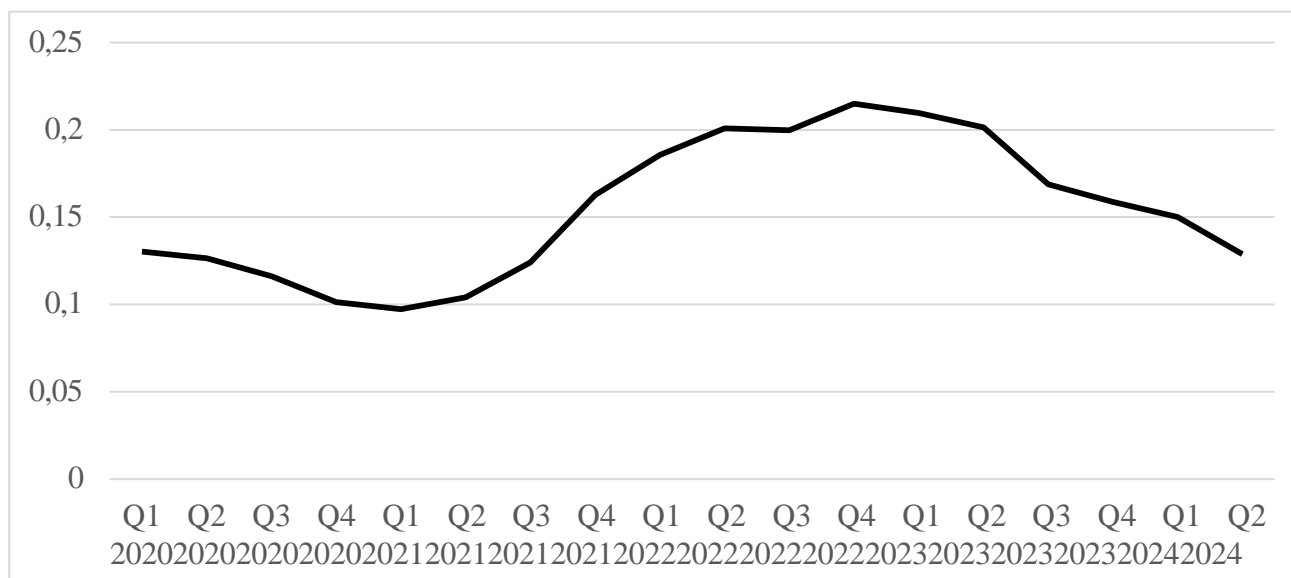
Источник: расчеты авторов.

Рисунок 1. Темп прироста налоговых поступлений, %.

Как видно из рисунка, отрицательные темпы прироста наблюдаются в четвертом квартале 2019 г., втором и третьем кварталах 2020 г., третьем квартале 2022 г., первом и втором квартале 2023 г. Отрицательные темпы в 2020 г. объясняются снижением деловой активности и введенными ограничениями в связи с пандемией COVID-19. Меньшими объемами налоговых поступлениями в 2020 г. объясняется и высокий рост в 2021 г., так как базой для расчета темпа прироста служили значения 2020 г. Налоговым мерам борьбы [2] и механизмам снижения экономических последствий пандемии [3], в том числе через инструменты поддержки [4] посвящено довольно много исследований отечественных и зарубежных ученых, в том числе и авторов настоящей монографии.

Снижение темпов прироста в конце 2022 г. и начале 2023 г. вызвано введением санкционных ограничений в начале 2022 г. Отметим, что если в период пандемии наибольшее снижение составило -27% (Q2 2020), то в период санкций наибольшее снижение налоговой поступлений наблюдается в первом квартале 2023 г. (Q1 2023) и составляет -8%, во втором квартале 2023 г. (Q2 2023) темп снижения вдвое меньше (-4%), и далее (с Q3 2023) по конец исследования (Q2 2024) наблюдается рост налоговых поступлений от 13 % до 31 %.

Коэффициент вариации считается классическим способом, то есть как отношение среднеквадратического отклонения налоговых поступлений к их среднему значению. Для страны в целом значение коэффициента вариации представлены на рисунке 2

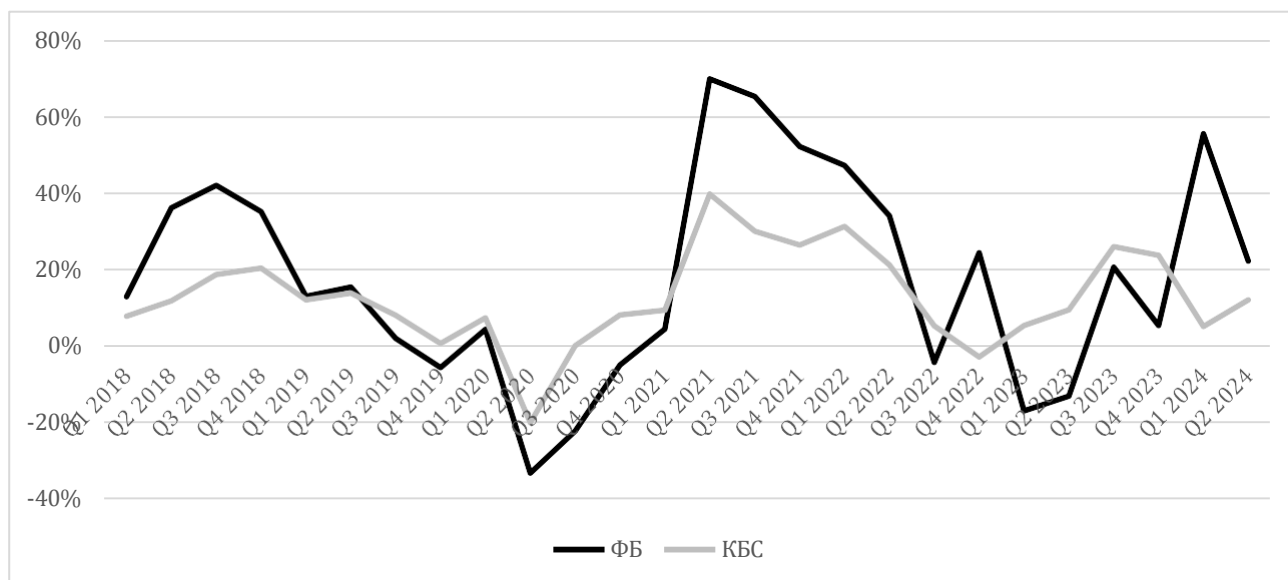
Источник: расчеты авторов.

Рисунок 2. Коэффициент вариации налоговых поступлений, %.

Поскольку коэффициент вариации учитывает значения за трехлетний период, то он имеет более сглаженное значение по сравнению с темпами прироста. Минимальное значение (9,7%) демонстрируют данные на первый квартал 2021 г. (Q1 2021), то есть динамика налоговых поступлений за три года до этого имеет наименьшую относительную волатильность. Далее на значение коэффициента вариации начинают влиять данные высокой волатильности периода пандемии и рост показателя продолжается (с небольшим снижением в Q3 2022) до конца 2022 г., достигая максимума в Q4 2022 (21,5%). Затем значения показателя снижаются и на момент окончания исследования (Q2 2024) показатель возвращается к значению в 13%, что сопоставимо с показателями третьего квартала 2021 г. (Q3 2021) и первыми значениями показателя, полученными в ходе исследования (Q1 2020).

Далее поступления от отдельных налогов представим в зависимости от того, в бюджет какого уровня они поступают – федеральный (ФБ) или региональные и местные (консолидированный бюджет субъекта Российской Федерации – КБС).

На рисунке 3 представлен темп прироста налоговых поступлений по всем налогам, поступающим в ФБ и КБС.

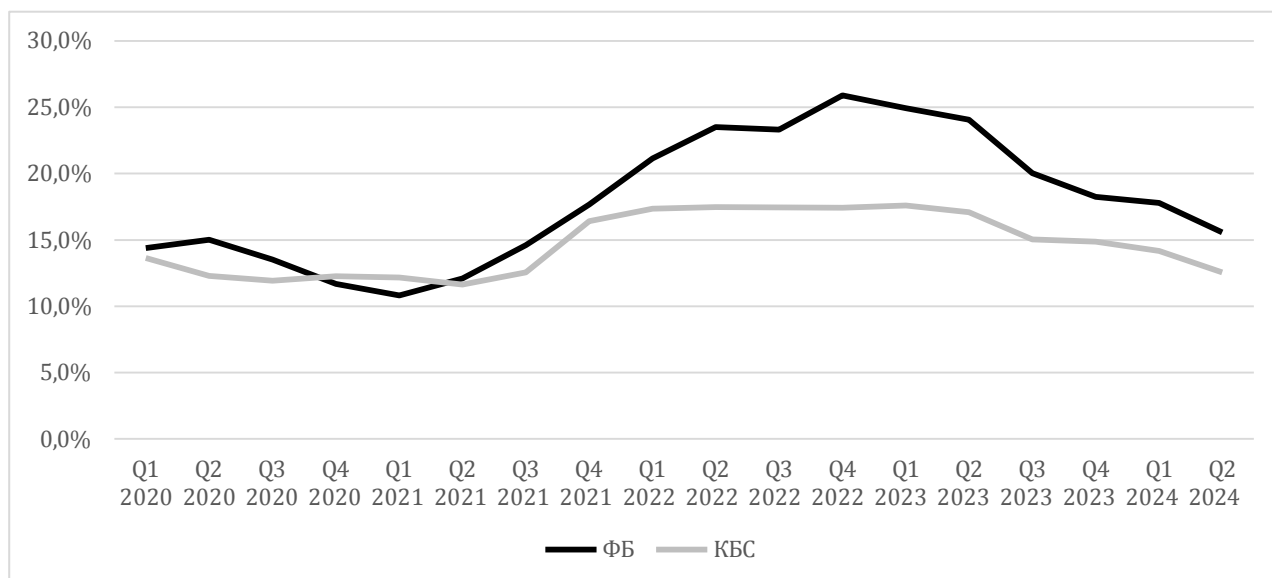

Источник: расчеты авторов.

Рисунок 3. Темп прироста налоговых поступлений федерального бюджета и консолидированного бюджета субъектов Российской Федерации, %.

Основной вывод, который следует из рисунка – это тот факт, что при схожести демонстрируемых динамик налоговые поступления федерального бюджета имеют большие значения темпов прироста по сравнению с консолидированным субъектов РФ как в части положительных, так и в части отрицательных значений. Если на уровне региональных бюджетов темпы прироста имеют только три отрицательных значения (-20,2 % и -0,1 % соответственно в Q2 и Q3 2020 г., а также -2,9% в Q4 2022 г.), то на уровне федерального бюджета отрицательные значения наблюдаются в те же периоды, что и для страны в целом (эти периоды отмечены при характеристике результатов, представленных на рисунке 2.3.1). Это подтверждается и высоким размером коэффициента корреляции Пирсона для темпов прироста налоговых поступлений на уровне федерального бюджета и для страны в целом, который равен 0,98. Отметим, что для КСБ и налоговых поступлений в масштабах страны равен 0,87, а для КСБ и федерального бюджета 0,75, что свидетельствует об очень тесной взаимосвязи. Это соотносится с результатами в рамках предыдущего исследования авторов, посвященному индексу стресса налоговой системы в разрезе уровней бюджетной системы [5].

По аналогии с темпом прироста на рисунке 4 представлен коэффициент вариации налоговых поступлений по всем налогам, поступающим в ФБ и КБС.

Источник: расчеты авторов.

Рисунок 4. Коэффициент вариации налоговых поступлений федерального бюджета и консолидированного бюджета субъектов Российской Федерации, %.

На уровне федерального бюджета средний коэффициент равен 18,0%, на уровне КБС – 14,7%. Важно отметить, что для коэффициента вариации уровень взаимосвязи показателей между уровнями бюджетной системы выше, чем для темпов прироста. Коэффициент корреляции Пирсона для коэффициентов вариации на уровне ФБ и налоговых поступлений в масштабах страны равен 0,99, для КСБ и поступлений для страны 0,97, а для ФБ и КСБ между собой – 0,94. Все показатели говорят об очень тесной связи. Отметим, что Q4 2020 г. и Q1 2021 г. являются единственными периодами, когда коэффициент вариации на уровне КБС выше значений федерального бюджета, то есть на региональном уровне наблюдается большая волатильность.

Список литературы

1. Форма статистическая налоговой отчетности 1-НМ «Начисление и поступление налогов, сборов и страховых взносов в бюджетную систему Российской Федерации». – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/. (дата обращения: 13.11.2024).
2. Пономарева К.А. Налоговые меры борьбы с последствиями пандемии COVID-2019: опыт ЕС и ОЭСР // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 10. – С. 44–56. – DOI: 10.17803/1994-1471.2020.119.10.044-056.
3. Пономарева К.А. Налоговые механизмы снижения экономических последствий пандемии COVID-19 в Российской Федерации и Европейском Союзе // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 7. – С. 66–76. – DOI: 10.17803/1994-1471.2021.128.7.066-076.

4. *Пинская М.Р., Стешенко Ю.А., Цаган-Манджиева К.Н.* Налоговая поддержка во время коронакризиса: кому помогать? Вопросы экономики. 2021; (5): 129-144. Режим доступа: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-5-129-144>
5. *Malkina M. Yu., Balakin, R. V.* Assessment of the level and structure of stress in tax revenues of the federal and regional budgets // R-Economy. – 2023. – Vol. 9, No. 4. – P. 405–421. – DOI 10.15826/recon.2023.9.4.025.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОГО РАЗРЫВА НА ЭКОНОМИКУ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Аннотация. В статье автор делает акцент на критичности распределения цифровых возможностей для экономического развития. Рассматривается проблема неравномерного доступа к интернету и другим цифровым технологиям, что создаёт цифровое неравенство. Оно проявляется в разнице в доступе к технологиям и их использовании, зависящей от социально-экономического статуса, уровня образования и возможностей. Цифровое неравенство включает три аспекта: физический доступ, финансовую доступность и цифровую грамотность. Физический доступ зависит от наличия инфраструктуры, такой как широкополосный интернет. Финансовая доступность остаётся проблемой. Стоимость интернет-услуг может быть препятствием, особенно для людей с ограниченными финансовыми возможностями. В России отрасль связи олигополистична, что приводит к росту тарифов. Цифровая грамотность является серьезным препятствием для людей старшего поколения и маргинализированных групп.

Ключевые слова. Цифровая экономика, цифровой разрыв, цифровое неравенство, социальная инфраструктура, качество жизни.

THE IMPACT OF THE DIGITAL DIVIDE ON THE ECONOMY OF SOCIAL INFRASTRUCTURE

M.V. Buzmakova,

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
The Department of Economic Theory and Methodology,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*

Annotation. In the article, the author focuses on the criticality of the distribution of digital opportunities for economic development. The problem of uneven access to the Internet and other digital technologies, which creates digital inequality, is considered. It manifests itself in differences in access to and use of technology, depending on socio-economic status, educational level, and opportunities. Digital inequality includes three dimensions: physical access, financial accessibility, and digital literacy. Physical access depends on the availability of infrastructure such as broadband internet. Financial accessibility remains a problem. The cost of Internet services can be an obstacle, especially for people with limited financial resources. In Russia, the communications industry is oligopolistic, which leads to higher tariffs. Digital literacy is a major obstacle for older people and marginalized groups.

Keywords. Digital economy, digital divide, digital inequality, social infrastructure, quality of life.

В наше время мы являемся свидетелями эпохи цифровизации, в которой интернет стал неотъемлемой составляющей нашей жизни. Подключение к сети Интернет является критически важным условием для экономического развития. Во всем мире миллионы людей ежедневно используют цифровые устройства для выполнения своих профессиональных задач, подготовки к экзаменам и

общения с близкими. Однако не у всех есть равный доступ к этим ресурсам, что создаёт разрыв между теми, у кого он есть, и теми, у кого его нет.

Цифровое неравенство представляет собой серьёзную социальную проблему, оказывающую значительное влияние на общество. Оно характеризуется неравным доступом к цифровым технологиям и интернету, а также их использованием различными группами и отдельными лицами. Зачастую цифровое неравенство рассматривается как индикатор социального неравенства, поскольку оно отражает различия в социально-экономическом статусе, уровне образования и возможностях.

Цифровое неравенство включает в себя несколько аспектов. Во-первых, доступность подключения к Интернету. Эта проблема распадается на два фактора - физическая возможность подключения к сети и финансовая возможность оплачивать это подключение.

Физический доступ предполагает наличие технологической инфраструктуры, такой как широкополосный интернет, в определённых географических районах. Для сокращения этого неравенства Генеральная Ассамблея ООН 6 июля 2017 года приняла Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, одной из целей которой является существенное расширение доступа к информационно-коммуникационным технологиям и стремление обеспечить всеобщий и недорогой доступ к Интернету в наименее развитых странах к 2030 году. В качестве критерия используется «Доля населения, охваченного мобильными сетями, в разбивке по технологиям».

Мобильная широкополосная связь (3G или выше) в 2023 году была доступна 95% населения мира по сравнению с 78% в 2015 году. В большинстве развивающихся стран этот тип доступа является основным, а зачастую и единственным способом подключения к Интернету. Однако устранение оставшегося 5%-ного разрыва в охвате создает проблемы. Примечательно, что в Океании (за исключением Австралии и Новой Зеландии) разрыв остается значительным и составляет 31%. Хотя разрыв в странах Африки к югу от Сахары сокращается, он по-прежнему остается относительно высоким и составляет 17%, особенно это касается центральной и западной Африки [1]. Доля населения, охваченная различными видами доступа к Интернету, представлена на рисунке 1.

Вторым аспектом этой проблемы является финансовая доступность. На ранних этапах доступ к технологиям был ограничен теми, кто мог позволить себе дорогие компьютеры и подключение к интернету. Это создало разрыв между людьми, у которых были средства для доступа к информации и ресурсам в интернете, и теми, у кого их не было. По мере развития технологий проблема доступности цифровых технологий стала более очевидной. Несмотря на то, что такие устройства, как смартфоны, со временем стали более доступными, стоимость интернет-услуг и тарифных планов по-прежнему может быть препятствием для многих людей, особенно для тех, у кого ограниченные финансовые возможности. Доступность остаётся серьёзным препятствием на

пути к преодолению цифрового неравенства, поскольку важно обеспечить не только физические возможности использовать цифровые технологии, но и их финансовую доступность.

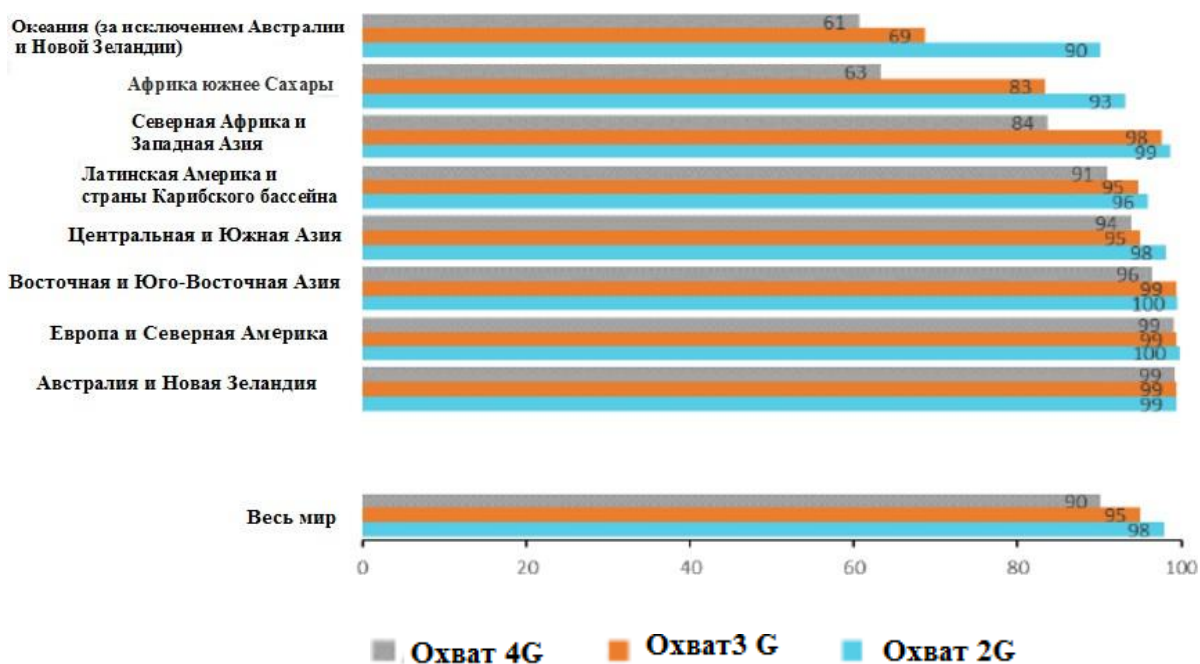

Рис. 1. Доля населения, охваченного сетью мобильной связи, 2023 год [1].

Проблема здесь, на наш взгляд, кроется в структуре отрасли, предоставляющей услуги связи. Отрасль является олигополистической. Например, в РФ действуют четыре крупных игрока и ряд мелких региональных компаний. При столь ограниченной конкуренции в отрасли наблюдается постоянное повышение тарифов. Старые, более дешевые тарифы, компании стараются убрать с рынка. Мы наблюдаем постоянный рост цен на услуги связи и Интернета.

Федеральная антимонопольная служба (ФАС) постоянно проверяет тарифы мобильных операторов. Так, в сентябре 2023 года, ФАС возбудила дело в отношении ПАО «Мегафон» за необоснованное повышение тарифов, а 22 мая 2024 года Федеральная антимонопольная служба возбудила дело в отношении оператора связи МТС из-за повышения стоимости услуг, которое ведомство сочло необоснованным. По данным ФАС, в марте и апреле этого года услуги сотовой связи для более 30 млн. абонентов МТС подорожали в среднем на 8%.

Однако операторы связи объясняют это повышением издержек. Эксперт Асия Каберова, кандидат экономических наук, доцент кафедры цифровой экономики, управления и бизнес-технологий МТУСИ, напомнила, что в конце декабря 2022 года операторы «большой четвёрки» (Tele2, «Билайн», «Мегафон» и МТС) заключили форвардные контракты с производителями отечественных базовых станций.

По словам заместителя главы Минцифры РФ Дмитрия Кима, общий объём поставок по этим контрактам должен составить 75 тысяч базовых

станций до 2030 года. Планируется, что российское телекоммуникационное оборудование начнёт вводиться в промышленную эксплуатацию в 2025 году, а с 2028 года можно будет использовать только российские базовые станции [2].

Параллельно с постепенным процессом замещения телекоммуникационного оборудования в 2024 году начался вывод из эксплуатации базовых станций 3G.

Несомненным преимуществом является то, что отечественные пользователи получают доступ к более технологичным сетям 4G и 5G. Однако, на наш взгляд, рост цен на тарифы опережает затраты на внедрение нового оборудования. В связи с этим ФАС обоснованно требует объективного подхода при разработке более дорогих тарифных планов.

Третья причина, порождающая цифровое неравенство, заключается в недостатке цифровой грамотности, а точнее – в её отсутствии. Одного доступа к технологиям недостаточно, если у людей нет необходимых навыков для их эффективного использования. Цифровая грамотность включает в себя умение ориентироваться на онлайн-платформах, критически оценивать информацию, защищать личные данные и использовать цифровые инструменты для различных целей. По мере расширения цифрового пространства потребность в навыках цифровой грамотности становится всё более важной для успешной жизни в технологичном обществе.

Цифровой разрыв влияет не только на развитие информационно-телекоммуникационных технологий или на эффективность функционирования экономики. Цифровой разрыв имеет далеко идущие социальные последствия, влияя на взаимодействие, отношения и возможности внутри сообществ. Различия в доступе к цифровым технологиям и их использовании создают социальное неравенство, которое влияет на различные аспекты жизни людей. А на макроуровне чётко прослеживается связь между развитой социальной инфраструктурой и эффективностью национальной экономики [3]. Социальная инфраструктура – это базовые системы и услуги, которые поддерживают благополучие общества, включая образование, здравоохранение, транспорт и управление.

Рассмотрим основные способы, которыми цифровое неравенство влияет на эти сферы:

1. Образование и развитие рабочей силы.

Неравный доступ к обучению: учащиеся, у которых нет надёжного интернета или устройств, испытывают трудности с дистанционным обучением, что усугубляет неравенство в образовании и снижает шансы на трудоустройство в будущем.

Дефицит навыков: недостаточная цифровая грамотность ограничивает возможности трудоустройства в экономике, основанной на технологиях, и усугубляет неравенство доходов.

Экономическая производительность: менее квалифицированная рабочая сила препятствует инновациям и снижает общую экономическую конкурентоспособность.

2. Доступ к здравоохранению и общественное здравоохранение.

Барьеры в сфере телемедицины: сельские жители и люди с низким уровнем дохода сталкиваются с трудностями при получении удалённой медицинской помощи, что приводит к ухудшению состояния здоровья и более высоким долгосрочным расходам.

Пробелы в медицинской информации: ограниченный доступ в интернет снижает осведомлённость о профилактической медицине, лечении заболеваний и инициативах в области общественного здравоохранения.

Экономическое бремя: ухудшение здоровья увеличивает количество прогулов и снижает производительность труда, перегружая системы здравоохранения.

3. Государственные услуги и гражданская активность.

Исключение из системы электронного правительства: граждане, не имеющие доступа к онлайн-сервисам (подача налоговых деклараций, подача заявлений на получение пособий), сталкиваются с бюрократическими проволочками и финансовым отчуждением.

Лишение избирательных прав: цифровая регистрация избирателей и пробелы в информации снижают политическую активность, ослабляя демократические процессы.

Эффективность государственных услуг: правительства, инвестирующие в цифровые системы, могут исключать из них людей, не использующих цифровые технологии, снижая эффективность социальных программ.

4. Транспорт и городское развитие.

Различия в «умных» городах: люди, не имеющие доступа к цифровым технологиям, получают меньше преимуществ от «умной» инфраструктуры (например, приложений для общественного транспорта в реальном времени, систем управления дорожным движением), что усугубляет разрыв в мобильности.

Изоляция в сельской местности: отсутствие доступа к цифровым технологиям ограничивает возможности удалённой работы, электронной коммерции и виртуальных услуг, ускоряя экономический спад в сельской местности.

Цифровой разрыв усугубляет экономическое неравенство и ослабляет социальную инфраструктуру, исключая маргинализированные группы из сферы образования, здравоохранения, трудоустройства и государственных услуг. Для устранения этого разрыва требуются скоординированные инвестиции в доступ к технологиям, цифровые навыки и инклюзивные политические механизмы для обеспечения справедливого экономического роста. Неспособность преодолеть этот разрыв грозит долгосрочной стагнацией и усилением социальной разобщённости.

Список литературы

1. Ежегодный Отчет по Целям устойчивого развития (ЦУР), подготовленный Департаментом по экономическим и социальным вопросам

ООН. – Режим доступа: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2024/extended-report/> (дата обращения 28.03.2025).

2. *Смирнов И.* Почему в России продолжают расти цены на сотовую связь и что предпринимает ФАС. – Режим доступа: https://riamo.ru/articles/aktsenty/pochemu-v-rossii-prodolzhajut-rasti-tseny-na-sotovuju-svjaz-i-cto-predprinimaet-fas/?from=inf_cards (дата обращения: 28.03.2025).

3. *Бузмакова М.В.* Экономическая эффективность: социальный аспект проблемы // Инновации и инвестиции. – 2019. – № 8. – С. 32-37.

АНАЛИЗ ПРОНИКНОВЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОТРАСЛЯХ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Технологии искусственного интеллекта являются важным драйвером мирового экономического роста. Несмотря на наличия государственных программ по поддержке ИИ-технологий, их проникновение в российской экономике в несколько раз ниже в сравнении с развитыми странами. Использование технологий искусственного интеллекта (далее сокр. ИИ) уже привело к положительному экономическому эффекту для российских предприятий, превышающему 1 трлн руб. Наибольшее проникновение технологии ИИ в России демонстрируют в финансовом, медицинском и агропромышленном секторах экономики

Ключевые слова. Искусственный интеллект, проникновение, ВВП, финансовые институты, АПК

G. Sh. Valitov,

Graduate student,

State Budgetary Institution «Center for Advanced Economic Research of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan»

ANALYSIS OF THE PENETRATION OF AI TECHNOLOGIES IN RUSSIAN INDUSTRIES

Abstract. Artificial intelligence technologies are an important driver of global economic growth. Despite the existence of government programmes to support AI technologies, their penetration in the Russian economy is several times lower compared to developed countries. The use of AI artificial intelligence technologies has already resulted in a positive economic effect for Russian enterprises exceeding RUB 1 trillion. The highest penetration of AI technologies in Russia is demonstrated in the financial, medical and agro-industrial sectors of the economy.

Keywords. Artificial Intelligence, penetration, GDP, financial institutions, agro-industrial sector.

Современные реалии развития научно-технического прогресса последние годы реализовали самые смелые мысли писателей-фантастов прошедших столетий. Эксперты оценивают, что «основным драйвером роста мировой экономики будет являться дальнейшее проникновение технологий искусственного интеллекта в различные отрасли стран. Искусственный интеллект является ключевой движущей силой продолжающейся технологической революции. Данные технологии стимулируют инновации, трансформируют отрасли и меняют образ жизни людей. ИИ может выйти за рамки традиционных технологий, которые способны решать только известные сложные проблемы» [1]. Алгоритмы, разработанные с использованием искусственного интеллекта, обладают потенциальной вычислительной мощностью, превосходящей возможности любого программного обеспечения, созданного человеком. В большинстве соответствующих исследований

подчеркивается, что ИИ способен оказать значительное влияние на экономический рост различными способами. Однако следует отметить, что влияние ИИ на экономический рост неодинаково в разных секторах и регионах [1]. В одних индустриях ИИ может иметь более существенное влияние, в сравнении с другими, в которых могут произойти проблемы или неопределенности, связанные с проникновением технологий ИИ. Более того, для эффективного внедрения и интеграции технологий ИИ требуется соответствующая инфраструктура, доступность данных и существенный уровень поддержки развития технологий, который может различаться в разных отраслях и регионах.

Ожидается, что дальнейшее развитие технологий ИИ увеличит динамику мирового ВВП на 14% к 2030 г., 85% взаимодействий с клиентами будут управляться при помощи решений ИИ к 2025 г. [2], [3]. Дальнейшее проникновение технологий ИИ приведет к увеличению валовой добавленной стоимости промышленных отраслей на 4 трлн долл. к 2035 [4]. В большей степени данный эффект будет существенным в индустриях современных технологий, микроэлектронике, автомобилестроении и фармацевтической промышленности [5].

На развитых рынках приблизительно 14% профессий могут быть автоматизированы путем развития технологий ИИ, в то время как в более чем 30% профессиях, предположительно, поменяется структура рабочего процесса [6].

В последние годы искусственный интеллект (ИИ) стал одним из ключевых направлений технологического развития в России. Государство активно поддерживает исследования и разработки в этой области, а также создает условия для развития различных экономических и социальных сфер [7]. Однако, по результатам анализа А.Н. Фоминой, «в России уровень распространения технологий искусственного интеллекта в секторе экономики пока остается невысоким, например, в России в 2020 году на финансирование решений искусственного интеллекта было выделено 40 млн долл., в Китае – 14,3 млрд долл. (в 350 раз больше, чем в России), и это притом, что ВВП Китая больше ВВП России лишь в 10 раз» [8]. Россия, по причине введенных санкций и прочих ограничений с финансированием, развивает технологии искусственного интеллекта с 5-10-летней задержкой в сравнении с развитыми странами.

Согласно стратегии развития искусственного интеллекта в Российской Федерации на период до 2030 года, государство поддерживает научные исследования и разработки в области ИИ, создание инфраструктуры для разработки и внедрения решений ИИ, подготовку кадров и повышение квалификации специалистов, обеспечение безопасности и защиты данных с использованием ИИ [9]. Согласно данной программе, государство инвестирует в данное направление около 25 млрд руб., в то время как потенциальные инвестиции Сбера в технологии искусственного интеллекта составят 100 млрд руб. [1].

Согласно данным, предоставленным российскими властями, использование искусственного интеллекта уже привело к экономическому приросту для отечественных предприятий, превышающему 1 трлн руб. [10]. Проникновение технологий ИИ в России расширилось в большом количестве отраслей, однако важно отметить, что, предварительно оценивая вклад, примерно половина эффекта от технологий ИИ приходится на банковский сектор. «Базовый ИИ может быть интегрирован в прикладные системы, такие как распознавание лиц, речи и т. д. Промышленный ИИ находит большее применение в бизнесе, например, для борьбы с мошенничеством, для роботизированных советов и т. д.» [11]. На текущий момент главным инструментом искусственного интеллекта в финансовых институтах является машинное обучение [12]. Российские финансовые институты используют данный инструмент для разработки систем компьютерного зрения, запуска голосовых сервисов, обработки текста, анализа данных для целей прогноза потребительского поведения, разработки интеллектуальной робототехники [12]. Согласно анализу Банка ВТБ, на данный момент около 50% россиян положительно относятся к появлению банков, в которых все операции построены на технологиях искусственного интеллекта. 70% пользователей услуг российских банков относятся положительно к ИИ-рекомендациям по новым финансовым продуктам и услугам [13].

В последние годы в России наблюдается активная интеграция искусственного интеллекта в медицинскую область, что создает новые перспективы для диагностики, лечения и профилактики заболеваний. Объём рынка применения ИИ в медицине в 2023 г. приблизительно составлял около 1,5 млрд руб. [14]. В России более половины рынка внедрения технологий ИИ в медицины занимают компании, оказывающие услуги в области анализа медицинских изображений с применением технологий компьютерного зрения. В 2023 г. российские субъекты закупили 106 медицинских продукта с искусственным интеллектом, потратив на это около 500 млн руб. [1]. Ожидается, что с 2024 г. российские регионы будут внедрять как минимум по 3 медицинских решения с использованием ИИ в год [1]. Мы разделяем мнение Кузнецовой А.М. и Ягудиной Е.В., что «на уровне всей системы здравоохранения цифровая трансформация предполагает внедрение и использование цифровых технологий на всех уровнях системы, что должно привести к полному владению цифровыми навыками и компетенциями сотрудниками системы здравоохранения. Сама система управления подвержена кардинальным изменениям при внедрении цифровой трансформации» [15, с.257]. При этом ими «выявлены как положительные, так и отрицательные эффекты от ее внедрения» [15, с.257].

Степень цифровизации агропромышленного комплекса России варьируется и в значительной мере зависит от размеров предприятий. Уровень проникновения роботизированных технологий в агропромышленных предприятиях Россия в несколько раз ниже, чем в европейских странах. Экономический эффект от цифровизации в агропромышленном комплексе РФ

можно рассмотреть в свиноводстве и птицеводстве, где «активно применяются элементы цифрового сельского хозяйства с использованием искусственного интеллекта (умные системы управления световым режимом, микроклиматом, кормлением, навозоудалением, введением ветеринарных препаратов, автоматизированные системы контроля и учета суточных привесов и т.д.), которые необходимо тиражировать и применять в других подотраслях животноводства» [16]. Также существенную популярность в России получили онлайн-фермы, анализирующие и прогнозирующие процессы, связанные с производством молока.

Согласно прогнозу ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, к 2030 г. спрос сельскохозяйственной индустрии РФ на технологии, связанные с искусственным интеллектом, существенно возрастет и достигнет 86 млрд руб., что в 20 раз выше в сравнении со значениями 2020 г. [17]. Использование искусственного интеллекта в сельском хозяйстве позволяет повысить урожайность сельскохозяйственных культур на 10–15%, оптимизировать использование ресурсов, сократить затраты на воду, удобрения и рабочую силу. Кроме того, это позволяет сократить использование химикатов и улучшить качество продукции за счет более точного мониторинга состояния растений и почвы [3].

Таким образом, на основе проведенного анализа проникновения технологий искусственного интеллекта в отрасли российской экономики нами сделан вывод о активной интеграции искусственного интеллекта во все сферы экономики и области общественной жизни, что стало актуальным трендом современности.

Список литературы

1. Искусственный интеллект в российском здравоохранении: информация о последних тенденциях и влиянии на медицинскую практику: // MedRoche. 2023. – Режим доступа: <https://med.roche.ru/innovations/blog/ai-russia.html#:~:text=В%20настоящее%20время%2016%20%25%20медицинских,внедрить%20ИИ%20в%20ближайшем%20будущем.&text=Министерство%20экономического%20развития%20утвердило%20дорожную,рынка%20достигнет%2014%20млрд%20руб> (дата обращения: 19.03.2025).
2. Аксенова Е.И. Экспертный обзор о развитии технологий искусственного интеллекта в России и мире. Выбор приоритетных направлений развития искусственного интеллекта в России. – 2019.
3. Через пять лет спрос на искусственный интеллект в сельском хозяйстве вырастет кратно // Ю. Стрелец // Comnews. – 2024. – Режим доступа: <https://www.comnews.ru/content/237971/2025-02-26/2025-w09/1007/через-pyat-let-spros-iskusstvennyy-intellekt-selskom-khozyaystve-vyrastet-kratno> / (дата обращения: 12.03.2025).
4. Who Is Winning the AI Race: China, the EU or the United States? // Castro D., Michael McLaughlin M., Chivot E. // Datainnovation.org. 2019 / Режим

доступа: <https://www.datainnovation.org/2019/08/who-is-winning-the-ai-race-china-the-eu-or-the-united-states/> (дата обращения: 12.03.2025).

5. Artificial Intelligence (AI) worldwide, Statistics & Facts // *Thormundsson B.* // OECD. 2022. – Режим доступа: <https://www.statista.com/topics/3104/artificial-intelligence-ai-worldwide/#dossierKeyfigures/> (дата обращения: 12.03.2025).

6. The Macroeconomic Impact of Artificial Intelligence: // PWC. – 2018. – Режим доступа: <https://www.pwc.co.uk/economic-services/assets/macroeconomic-impact-of-ai-technical-report-feb-18.pdf> (дата обращения: 12.03.2025).

7. Ягудина Е.В. Тенденции развития цифровых технологий в регионах России / Е. В. Ягудина, Г. Ш. Валитов // Экономические науки. – 2024. – № 241. – С. 440-445.

8. Фомина А.Н. Проблемы и перспективы развития рынка искусственного интеллекта в России // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т. 12. – №.2. – С. 1051-1068.

9. Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года – Режим доступа: <https://ai.gov.ru/national-strategy/> (дата обращения: 18.03.2025).

10. На кредитные организации пришлось половина доходов от ИИ в РФ // Коммерсант. – 2024. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6563511> (дата обращения: 12.03.2025).

11. Артеменко Д.А., Зенченко С.В. Цифровые технологии в финансовой сфере: эволюция и основные тренды развития в России и за рубежом // Финансы: теория и практика. – 2021. – Т. 25. – №. 3. – С. 90-101.

12. Названы главные риски применения ИИ в финансовом секторе России: // *tadviser.* 2024./ – Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Искусственный_интеллект_в_банках (дата обращения: 19.03.2025).

13. Клиенты российских банков готовы довериться ИИ-роботам // П. Королев: // *Comnews.* 2024. – Режим доступа: <https://www.comnews.ru/content/236612/2024-12-02/2024-w49/1008/klienty-rossiyskikh-bankov-gotovy-doveritsya-ii-robotam> (дата обращения: 12.03.2025).

14. Обзор Российских систем искусственного интеллекта для здравоохранения: // *Webiomed.* 2024. – Режим доступа: <https://webiomed.ru/blog/obzor-rossiiskikh-sistem-iskusstvennogo-intellekta-dlia-zdravookhraneniia/> (дата обращения: 12.03.2025).

15. Кузнецова, А.М. Влияние цифровой трансформации на здоровье населения / А.М. Кузнецова, Е.В. Ягудина // Экономические науки. – 2024. – №241. – С. 256-259.

16. Кудинова М.Г., Шелепова Е.А. Внедрение цифровой экономики на основе искусственного интеллекта в сельское хозяйство Российской Федерации // Трансформация социально-экономической модели развития страны: необходимость, возможности, направления. – 2023. – С. 111.

17. Абдрахманова Г.И. Вишневский К.О., Гохберг Л.М., Дранев Ю.Я., Зинина Т.С., Ковалева Г.Г., Лавриненко А.С. Индикаторы цифровой экономики:

2021. / Статистический сборник НИУ «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2021. – 380 с.

18. Putting faces to the jobs at risk of automation // OECD. 2018. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/employment/Automation-policy-brief-2018.pdf> (дата обращения: 12.03.2025).

19. *Trabelsi M.A.* The impact of artificial intelligence on economic development // *Journal of Electronic Business & Digital Economics*. – 2024. – Т. 3. – №. 2. – С. 142-155.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ: СУЩНОСТЬ, ВЫЗОВЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье раскрывается значение технологического суверенитета как стратегического ответа на усиление геоэкономической фрагментации, санкционного давления и роста технонационализма. Автор анализирует отличие технологического суверенитета от полной независимости, подчеркивая его роль в снижении критической зависимости в приоритетных секторах. Рассматриваются примеры национальных стратегий (Китай, ЕС, Индия, Россия) и динамика российского финансирования ключевых направлений. Делается вывод о необходимости комплексного подхода к формированию научно-технологической базы и институциональной поддержки как основы экономической безопасности и устойчивого развития.

Ключевые слова. Технологический суверенитет, импортозамещение, стратегическая автономия, НИОКР, критическая инфраструктура, государственно-частное партнёрство, цифровой суверенитет, научно-технологическая политика.

K.S. Volkova,*Assistant,
Department of Political Economy and History of Economic Science,
Plekhanov Russian University of Economics*

TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY: ESSENCE, CHALLENGES, AND DIRECTIONS FOR SUPPORT IN THE CONTEXT OF GEOECONOMIC TRANSFORMATION

Abstract. The article reveals the significance of technological sovereignty as a strategic response to the intensification of geoeconomic fragmentation, sanctions pressure, and the growth of technonationalism. The author analyzes the differences between technological sovereignty and complete independence, emphasizing its role in reducing critical dependencies in priority sectors. The article examines examples of national strategies (China, the EU, India, and Russia) and the dynamics of Russian funding for key areas. The article concludes that a comprehensive approach to the formation of a scientific and technological base and institutional support is necessary as a foundation for economic security and sustainable development.

Keywords. Technological sovereignty, import substitution, strategic autonomy, R&D, critical infrastructure, public-private partnerships, digital sovereignty, and scientific and technological policy.

В условиях усиливающейся геоэкономической турбулентности, нарастающей технологической фрагментации и обострения конкуренции между глобальными центрами силы технологический суверенитет становится краеугольным элементом национальной экономической стратегии. Обеспечение способности государства к независимому воспроизводству

критически важных технологий и инфраструктур выходит за рамки технической задачи и приобретает политико-экономическое измерение. Особенно остро эта проблема стоит для государств, стремящихся сохранить стратегическую автономию и устойчивость в условиях санкционного давления, ограничения трансферов технологий и нарастания технонационализма.

Понятие «технологический суверенитет» трактуется как способность государства контролировать и развивать критически важные технологические компетенции, не завися от внешних поставок в стратегически чувствительных отраслях. Это включает не только способность производить ключевые элементы технологической цепочки (микроэлектроника, телекоммуникации, ИИ, критическая инфраструктура), но и институциональные механизмы защиты интеллектуальной собственности, кадрового и научного потенциала.

В отличие от технологической независимости, предполагающей полную автаркию (что практически недостижимо в современных условиях), технологический суверенитет акцентирует внимание на способности государства минимизировать риски внешнего давления и технологической зависимости в приоритетных сферах. Он включает как внутренние элементы (развитие НИОКР, инфраструктуры, промышленной базы), так и внешнеполитические аспекты (кооперация, импортозамещение, стратегическое партнёрство).

В XXI веке технологическое развитие приобретает характер «технологической войны»: экспортные ограничения, запреты на трансфер знаний, санкции против научных институтов и высокотехнологичных компаний стали инструментами геополитического давления. В этих условиях уязвимость технологической зависимости особенно остро проявляется в:

- критических отраслях: микроэлектроника, программное обеспечение, телекоммуникации, биотехнологии;
- зависимости от глобальных производственно-логистических цепочек;
- утечке интеллектуального и кадрового капитала;
- внешнем контроле над стандартами и протоколами цифровой инфраструктуры.

Санкционная политика Запада по отношению к ряду государств, включая Россию, Китай и Иран, актуализировала задачи быстрой адаптации, форсированного импортозамещения и построения новых технологических альянсов. При этом, помимо внешнего давления, внутренняя слабость – недофинансирование науки, износ производственной базы, кадровый дефицит – также ограничивает потенциал суверенного развития.

Формирование технологического суверенитета требует комплексной государственной стратегии, включающей:

1. приоритетное финансирование НИОКР, особенно в рамках программ «глубоких технологий» (deep tech);
2. создание суверенных технологических платформ: операционных систем, процессоров, коммуникационных протоколов;

3. формирование экосистемы развития: технопарки, венчурные фонды, инкубаторы, университеты, ЦКП;

4. стратегическое планирование (госпрограммы, дорожные карты, «долгие деньги»);

5. стимулирование спроса через госзаказ, преференции, технологические кластеры.

Особую роль играет развитие государственно-частного партнёрства (ГЧП) и включение частного сектора в реализацию технологических приоритетов. Без эффективного взаимодействия бизнеса, науки и государства реализация задач суверенитета становится невозможной.

Интерес представляет практика Китая, выстроившего с 2000-х годов стратегию «национального возрождения» через опору на внутренние научно-технологические ресурсы. Программа «Made in China 2025» нацелена на выход на лидирующие позиции в ряде высокотехнологичных отраслей. В условиях торговой войны с США китайские компании (Huawei, ZTE, SMIC) форсировали разработку собственных решений, включая национальные ОС, чипы, 5G-технологии.

Европейский союз реализует концепцию «стратегической автономии», стремясь уменьшить зависимость от США и Азии в критических секторах (например, через инициативу GAIA-X, Европейский акт о чипах). Франция и Германия формируют национальные фонды технологического суверенитета.

Индия продвигает курс на «Atmanirbhar Bharat» – «самодостаточную Индию», развивая местные ИТ-продукты и стимулируя локализацию.

Россия на фоне внешнего давления в 2022–2025 годах активизировала усилия по обеспечению технологического суверенитета. Ключевые направления включают развитие микроэлектроники (программа «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности до 2030 года»); импортозамещение в критических ИТ-секторах (операционные системы, ПО, ERP, базы данных); поддержка отечественных разработчиков и стартапов через фонд «Сколково», «Роснано», РВК; запуск национальной системы аккредитации и поддержки ИТ-компаний; развитие НТИ (Национальной технологической инициативы).

Таблица 1.

Финансирование приоритетных направлений технологического
развития в России (млрд руб.)

Год	ИИ	Полупроводники	Квантовые технологии	Биотехнологии
2020	35	90	4	20
2021	50	110	6	30
2022	80	150	10	50
2023	100	180	13	70
2024	120	210	16	85

В таблице представлена динамика финансирования по основным технологическим направлениям в 2020–2024 гг. (в млрд руб.). Данные отражают устойчивый рост инвестиций, особенно в области ИИ и полупроводников, что свидетельствует о приоритетности данных направлений в государственной политике.

Тем не менее, сохраняются серьёзные барьеры: зависимость от зарубежного технологического оборудования, ограниченный доступ к полупроводниковым технологиям, отток специалистов. На повестке — необходимость создания полноценной научно-инженерной школы нового поколения, усиление горизонтальной кооперации и системной цифровизации промышленности.

В заключение следует отметить что технологический суверенитет — это не разовая задача, а долговременная трансформация всей экономической модели. Его реализация требует мобилизации ресурсов, политической воли, пересмотра приоритетов экономической политики и усиления институциональной координации. В условиях нарастающего геοэкономического давления технологический суверенитет становится неотъемлемым условием сохранения экономической безопасности, суверенитета и устойчивого развития.

Список литературы

1. *Глазьев С.Ю.* Мир на перепутье: переход к шестому технологическому укладу. – М.: Экономика, 2016. – 496 с.
2. *Родионова И.А.* Технологическая безопасность и суверенитет: методология анализа и международный опыт. – М.: ИНФРА-М, 2021. – 254 с.
3. *Винокуров Е.Ю.* Геοэкономика: руководство по межстрановой экономической стратегии. – М.: Дело, 2020. – 304 с.
4. Национальная технологическая инициатива: доклад о ходе реализации. – М.: АСИ, 2023. – 87 с.
5. Made in China 2025. Государственный совет КНР. – Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm (дата обращения: 19.05.2025).
6. European Commission. A Chips Act for Europe. – 2022. [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-chips-act> (дата обращения: 19.05.2025).
7. Минпромторг России. Стратегия развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года. – М., 2023. – 112 с.
8. *Капелюшников Р.И.* Импортозамещение в условиях технологических санкций: уроки 2022–2023 гг. // Вопросы экономики. – 2023. – № 12. – С. 5–27.

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ С УДАЛЕННОЙ ЗАНЯТОСТЬЮ

Аннотация. В статье рассматриваются обязанности формирования кадровой политики в условиях цифровизации трудовых отношений. Обоснована цель кадровой политики как формирование высокоэффективных команд и удержание опытных талантливых сотрудников, одним из инструментов которой является удаленная занятость.

Ключевые слова. Удаленная занятость, кадровая политика, цифровизация, виртуальная команда, эффективность.

A.K. Ganieva,
*Candidate of economic Sciences, associate Professor,
The Department of personnel management,
Crimean Federal University V.I. Vernadsky*

FORMATION OF PERSONNEL POLICY WITH REMOTE EMPLOYMENT

Abstract. The article discusses the responsibilities of personnel policy formation in the context of digitalization of labor relations. The purpose of HR policy is justified as the formation of highly effective teams and the retention of experienced and talented employees, one of the tools of which is remote employment.

Keywords. Remote employment, personnel policy, digitalization, virtual team, efficiency.

Современный быстроменяющийся мир требует от компаний не только быстро реагировать на изменения, но и иметь гибкую, инновационную и адаптивную кадровую политику, поэтому ее необходимо постоянно совершенствовать. Важно постоянно управлять кадровой политикой, так как она может способствовать повышению производительности сотрудников. Сильная стратегия, подкрепленная эффективными технологиями управления, создает условия для повышения мотивации и продуктивности персонала.

Кадровая политика современных организаций существенно изменилась под влиянием инновационных технологий, появившихся на рынке труда. Цифровая реальность создает совершенно новый формат социально-трудовых отношений. Работодатель в условиях новых вызовов оценивает возможности и перспективы внедрения удаленных рабочих мест. Поэтому в этой области, особенно в постковидном периоде, активно проводятся исследования новых механизмов в управлении персоналом.

Авторы Т. А. Камарова, Н. В. Тонких обобщили теории цифровой занятости, включая систематизацию видов цифровой занятости, выявление ее отраслевой структуры и гендерной специфики. Целью их исследования является уточнение понятийно-сущностного аппарата цифровых видов занятости, таких как дистанционная, удаленная, виртуальная, платформенная, IT-занятость, гибридная, цифровая занятость, фриланс [1].

Фролова, И. И. актуализирует проблемы управления персоналом в условиях удаленной занятости, акцентируется внимание на достоинствах и недостатках дистанционного менеджмента с точки зрения работодателя и работника [2].

Группа авторов М.А. Гильтман, А.Ю. Мерзлякова, Ю.А. Варламова, Н.И. Ларионова провели анализ цифровизации занятости в регионах России в 2020-2021 гг. Результаты исследования показали, что основная часть регионов проявила высокую адаптивную способность к внешнему шоку, вызванному пандемией. Статистические оценки конвергенции показателей цифровизации занятости между регионами продемонстрировали сокращение различий между ними [3].

Целью создания эффективной системы управления кадровой политикой является формирование высокопроизводительных коллективов, в которых сотрудники отождествляют собственные интересы деятельности с целями деятельности организации. Основной целью кадровой политики является формирование работоспособных коллективов, с высокой трудовой активностью, демонстрирующих высокие результаты труда на основе ресурсоэкономного подхода. Важным аспектом систем управления кадрами является готовность к инновациям, желание и способность коллектива к переменам и адаптация всех внутренних, экономических и социальных, процессов внутри коллектива.

Проблемой, которой нужно уделять особое внимание при управлении персоналом организации, является удержание опытных и талантливых работников. Одним из вариантов ее решения может быть создание условий для таких работников, в которых они будут чувствовать себя ценными, востребованными и уважаемыми в организации. При этом они не просто будут стремиться надолго задержаться в организации, но и продуктивно в ней работать, проявляя большую инициативу и энтузиазм в своей работе. Таким эффективным инструментом является удаленная занятость для определённых видов деятельности, имеющая ряд очевидных преимуществ, в сравнении с традиционным наймом на рабочее место. Благодаря развитию технологий удаленной работы, сотрудники могут работать вне офиса, что позволяет компаниям привлекать и сохранять высококвалифицированные кадры из любой точки мира. Это изменение в кадровой политике подразумевает большую автономию сотрудников и большую ответственность за достижение результата.

Компании все чаще формируют виртуальные команды, состоящие из сотрудников из разных географических регионов или даже стран. Цифровые технологии, такие как видеоконференции, онлайн-системы совместной работы и сообщения в режиме реального времени, позволяют этим командам оставаться связанными и эффективно взаимодействовать. Виртуальные рабочие столы, облачные хранилища данных, видео-звонки и другие инструменты помогают сотрудникам чувствовать себя связанными и продуктивными.

Основными принципами кадровой политики с удаленной занятостью являются: формирование и реализация в соответствии со стратегией

организации, индивидуальная мотивация сотрудников, непротиворечивость инструментов и механизмов, максимальное документальное оформление кадровых процессов и формализация должностных обязанностей и профессиональных компетенций. Поэтому кадровая политика должна быть прозрачна, понятна и доступна для любого сотрудника организации (даже удаленного) – участника процесса труда.

Соблюдение принципов эффективности кадровой политики позволяет эффективно осуществлять целеполагание и планирование деятельности организации, позволит преследовать интересы не только собственников в процессе профессиональной деятельности, но и интересы сотрудников организации (рис. 1.)

Рисунок 1. Принципы эффективной кадровой политики.

Руководители и специалисты по управлению персоналом, которые недооценивают необходимость в постоянной и комплексной работе с кадровой политикой, обрекают деятельность организации на низкую результативность, слабую конкурентоспособность и в итоге низкую эффективность. Своевременная и качественная работа по диагностике кадровой политики позволит разработать ряд мер по преодолению сложностей, которые присутствуют в деятельности любой организации. Существует проблема, связанная с тем, что используемые в настоящее время методики оценки эффективности кадровой политики, как правило, основаны на теоретических догмах зарубежных подходов, которые в российских условиях малоприменимы. Часто такие факторы как субъективность экспертных оценок и описательных характеристик препятствуют справедливой и качественной оценке возможностей персонала. Об этом также следует помнить при выборе инструментов оценки. В проведении оценки эффективности кадровой политики

также есть свои принципы и требования, которые, как правило, стандартные. Это объективность, комплексность оценочных мероприятий, использование доказанных научных методов и результативность. Эффективная кадровая политика позволит удовлетворить цели сотрудников через удовлетворение целей организации, что является основной смысловой нагрузкой кадровой политики организации с удаленной занятостью.

Таким образом, поддержание и повышение эффективности систем управления персоналом в условиях цифровизации невозможно без разработки стандартов новых должностей, которые будут включать в себя набор необходимых цифровых компетенций, реализации принципов командной реализации стратегии и достижения организационных целей. Мотивационное стимулирование должно строиться на результативности и вкладе каждого конкретного сотрудника в достижение организационных целей. Важным аспектом кадровой политики в условиях цифровизации является процесс адаптации сотрудников к нововведениям и внедрению новых цифровых инструментов и механизмов в профессиональную деятельность. Нарастающие факторы негативного воздействия неопределенности рынка труда приводят к необходимости эффективней коммуникации работодателя с потенциальным сотрудником еще на этапе отбора и найма, поэтому адаптации отводится особое место при формировании кадровой политики.

Список литературы

1. Камарова, Т.А., Тонких Н.В. Цифровая занятость: классификация и гендерная специфика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2022. – № 3(67). – С. 22-30. – DOI 10.52452/18115942_2022_3_22.
2. Фролова И.И. Проблемы управления персоналом в условиях удаленной занятости // Журнал прикладных исследований. – 2022. – Т. 4, № 11. – С. 319-322. – DOI 10.47576/2712-7516_2022_11_4_319.
3. Гильтман М.А., Мерзлякова А.Ю., Варламова Ю.А., Ларионова Н.И. Различия цифровизации занятости в регионах России // ЭКО. – 2024. – № 5(599). – С. 240-262. – DOI 10.30680/ECO0131-7652-2024-5-240-262.

ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается феномен молодежного предпринимательства, статистика роста предпринимательской активности, меры поддержки молодежного предпринимательства, а также основные особенности молодых предпринимателей.

Ключевые слова. Предпринимательство, молодежное предпринимательство, молодежь.

A.A. Garanina,
postgraduate student, deputy director of the Institute of Economics
Lobachevsky University

FEATURES OF YOUTH ENTREPRENEURSHIP IN MODERN RUSSIA

Abstract. The article examines the phenomenon of youth entrepreneurship, statistics on the growth of entrepreneurial activity, measures to support youth entrepreneurship, as well as the main characteristics of young entrepreneurs.

Keywords. Entrepreneurship, youth entrepreneurship, youth.

Молодежное предпринимательство набирает все большую популярность, становится трендом нового поколения. Все больше школьников и студентов погружаются в предпринимательскую деятельность. Согласно статистике Министерства экономического развития РФ, за период с 2020 по 2024 год число индивидуальных предпринимателей в возрасте до 25 лет выросло более чем в 1,5 раза. В начале 2025 года число молодых предпринимателей достигло 2,7 млн. человек. Если рассмотреть возраст до 18 лет, то их количество увеличилось за последние 5 лет в 228%, что превысило 12 тысяч человек. Это объясняется усиленными мерами со стороны государства по популяризации молодежного предпринимательства. Самые распространенные сферы ведения бизнеса среди молодежи: розничная торговля через интернет, рекламные агентства и веб-порталы, ресторанный бизнес, доставка продуктов питания, складирование и хранение. Доклады Правительства РФ говорят о необходимости модернизации экономики страны, об усовершенствовании механизмов для развития предпринимательской деятельности среди молодежи.

Понятие «молодежное предпринимательство» зафиксировано в п. 1 ст. 2 Закона № 489-ФЗ и относит к нему социально-демографическую группу лиц в возрасте от 14 до 35 лет.

Рассмотрим, как понимают молодежное предпринимательство в научных источниках. **Каурова Е.Э.** определяет данный феномен как практическое применение личностных качеств, среди которых готовность к риску,

новаторство, креативность, инициативность [1, 416]. **Ахиярова Н.В.** рассматривает молодежное предпринимательство как вид активности индивидов [2, 17]. **Коческова Э.Ю.** вкладывает в понятие как экономическую, так и молодежную политику государства. **Востроухова Д.Ю.** определяет молодежное предпринимательство как самостоятельный бизнес, реализуемый небольшой группой людей. **Шпилева А.А.** включает в понятие «молодежное предпринимательство» генерирование предпринимательских идей, осуществление и реализацию бизнес-проектов [3, 137]. **Петросян С.Г.** характеризует молодых предпринимателей такими качествами как гибкость, адаптивность, инновационность [4, 23].

Предпринимательство поддерживается государством на федеральном и региональном уровнях – разрабатываются новые меры, запускаются центры поддержки, законопроекты, программы, инициативы. Ведется работа по созданию условий и необходимых гарантий для самореализации молодежи, и развития предпринимательства в целом. Выделим основные меры поддержки, реализуемые на территории нашей страны.

Государственные гранты в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство» для молодых предпринимателей в возрасте до 25 лет. Популярный среди молодежи Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (Фонд развития инновациям) и его программы «Инношкольник», «Умник», «Студенческий стартап», «Старт», «Развитие», «Интернационализация», «Коммерциализация». Особую популярность за последние годы приобрело Федеральное агентство по делам молодёжи (Росмолодёжь) поддерживает молодых предпринимателей, как финансово (гранты), так и информационно. Фонд «МПИ» поддерживает молодежь в возрасте до 28 лет, инвестируя в проекты по венчурной модели. НКО «Центр поддержки молодых предпринимателей» предоставляет юридические и бухгалтерские консультации, а также пакет ИТ-программ для запуска бизнеса.

Бизнес-инкубаторы, бизнес-клубы, технопарки и акселераторы. Почти в каждом регионе есть данные структуры поддержки инноваций и предпринимательства, которые выделяют площади на льготной основе, позволяют перенять опыт успешных предпринимателей, организуют образовательные программы, встречи с инвесторами, оказывают консультационную помощь, помогают с написанием бизнес-плана и подготовкой бизнес-модели.

Центры поддержки предпринимательства «Мой бизнес» оказывают помощь молодым предпринимателям в выборе организационно-правовой формы, проведении аудита, информируют о мерах поддержки, а также предоставляют услуги продвижения и маркетинга. Они позиционируются как «одно окно» для оказания всех услуг предпринимателям.

Инновационные центры, стартап-студии, бизнес-инкубаторы, созданные при вузах. Они нацелены, прежде всего, на развитие научно-технической деятельности, которая впоследствии может быть упакована в бизнес. Студенты

могут тестировать свои проекты под руководством наставников, научных руководителей, а также привлеченных экспертов из бизнес-сообщества.

Налоговые льготы. Существует ряд налоговых льгот для предпринимателей, которые действуют в текущем 2025 году: льготная ставка по налогу на прибыль (для ИТ), налоговые каникулы для новых ИП, пониженный тариф страховых взносов, ускоренный порядок возмещения НДС.

Рассмотрим, как описывают портрет молодого предпринимателя ученые. **Жидкова Э.В.** пишет, что молодой предприниматель обладает креативным мышлением, инновационным мышлением, готов рисковать, владеет интернет-технологиями [5, 90]. **МакКлеланд Д.** отмечает повышенную готовность к умеренному риску у молодых предпринимателей, а также расчет на свои силы, а не на внешнюю среду и обстоятельства [6, 672]. **Кирицнер И.** говорит, что предприниматель обладает повышенной «чуткостью» к возможностям получения прибыли, сочетает интеллект и жажду знаний [7, 272].

Выделим особенности молодежного предпринимательства, относительно личностных характеристик, качеств, которые выделяют сами предприниматели (в рамках проведенного глубинного интервью). Молодые предприниматели обладают инициативностью и креативным мышлением, способны быстро реагировать на изменения, запросы общества, воодушевленные, заряженные внутри. Они амбициозны, самоуверенны и готовы к риску; готовы ошибаться, исправлять свои ошибки и учиться. Предприниматели нового поколения нацелены оставить след после себя, сделать что-то важное и значимое для общества. Для них социальные сети, мессенджеры и онлайн-платформы - это не просто инструменты, а естественная среда обитания. Они знают, как привлечь внимание аудитории, как создать вирусный контент и как использовать данные для принятия решений.

Развитие молодежного предпринимательства в фокусе внимания государства. Множество мер поддержки реализуется на территории страны. Для более эффективной поддержки и развития молодежного предпринимательства необходимо увеличить информирование населения об имеющихся возможностях для молодежного сектора страны.

Список литературы

1. *Каурова Е.Э.* Анализ международной практики финансовой поддержки молодежного предпринимательства/Е.Э. Каурова, Е.Г. Русскова // Современные проблемы науки и образования - М., – 2015, – № 2-2. – С. 416-423.
2. *Ахиярова, Н.В.* Социально-управленческие проблемы государственной поддержки молодежного предпринимательства в Республике Башкортостан: «Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского общества»: II Международная научно-практическая конференция, Минск, БГЭУ, 15–16 декабря 2021 г. 124 автореф. дис. канд. социол. наук: 22.00.08 – Уфа, 2009. С. 17.

3. *Кошелев А.А.* К вопросу о теоретическом обосновании феномена молодежного предпринимательства. Эпоха науки. – 2019. – № 19. – С. 137-139.
4. *Петросян С.Г.* Организационно-экономический механизм поддержки молодежного предпринимательства в России: автореферат дис. кандидата экономических наук: 08.00.05 – Москва, 2012. С.23.
5. *Жидкова Э.В.* Современные аспекты активизации студентов в молодежном предпринимательстве // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2015. – №6 (128). – С. 90-93.
6. *МакКлеланд Д.* Мотивация человека // СПб.: Питер, 2007. – 672 с.
7. *Кирицнер И.* Конкуренция и предпринимательство. Челябинск: Социум, 2010. 272 с.

НЕОБХОДИМОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Аннотация. В статье обоснована необходимость изменения содержания универсальной компетенции УК-10 по программе специалитета и бакалавриата в сторону ее большей ориентации на формирование навыков финансовой грамотности молодежи и студентов. Рассмотрены проблемные ситуации потребительского поведения молодежи, выявлены основные финансовые риски и угрозы, показаны пути реализации компетенции в учебном процессе.

Ключевые слова. Высшее образование, компетенции, универсальная компетенция УК-10, экономическое образование, финансовая грамотность.

N.G. Glushich,

*Candidate of economic Sciences, associate Professor,
The Department of Economic theory and methodology,
Nizhny Novgorod state University N.I. Lobachevsky*

N.G. Titova,

*Candidate of economic Sciences, associate Professor,
The Department of Economic theory and methodology,
Nizhny Novgorod state University N.I. Lobachevsky*

Abstract. The article substantiates the need to change the content of the universal competence of the UC-10 in the specialty and bachelor's degree programs, in the direction of its greater focus on the formation of financial literacy skills of youth and students. The problematic situations of youth consumer behavior are considered, the main financial risks and threats are identified, and ways of implementing competence in the educational process are shown.

Keywords. Higher education, competencies, universal competence UC-10, economic education, financial literacy.

Современная политическая и социально-экономическая ситуация в стране, изменения нормативно-правовой базы на рынке кредитных, страховых и иных услуг, разнообразие банковских продуктов, применение цифровых технологий на финансовых рынках создают определённые сложности для граждан и их семей в понимании текущих процессов. Но больше всего это волнует молодое поколение, так как они не обладают достаточными знаниями и навыками для принятия разумных финансовых решений.

Согласно исследованиям Центрального банка России, в I-м полугодии 2024 года количество держателей кредитных карт составило более 28 млн. чел., из которых 23.6 % в возрасте от 18 до 30 лет. Так, кредитные карты привлекают

10.4 % молодых людей в возрасте до 20 лет, а от 20 до 30 лет – уже 13.2%. Молодёжная группа больше ориентирована брать потребительские кредиты, чем другие возрастные группы. В возрасте до 20 лет 6.7% молодых людей получают POS-кредиты, а от 20 до 30 лет – 10.1% [2, с. 5]. Такая тенденция вызывает некоторую обеспокоенность как со стороны государства, общественности, так и самих молодых людей.

Одной из проблем, которая возникает у молодежи, это недостаточная информированность о правилах получения и использования дебетовой и кредитной карт. Согласно ст. 28 ГК РФ, с 14 до 17 лет молодой человек может открыть свой собственный счёт и получить дебетовую карту [1]. Но уже с 18 лет появляются возможности завести и кредитную карту. Чаще всего оформляется банковская дебетовая карта студентам в рамках учебного заведения для перечисления первой стипендии. Большинство банков заинтересованы выдать не только дебетовые карты, но и кредитные карты такой молодёжной группе. Как показали результаты опроса¹, среди студентов 31.5 % опрошенных получили первую кредитную карту именно таким образом. Из них 22 % использовали кредитные средства для покупки смартфона (Рис. 1).

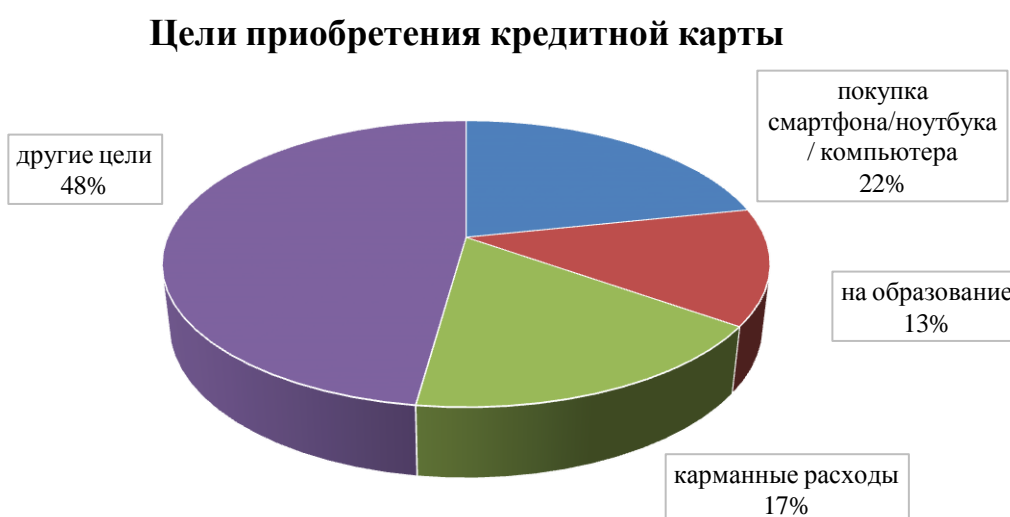

Рис. 1. Цели приобретения кредитной карты среди студентов
[Составлено авторами на основании данных опроса]

Как видно на рисунке 1, студенты прибегают к использованию кредитных средств на образование (13%) и карманные расходы (17%). Любопытно, что другими целями приобретения кредитной картой стали оплата расходов на отпуск или на покупку подарков.

С одной стороны, поведение современной молодёжи можно объяснить стремлением получить «здесь и сейчас» все те блага, о которых они мечтают и желают; а, с другой стороны, – недостаточным уровнем финансовой грамотности. При достижении совершеннолетия многие юноши и девушки

¹Опрос был проведен среди студентов Института клинической медицины по специальности «Стоматология» и Факультета социальных наук по направлению «Социология» в ННГУ им. Н.И. Лобачевского в декабре 2024 г.

начинают свою трудовую деятельность, оформляют первые соглашения по аренде жилья, покупке автомобиля, бытовой техники, заключают банковские договоры по кредиту и/или вкладам и т.п. Впервые они должны принимать такие финансовые решения самостоятельно, брать на себя обязательства и риски. Многие из них сталкиваются с первыми трудностями, которые связаны, в первую очередь, с их нестабильным финансовым положением, нерациональным потребительским поведением и недостаточным уровнем финансовой подготовленности.

В целом, можно отметить, что современное молодое поколение имеет недостаточный уровень экономической культуры и финансовой грамотности в отношении потребительского поведения (спонтанные покупки или получение необдуманного кредита) и распоряжения собственных (весьма скромных) денег. Прежде всего, это связано с недостаточным уровнем теоретических экономических знаний и ограниченного жизненного опыта, с определёнными трудностями в аргументации и критического осмысления той или информации, и её применения в повседневной деятельности.

На этом жизненном этапе для молодых людей очень важна защита как со стороны государственных структур, так и поддержка образовательных и просветительских учреждений. В настоящее время в рамках повышения финансовой грамотности населения реализуется Стратегия повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года [5]. Правительство РФ, Банк России и общество ориентированы на финансовое просвещение и повышение финансовой и экономической культуры населения.

Одним из важнейших структурных элементов в формировании финансово грамотного поведения является современная система образования. Изучение базовых категорий в области экономики и экономической политики государства, умение выявлять проблемы экономического характера при анализе конкретных ситуаций и принимать обоснованные решения является обязательным минимумом в образовательных программах дисциплины «Экономика» в соответствии с учебной компетенцией УК-10 «Способен принимать обоснованные экономические решения в различных областях жизнедеятельности».

В большинстве учебных программ по экономике включены те разделы и темы, которые раскрывают её как фундаментальную науку. Большинство экономических процессов и явлений рассматривается с помощью абстрактных теорий и моделей, что в недостаточной мере соотносится с реальностью. Это, в свою очередь, создаёт некоторые трудности в применении полученных теоретических знаний в практических ситуациях и в повседневной деятельности студентов.

В связи с этим некоторые исследователи подчёркивают необходимость в дополнении содержания универсальной компетенции УК-10. Кокорев Р.А., Кудряшова Е.Н. и др. предлагают сформулировать данную компетенцию следующим образом: «Способен принимать обоснованные и ответственные решения в сфере личных финансов» [4, с. 1178].

На наш взгляд, формулировка компетенции УК-10 должна содержать и общеэкономическую направленность и финансовую ответственность. Возможен вариант «Способен принимать обоснованные и ответственные экономические решения в различных областях жизнедеятельности, в том числе в управлении личными финансами».

Для реализации этой компетенции в учебном процессе считаем необходимым включать в темы экономической теории некоторые вопросы, касающиеся сферы личных финансов. Во-первых, это позволит освоить теоретические знания экономической теории с большим интересом со стороны студентов. Во-вторых, привлечь студентов к выполнению математических действий в решении расчётных и логических задач, в том числе в ведении личного бюджета, в сравнении различных ситуаций, в оценке рисков и т.п. И, в-третьих, сформировать навыки анализа информации для принятия обоснованных решений в управлении личными финансами.

Таким образом, в рамках образовательной программы можно рассматривать не только фундаментальные принципы экономики, но и включать прикладные аспекты финансового поведения современного студента. Особый интерес вызывают у студентов следующие вопросы: сбережения и вклады, кредиты и инвестиции, страхование и пенсионные накопления, фондовые рынки и различные финансовые инструменты.

В рамках изучения базовых основ экономики и личных финансов используются преимущественно классические формы обучения – контактная форма обучения студента в аудитории с преподавателем (лекции и семинары, обсуждение различных экономических и финансовых ситуаций), коммуникативные образовательные технологии (например, участие в научных и научно-практических студенческих конференциях, во Всероссийской студенческой олимпиаде по финансовой грамотности), проектная деятельность [6] и другие образовательные средства.

Кроме того, в рамках проведения занятий можно использовать различные цифровые технологии и инструменты, интерактивные формы обучения, образовательные электронные ресурсы, платформы электронного обучения Moodle, E-learning. Каждый вуз создает своё собственное электронное образовательное пространство [7, с. 1395-1396].

На наш взгляд, необходимо сочетать образовательные технологии дистанционного обучения, онлайн-образование с традиционными образовательными средствами. Целесообразно применять в учебном процессе цифровые технологии как один из возможных и доступных вариантов получения высшего образования [3, с. 47-48].

Исходя из вышеизложенного, можем отметить, что повышение экономической культуры и финансовой грамотности в студенческой среде является одной из главных целей в образовании. В формировании компетенции финансовой грамотности важную роль играют не только знания различных экономических процессов, но и понимание функционирования рынка финансовых услуг, ведения и управления личными финансами, а также

практическая направленность в принятии обдуманных экономических решений. На наш взгляд, это является фундаментом для формирования экономической культуры современного студента, грамотного и ответственного финансового поведения молодёжи.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024).
2. Анализ тенденций в сегменте розничного кредитования на основе данных бюро кредитных историй. Информационно-аналитический материал. Банк России, 2023. [inf-material_bki_2023fh.pdf](#) (дата обращения 16.02.2025).
3. Глушич Н.Г., Логинова Т.П., Титова Н.Г. Роль цифровых технологий в модернизации высшего образования // Социально-экономические предпосылки и результаты развития новых технологий в современной экономике: Материалы V Международной научной конференции, Нижний Новгород, 15 февраля 2023 года. – Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2023. – С. 47-50.
4. Кокорев Р.А., Кудряшова Е.Н., Телешова И.Г., Трухачев С.А. Новые задачи университетов в повышении финансовой грамотности студентов // Экономическая наука и развитие университетских научных школ (к 75-летию экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Сборник статей /Отв. ред. Аузан А.А., Герасименко В.В. – Т. 1. – М.: МГУ, 2016. – С. 1174-1182.
5. Стратегия повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года. Официальный сайт Правительства РФ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/150261/> (дата обращения 16.02.2025).
6. Титова Н.Г., Смирнова Т.В. Проектно-ориентированное обучение: опыт проведения проблемных семинаров по курсу «Микроэкономика» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 3-4. – С. 204-206.
7. Титова Н.Г., Логинова Т.П., Глушич Н.Г. Цифровые инструменты как фактор модернизации высшего экономического образования // Экономика и предпринимательств. – 2023. – № 9 (158). – С. 1395-1399. – DOI 10.34925/EIP.2023.158.09.270.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА СОВРЕМЕННЫЙ РЫНОК ТРУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье анализируется современное состояние российского рынка труда, воздействие цифровой трансформации на структуру занятости, изменение требований к качественным характеристикам потенциального работника.

Ключевые слова. Цифровизация экономики, российский рынок труда, структура занятости.

T.N. Demicheva,
Candidate of economic Sciences, Associate Professor,
The Department of Economic Theory and Methodology,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

THE IMPACT OF DIGITAL TRANSFORMATION ON THE MODERN LABOR MARKET OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article analyzes the current state of the Russian labor market, the impact of digital transformation on the employment structure, and changing requirements for the qualitative characteristics of a potential employee.

Keywords. Digitalization of the economy, Russian labor market, employment structure.

Одним из наиболее значимых трендов мирового социально-экономического развития на современном этапе является цифровизация. Основной характеристикой цифровой экономики выступает то, что ее развитие базируется на внедрении и использовании цифровых технологий на всех участках экономической деятельности [1]. Это, в свою очередь, позволяет решать основную задачу экономического развития – расширение производственных возможностей за счет более рационального использования ресурсов, в том числе трудовых [2].

В России процесс цифровизации так же стал одним из приоритетных направлений социально – экономической политики. В период 2020–2024 гг. Правительством РФ проводилась реализация национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», на смену которой в 2025 г. пришел национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Данный нацпроект призван повысить качество жизни граждан и эффективность ключевых отраслей социальной сферы, государственного и муниципального управления и сфер российской экономики. Обеспечить переход к сбалансированному росту отраслей под влиянием цифровых технологий [3].

В число ожидаемых результатов реализации нацпроекта входят:

а) достижение к 2030 году «цифровой зрелости» государственного и муниципального управления, ключевых отраслей экономики и социальной сферы, что предполагает автоматизацию большей части транзакций в рамках единых отраслевых цифровых платформ, внедрение технологий обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта;

б) формирование рынка данных, их активное вовлечение в хозяйственный оборот, хранение, обмен и защита;

в) увеличение доли домохозяйств с обеспечением качественного высокоскоростного широкополосного доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», до 97% к 2030 г. и до 99% к 2036 г.;

г) переход к 2030 году не менее 80% российских организаций ключевых отраслей экономики на использование базового и прикладного российского программного обеспечения в системах, обеспечивающих основные производственные и управленческие процессы;

д) увеличение к 2030 году до 99% доли предоставления массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронной форме;

ж) формирование системы подбора, развития и ротации кадров для органов государственной власти и органов местного самоуправления на основе приоритета профессиональных знаний и квалификаций, включая механизмы регулярной оценки и обратной связи в рамках единой цифровой платформы [4].

В настоящее время реализация проекта идет вполне успешно, что отражают данные Табл.1.

Таблица 1.

Использование сети «Интернет» населением в Российской Федерации

	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Численность населения в возрасте 15-74 лет, являющегося активными пользователями сети «Интернет» (тыс. чел.)	94686,7	98170,2	100412,5	103463,1	105259,4
Доля населения, являющегося активными пользователями сети «Интернет» (в процентах от общей численности населения в возрасте 15-74 лет)	84,1	87,3	89,8	91,5	93,7
Численность населения в возрасте 15-74 лет, использовавшего сеть «Интернет» для заказов товаров и (или) услуг (тыс. чел.)	45423,5	52469,9	60042,9	69350,1	80419,5

Продолжение таблицы 1.

	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Доля населения, использовавшего сеть «Интернет» для заказов товаров и (или) услуг (в процентах от общей численности населения в возрасте 15-74 лет)	84,1	46,6	53,7	61,3	71,6
Численность населения в возрасте 15-72 лет, использовавшего сеть «Интернет» для получения государственных и муниципальных услуг (тыс. чел.)	64945,6	75260,2	77879	82750,5	85169,5
Доля населения, использовавшего сеть «Интернет» для получения государственных и муниципальных услуг (в процентах от общей численности населения, получившего государственные и муниципальные услуги в возрасте 15-72 лет)	81,1	85,1	86,6	87,9	89,6
Число пользователей сети «Интернет» в возрасте 15-74 лет на 100 чел. населения данного возраста	84,1	88	90	92	94

Источник: составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики [5].

Показатели, приведенные в таблице, отражают достаточно высокие темпы роста вовлеченности в цифровую среду населения России: в 2024 г. 93.7% населения в возрасте 15-74 лет, являлись активными пользователями сети Интернет, 71,6% – использовали сеть Интернет для заказов товаров и услуг, 89,6% – для получения государственных и муниципальных услуг. Мощным стимулом для освоения новых технологий стала пандемия COVID-19, заставившая население в условиях ограничения физической мобильности обратиться к новым формам занятости, формировать навыки использования сети Интернет для заказов товаров, получения потребительских, государственных и муниципальных услуг, развивая сферу онлайн – услуг.

Данные процессы оказывают серьезное влияние на рынок труда:

– изменения в структуре занятости (внедрение искусственного интеллекта, робототехники, машинного обучения позволяет оптимизировать производственные процессы, повышать производительность труда, сокращая

затраты на персонал, однако при этом растет спрос на специалистов в секторе ИКТ и работников с навыками в области цифровых технологий);

- развитие новых, более гибких форм занятости (удаленная работа, фриланс, платформенная занятость);

- изменение требований к качественным характеристикам работника, так как цифровая среда требует не только наличия первоначальной профессиональной грамотности, но и способности к постоянному обновлению знаний, умений и навыков в рамках реализации концепции непрерывного образования в условиях быстро меняющихся технологий.

Достаточно часто цифровую трансформацию связывают с угрозой роста безработицы. Но в соответствии с рядом исследований сокращение рабочих мест в результате процессов автоматизации и роботизации в России составит около 12%, в то время как спрос на высококвалифицированные кадры в России увеличится на 35% [6, с. 29].

В соответствии с исследованиями экспертов ВШЭ в 2024 году численность работников, занятых дистанционно составляла 1,32 млн чел. (1,8% от общей численности занятых) [7], численность платформенных работников составила 3,2 млн чел. или 4,3% от общей численности занятых [8].

Влияние цифровой трансформации на состояние рынка труда России, его структуру, профессиональные навыки и качественные характеристики работника требуют взаимодействия государства, системы образования, бизнеса с целью реализации мер, обеспечивающих формирование правовой среды, профессиональных компетенций, позволяющих работникам эффективно действовать в условиях цифровизации экономики.

Список литературы

1. *Казанчева Х.К., Кильчукова А.Л.* Концептуальные тренды реального времени: цифровизация, стимулирование инновационного роста в экономике и развитие человеческого капитала // Модели мышления и интеграция информационно-управляющих систем (ММИИУС-2018). Материалы второй Международной научной конференции, посвящённой 25-летию юбилею Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. – 2018. – С. 363-365.

2. *Золотов А.В., Былинская А.А., Демичева Т.Н.* Динамика трудовых затрат в современной экономике // Экономика и предпринимательство. – 2019. – № 6 (107). – С. 133-136.

3. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/target/nacziionalnyj-proekt-ekonomika-dannyh-i-czifrovaya-transformacziya-gosudarstva> (дата обращения: 11.03.2025).

4. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=606911096&intelsearch=&firstDoc=1 (дата обращения: 11.03.2025).

5. Итоги федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt24/index.html (дата обращения: 20.02.2025).

6. *Шевченко О.П., Золкин А.Л., Хабибуллин Ф.Ф., Жильцов С.А.* экономические последствия автоматизации и роботизации в промышленности // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 14, № 1(154). – С. 23-33.

7. Удаленная занятость в России. – Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/976040462.html> (дата обращения: 11.02.2025).

8. Платформенная занятость в России. – Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/975577465.html> (дата обращения: 11.02.2025).

НОВЫЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ

Аннотация. В статье рассматриваются роль и возможности новых производственных технологий и выделяются преимущества их применения в управлении персоналом. Устанавливаются ключевые факторы, определяющие инновации в области управления персоналом. Анализируются современные тенденции и инструменты в области HR-технологий.

Ключевые слова. Новые производственные технологии, HR-технологии, тенденции, инструменты, управление персоналом, искусственный интеллект, машинное обучение, аналитика, стратегия.

Zh.V. Domozhilkina,
*PhD, Associate Professor of Personnel management Department,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University*

NEW PRODUCTION TECHNOLOGIES IN PERSONNEL MANAGEMENT

Abstract. The article examines the role and possibilities of new production technologies and highlights the advantages of their use in personnel management. The key factors determining innovations in the field of personnel management are identified. The current trends and tools in the field of HR technologies are analyzed.

Keywords. New production technologies, HR technologies, trends, tools, human resources management, artificial intelligence, machine learning, analytics, strategy.

За последние годы технологии изменили нашу жизнь больше, чем когда-либо прежде. Каждый день мы сталкиваемся с новыми изобретениями, которые разрушают старые технологии, особенно в том, что касается управления повседневной деятельностью отдельных лиц и организаций в целом. Каждая организация процветает благодаря деятельности людей, которые работают над достижением ее целей.

Кадровая деятельность организации в таких областях как привлечение талантов, расчет заработной платы, доходов, анализа и оценки эффективности работы сотрудников, т.е. в процессах, которые обеспечивают точность данных и синхронизацию действий всех подразделений, зависит от их автоматизации.

В эпоху, когда предприятия все чаще внедряют технологии в самые базовые функции, чтобы сопоставлять задачи с производительностью, цели – с результатами, а людей – с системами, все больше организаций обеспечивают свое будущее с помощью новых производственных технологий управления персоналом. По прогнозам специалистов мировой рынок HR-технологий достигнет к 2029 году 39,90 млрд. долларов при средних темпах роста в 7,5% в год [1].

Интеграция технологий в управление персоналом является ключом к оптимизации процессов и повышению производительности. Используя программное обеспечение и цифровые инструменты, организации могут автоматизировать такие задачи, как начисление заработной платы и оценка эффективности деятельности. Это также освобождает время для сотрудников отдела кадров, чтобы они могли сосредоточиться на стратегических инициативах, что в конечном итоге способствует повышению производительности и экономии средств в их организациях.

Технологии также позволяют HR-специалистам собирать и анализировать данные, предоставляя ценную информацию о тенденциях и поведении персонала. Искусственный интеллект (ИИ) и машинное обучение позволяют HR-специалистам принимать решения о талантах, вовлеченности и удержании персонала на основе полученных данных. Прогнозная аналитика позволяет выявлять потенциальных высококвалифицированных сотрудников или тех, кто рискует уволиться. Технологии произвели революцию в процессе подбора персонала. Порталы вакансий и платформы социальных сетей пользуются популярностью при поиске кандидатов, а системы отслеживания кандидатов помогают просматривать резюме. Видеоинтервью, проводимые с помощью видеоконференций, удобны и экономичны.

В целом можно выделить следующие преимущества применения новых производственных технологий в области управления персоналом, которые могут помочь:

- в решении таких проблем, как трудоемкие ручные процессы, проблем масштабируемости и повышения качества работы сотрудников;
- повысить эффективность и улучшить процесс принятия решений в области управления персоналом с помощью анализа данных. Это также может привести к повышению удовлетворенности сотрудников;
- улучшить качество работы сотрудников, например, сотрудники могут обладать большей самостоятельностью в выполнении определенных задач и возможностями для обучения и развития.

К ключевым факторам, определяющим инновации в области управления персоналом можно отнести: совершенствование стратегий удаленной и гибридной работы, уделение особого внимания благополучию сотрудников, развитие навыков сотрудников, совершенствование мониторинга сотрудников, внедрение программ DEIB (разнообразие, справедливость, инклюзивность и принадлежность), повышение эффективности работы виртуальных сотрудников, автоматизация задач и улучшение удержания сотрудников [2].

Наиболее актуальными в сфере HR-технологий в настоящее время являются такие тенденции, как: процесс найма на основе данных, цифровая трансформация управления персоналом, развитие технологий для поддержки гибридных моделей работы, корпоративное программное обеспечение для оздоровления, повышение корпоративной безопасности (табл. 1).

Внедрение новых производственных технологий управления персоналом трансформирует роль службы персонала в организациях. Используя эти

инструменты, служба персонала может получать аналитическую информацию на основе данных, которые помогают принимать стратегические бизнес-решения.

Таблица 1.

Тенденции и инструменты в области HR-технологий

Тенденции	Описание	Инструменты
Процесс найма на основе данных	Отделы кадров располагают большим объемом данных о кандидатах и сотрудниках, что потенциально может принести дополнительные преимущества бизнесу и упростить повседневные операции. Расширенный анализ данных может помочь рекрутерам и менеджерам по персоналу более эффективно планировать и выполнять процессы найма.	- программные решения для найма персонала; - чат-боты; - виртуальные помощники по персоналу; - интеллектуальные рекомендательные системы
Цифровая трансформация управления персоналом	Цифровые инструменты управления персоналом могут значительно улучшить адаптацию, измерение и анализ производительности отдельных сотрудников и команд в целом, помогают предсказывать поведение сотрудников. Упрощают администрирование выплат сотрудникам, включая медицинское страхование и оплачиваемый отпуск.	- технологии оптического распознавания символов (OCR); - программные решения для мониторинга сотрудников; - информационные системы управления персоналом на базе ИИ (HRIS); - программное обеспечение для управления выплатами; - программное обеспечение для управления расходами; - программное обеспечение для разработки стратегии управления талантами.
Развитие технологий для поддержки гибридных моделей работы	Централизованная платформа для подключения различных приложений, используемых сотрудниками, возможности добавления мультимедийного контента, такого как видео и изображения, для внутрикорпоративной коммуникации, а также системы управления офисными помещениями с резервированием конференц-залов и рабочих мест.	- инструменты для совместной работы и коммуникации; - системы управления обучением (LMS).
Корпоративное программное обеспечение для оздоровления	Внедрение корпоративных оздоровительных программ для сотрудников стало распространенной практикой, что привело к появлению новых технологических решений в индустрии фитнеса, хорошего самочувствия и благополучия.	- комплексные оздоровительные приложения (контроль за питанием, физической активностью, распорядком дня, управление стрессом, консультации и т.п.).

Продолжение таблицы 1.

Тенденции	Описание	Инструменты
Повышение корпоративной безопасности	Стратегии безопасности организаций охватывают все сферы их деятельности, и отдел кадров не является исключением.	- биометрия на рабочем месте; - корпоративное управление мобильными устройствами (MDM).

Источник: составлен автором по материалам [2, 3].

Это расширяет возможности коммуникации и позволяет службе персонала более эффективно сотрудничать с бизнес-лидерами высшего звена, обсуждая важные вопросы компании.

В частности, кадровые технологии позволяют руководителям HR-компаний:

- проводить аналитику персонала в режиме реального времени для обоснования бизнес-стратегии;
- выявлять тенденции и закономерности в поведении и производительности сотрудников;
- прогнозировать будущие потребности в кадрах и потенциальные пробелы в квалификации и навыках;
- оценивать влияние кадровых инициатив на результаты бизнеса;
- демонстрировать рентабельность инвестиций в человеческий капитал.

Используя технологии для получения стратегической информации, специалисты по управлению персоналом могут позиционировать себя как ценных стратегических партнеров, способствующих успеху организации.

При этом основными шагами для улучшения своей стратегии в области HR-технологий могут стать:

- оценка существующих HR-технологий;
- определение текущих и будущих потребностей компании в HR-технологиях и ранжирование их по приоритету;
- выбор модели, соответствующей потребностям бизнеса;
- разработка плана внедрения, включая шаги по интеграции новых инструментов HR-технологий в существующие системы;
- помощь сотрудникам в адаптации к новым технологиям;
- проведение обучения и поддержка, включая систему технической поддержки для решения любых проблем, возникающих в процессе внедрения;
- придание приоритетного значения безопасности, конфиденциальности и управлению данными;
- планирование периодических текущих оценок.

Поскольку производственные технологии HR продолжают развиваться, будущее управления персоналом определяется несколькими тенденциями, в том числе:

- искусственный интеллект и машинное обучение (для отбора резюме, подбора кандидатов и прогнозной аналитики, помогая специалистам по персоналу принимать более обоснованные решения);

- виртуальная и дополненная реальность (для создания захватывающих впечатлений от внедрения новых технологий, инновационных обучающих программ, включающих геймификацию);
- блокчейн (для безопасного хранения учетных данных сотрудников и упрощенной проверки биографических данных);
- обработка естественного языка (для обработки запросов сотрудников и предоставления персонализированной поддержки, для доступа к различному роду информации, отправки запросов и навигации по кадровым процессам);
- аналитика персонала (помогают организациям глубже понять кадровые тенденции, оценить эффективность работы сотрудников и проанализировать уровень их вовлеченности);
- функции самообслуживания сотрудников (позволяют сотрудникам самостоятельно решать многие задачи, связанные с управлением персоналом, от обновления личной информации и доступа к платежным ведомостям до получения льгот и подачи заявок).

По мере развития эти технологии обещают еще больше трансформировать практику управления персоналом и способствовать успеху организаций. Однако нельзя отрицать тот факт, что HR-технологии приносят организации больше пользы, когда уже реализована стратегия, гарантирующая организации максимальное использование преимуществ HR-технологий. Исследования показали, что адекватная стратегия в сочетании с соответствующим программным обеспечением для управления персоналом дают огромные результаты в виде повышения прибыли и производительности для организации. Как только организация разработает комплексную стратегию в области HR-технологий, соответствующую ее требованиям, следующим шагом будет исследование и внедрение соответствующего цифрового шаблона, который положит начало процессу цифровизации HR.

Таким образом, современные тренды в управлении персоналом демонстрируют значительное влияние технологий и изменений в рабочей культуре на HR-процессы. Компании, стремящиеся оставаться конкурентоспособными и привлекательными для сотрудников, должны быть готовы к внедрению инноваций, обеспечению гибкости и внимательному отношению к благополучию своих сотрудников. Внедрение новейших технологий и решений позволяет не только повысить эффективность HR-отделов, но и создать благоприятную рабочую среду, способствующую росту и развитию персонала.

Список литературы

1. Анализ размера и доли рынка системы отслеживания кандидатов – тенденции роста и прогнозы (2024–2029 гг.) // Mordor Intelligence. – Режим доступа: <https://www.mordorintelligence.com/ru/industry-reports/applicant-tracking-system-market> (дата обращения: 25.01.2025).

2. 5 HR Technology Trends in 2025: Innovative Solutions and Product Ideas // Mobidev. – Режим доступа: <https://mobidev.biz/blog/human-resources-hr-technology-trends> (дата обращения: 29.01.2025).

3. 9 трендов в сфере цифровизации HR в 2025 году // Tadviser. Государство. Бизнес. Технологии. – Режим доступа: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:HRM-системы_\(мировой_рынок\)#2025:_9_.D1.82.D1.80.D0.B5.D0.BD.D0.B4.D0.BE.D0.B2_.D0.B2_.D1.81.D1.84.D0.B5.D1.80.D0.B5_.D1.86.D0.B8.D1.84.D1.80.D0.BE.D0.B2.D0.B8.D0.B7.D0.B0.D1.86.D0.B8.D0.B8_HR_.D0.B2_2025_.D0.B3.D0.BE.D0.B4.D1.83](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:HRM-системы_(мировой_рынок)#2025:_9_.D1.82.D1.80.D0.B5.D0.BD.D0.B4.D0.BE.D0.B2_.D0.B2_.D1.81.D1.84.D0.B5.D1.80.D0.B5_.D1.86.D0.B8.D1.84.D1.80.D0.BE.D0.B2.D0.B8.D0.B7.D0.B0.D1.86.D0.B8.D0.B8_HR_.D0.B2_2025_.D0.B3.D0.BE.D0.B4.D1.83) (дата обращения: 09.02.2025).

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Аннотация. В статье рассмотрены основные технологические и социальные тренды в социальных сетях. Отмечены возможности и угрозы технологических трендов. Рассмотрены изменения в поведении пользователей социальных сетей.

Ключевые слова. Социальные сети, пользователь, контент.

O.R. Zhavoronkova,
candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the
Department of Personnel Management
FGAEI HE CFU V.I. Vernadsk
Simferopol, Russia

TECHNOLOGICAL AND SOCIAL TRENDS OF SOCIAL NETWORKS

Abstract. The article discusses the main technological and social trends in social networks. The opportunities and threats of technological trends are highlighted. The changes in the behavior of users of social networks are considered.

Keywords. Social networks, user, content.

Функционал социальных сетей давно перестал ограничиваться социальными коммуникациями. С каждым годом возможности пользователей социальных сетей и мессенджеров расширяются. Сегодня социальные сети представляют собой и маркетплейсы, и канал продвижения личного или корпоративного бренда, а также источник информации и развлечения.

Одной из главных причин расширения функционала социальных сетей является развитие технологического инструментария. Среди наиболее актуальных следует выделить:

1. Voice / video deepfake – технологии синтеза голосов знаменитостей, что широко используется в сфере развлечений. Однако способность ИИ воссоздавать голос человека создает ситуацию риска при идентификации личности он-лайн по биометрическим данным. На данном этапе развития цифровых технологий голосовые сообщения различного содержания могут имитировать базовые эмоции человека, что добавляет реалистичности посланиям. Нейросети оживляют фотографии, картины, античные статуи.

Такие сложные технологии как трансфер человеческих лиц и тел на изображения (face swap) становятся всеобще доступными. Технология face swap сегодня в открытом доступе и обучиться может каждый желающий. Возможность создания цифрового клона, с использованием голосового *deepfake* стало причиной «хищения личностей». Таким образом идентифицировать реального собеседника от виртуального становится все сложнее [1];

2. «Кибершпионаж». В эпоху цифровизации массовое наблюдение стало обычным делом. Различные гаджеты отслеживают геолокацию, банковские карты – покупки, мобильные приложения – круг общения. Фактически кибершпионаж стал бизнес-моделью, позволяющей отслеживать настроения и предпочтения потенциальных клиентов. Развивается новое направление в психологии – веб-психология, которая изучает поведение пользователей в интернете и его влияние на психику и массовое сознание. Все собранные данные можно сохранять и каталогизировать по дате и теме. Кибершпионаж становится инструментом краудсорсинга, повышающим эффективность воздействия на массы, которое может быть как конструктивным, так и деструктивным. Активность людей в социальных сетях, также подлежит мониторингу. Веб-психология позволяет по наполнению личного аккаунта определить психологическое состояние человека и выявить у него депрессию. Даже такие незначительные действия пользователей как «лайки» комментариев к постам фиксируют наше отношение к определенным ситуациям, проблемам и не остаются без внимания;

3. Геймификации в социальных сетях. Хотя компьютерные игры уже более десяти лет официально признаны одной из форм искусства, в науке они до сих пор вызывают много споров. В данном контексте следует отличать социальный гейминг от гейминга в социальных сетях. Относительно гейминга в социальных сетях следует отметить наличие конкретных коммерческих целей:

- создание или укрепление комьюнити;
- повышение активности подписчиков;
- привлечения внимания к новому продукту;
- легальное привлечение новых подписчиков.

Эти игры достаточно примитивны, не затратны по времени, своего рода эмоциональная разрядка.

Компьютерные игры (социальный гейминг) – имеет свой сюжет, строгие правила, продолжительность по времени, способность сохранять достигнутый результат. Социальный гейминг атакует площадки социальных сетей. Наиболее популярными жанрами являются глобальные стратегии, симуляторы жизни. Относительно социального гейминга идут упорные споры о пользе и вреде для когнитивных способностей человека. Так профессор когнитивных

исследований СПбГУ и академик Российской академии образования Черниговская Т.В. утверждает, что люди, активно погружающиеся в виртуальные миры, начинают терять понимание реальности и её трагических аспектов [2].

Чрезмерное увлечение играми приводит к ряду проблем: сетеголизм и кибераддикция – различная степень психологической зависимости (проблемы в личной жизни, пропуски на работе, учебе); агрессивное поведение и асинхронность вербальных и невербальных систем коммуникаций; влияние на сон и физическую активность; потеря навыков «живого общения», разрешения конфликтных ситуаций.

По данным Федерального центра медико-психологической экспертизы, проведенного по заказу Правительства РФ, доля преступлений, совершаемых под прямым или косвенным влиянием компьютерных игр, составляет около 70%.

Прогнозируется, что в недалёком будущем игры станут ещё одним инструментом контроля общества. М. Цукерберг уже сделал первый шаг в эту сторону. Один из девизов его проекта «Метавселенная» звучит следующим образом: «Богатым людям – роскошь реальная, бедным – скинчи и текстурки по подписке, и голые стены в реальности» [3].

Социальные тренды в социальных сетях предполагают изменения поведения людей в цифровом пространстве. Среди наиболее обсуждаемых следует выделить следующие [4]:

1. Пользователи контента начинают больше читать. Несмотря на то, что клиповое мнение по-прежнему преобладает, маркетологи отмечают рост читателей и как следствие значительное увеличение текстовых публикаций;

2. Социальные сети – информационный справочник. Последние опросы показали, что социальные сети входят в топ источников поколения Z для поиска информации о товарах перед совершением покупки;

3. Увеличение времени видео. Крупные платформы также реагируют на данную тенденцию, расширяя возможности загрузки более длинных видео материалов. Если ранее эффективное видео должно было длиться до 15 секунд, то в настоящее время – до 15 минут. Некоторые платформы предлагают пользователям такую опцию за плату – премиальную подписку;

4. Актуализация репостов. В условиях, когда «лайки» и комментарии стали товаром, репосты представляют более объективную и правдивую реакцию на контент;

5. Трансформация фотогалерей. Пост, представленный фотографиями, именуемый как «карусель», перестает быть привлекательным для пользователей. Большое количество фотографий утомляет зрителя и даже вызывает раздражение. Так в обиходе начинают использовать новое определение к таким постам – «фотосвалка».

Список литературы

1. *Жаворонкова О.Р.* Мошенничество высоких технологий // Устойчивость экосистем в условиях цифровой нестабильности : сборник трудов III Международной научно-практической конференции, Симферополь, 23 мая 2024 года. – Симферополь: КФУ им. В.И. Вернадского, 2024. – С. 208-209.
2. *Черниговская Т.В.* Глобальная угроза виртуального мира: как современные игры и соцсети меняют наше восприятие реальности // Самара 24: сайт. – 2025. Режим доступа: <https://samaraonline24.ru/samara/view/globalnaa-ugroza-virtualnogo-mira-kak-sovremennye-igry-i-socseti-menaut-nase-vozpriatie-realnosti> (дата обращения: 11.01.2025).
3. Skillbox Media «Метавселенная – это далекое будущее»: сайт. – 2025. Режим доступа: <https://skillbox.ru/media/business/pochemu-proekt-tsukerberga-segodnya-obrechyen-na-proval/?ysclid=m2lszrtq2e204213402> (дата обращения: 12.01.2025).
4. Forbes Club: сайт. – 2025. Режим доступа: <https://club.forbes.ru/practicum/tiktok-video-po-15-minut-i-bezumnyj-smm-14-glavnyh-trendov-v-socsetyah-na-2024-god?ysclid=m60ffahb8e697163292> (дата обращения: 12.01.2025).

ДИНАМИКА РЕСУРСА ТРУДА В УСЛОВИЯХ ЕГО ДЕФИЦИТА В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. Раскрываются предпосылки дефицита труда в российской экономике. Показано превышение количества рабочих мест над численностью занятых в основных секторах российского производства. Рассчитаны показатели такого дефицита и их динамика. Установлено перераспределение рабочих мест и ресурса труда в условиях дефицита последнего в пользу крупного производства.

Ключевые слова. Дефицит ресурса труда, рабочие места, численность занятых.

A.V. Zolotov,

*Doctor of Economic Sciences, Professor,
Department of Economic Theory and Methodology,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*

DYNAMICS OF LABOR RESOURCES IN THE CONDITIONS OF ITS SHORTAGE IN THE RUSSIAN ECONOMY

Abstract. The prerequisites for labor shortage in the Russian economy are revealed. The excess of jobs over the number of people employed in the main sectors of Russian production is shown. The indicators of such deficit and their dynamics are calculated. The redistribution of jobs and labor resources in conditions of deficit of the latter in favor of large-scale production is established.

Keywords. Labor resource deficit, jobs, number of employed.

Дефицит трудовых ресурсов в российской экономике, прежде всего в сфере общественного производства, назревал с начала 2000-х годов [1]. Поскольку причины, обусловившие его наступление: заниженные зарплаты производственных работников, менее благоприятные условия труда, систематические переработки, – если и устранялись, то недостаточными темпами, то в последнее десятилетие стала обнаруживаться нехватка рабочей силы в промышленном производстве.

Обострение дефицита трудовых ресурсов было в определенной мере отсрочено вследствие эпидемии ковида, когда работа многих предприятий приостанавливалась или уменьшалась её продолжительность. Поэтому для выявления динамики ресурса труда целесообразно сопоставить актуальные данные с данными предковидного, например, 2019 года [2].

Развернутая статистика трудовой сферы содержится в сборниках «Труд и занятость в России». Самый актуальный из опубликованных сборник датирован 2023 годом, он содержит сведения по 2022 год включительно. Этот год – первый в рамках СВО и в этом смысле отражает современные тенденции на рынке труда.

Основные данные по рынку труда за рассматриваемый период приведены в таблице 1.

Таблица 1.

Динамика рабочих мест и ресурса труда в ряде сфер российской экономики в период с 2019 по 2022 годы

	Рабочие места		Среднегодовая численность		Отработанное время	
	2019	2022	2019	2022	2019	2022
Сельское хозяйство	5676	5201	4781	4466	8987	8505
Обрабатывающие производства	10420	10459	9963	10003	18794	18809
Строительство	6862	6966	6416	6552	13622	14323
Торговля	14314	14262	13497	13251	27314	26493
Транспортировка	5883	6178	5373	5751	10418	11118

Источник: данные Росстата [3].

Итак, в трех из указанных секторов общественного производства (а торговля и транспорт в значительной степени включают и производственные процессы) происходило увеличение количества рабочих мест, среднесписочной занятости и суммарного отработанного времени. В сельском хозяйстве и торговле эти показатели имели тенденцию к уменьшению.

Обращает на себя внимание тот факт, что количество рабочих мест во всех отмеченных секторах превышает численность работников. С одной стороны, это может свидетельствовать о резервных производственных мощностях, с другой, – о дисбалансе между спросом на ресурс труда и его предложением. В условиях низкого уровня безработицы, сокращения численности трудовых ресурсов второй аспект, вероятно, более значим и выступает в качестве фактора обострения дефицита труда. При таких условиях подобный дефицит проявляется в сельском хозяйстве и торговле несмотря на то, что количество рабочих мест в сфере трудовой деятельности за оплату и прибыль здесь сокращается.

Принимая во внимание, что превышение количеством рабочих мест численности работников – фактор нехватки ресурса труда целесообразно оценить меру подобного несоответствия. Показателем этой меры может выступать отношение величины среднесписочной численности к количеству рабочих мест – Очр. Соответствующие результаты приведены в таблице 2.

Как следует из приведенных данных, уровень несоответствия между численностью работников и количеством рабочих мест изначально был самым высоким в сельском хозяйстве, самым низким – в обрабатывающих производствах. В течение рассматриваемого периода в сельском хозяйстве, торговле и транспортировке уровень этого несоответствия сократился, а в обрабатывающих производствах и строительстве – увеличился. Тем самым в

последних двух секторах формировались предпосылки для обострения дефицита кадров.

Таблица 2.

Показатели дефицита рабочей силы в ряде секторов российской экономики

	Очр		Очр2022/Очр2019 × 100%
	2019	2022	
Сельское хозяйство	0,842	0,858	101,9%
Обрабатывающие производства	0,996	0,956	96,0%
Строительство	0,935	0,929	99,3%
Торговля	0,913	0,941	103,1%
Транспортировка	0,913	0,931	102,0%

Источник: данные Росстата [3]

Несомненно, изменение численности трудовых ресурсов – процесс, сопряженный с демографическими процессами, и выступает более сложным объектом для управления, чем регулирование количества рабочих мест. Поэтому, по крайней мере, для обрабатывающих производств назрело создание рабочих мест не наряду со старыми, а строго в порядке их замещения или замещения рабочих мест в других секторах экономики, менее значимых в современных условиях. Собственно практика идет по этому пути, так как смягчение дефицита рабочей силы в сельском хозяйстве и торговле сопряжено с уменьшением количества рабочих мест.

Так как на рынке труда предложение превышает спрос, то закономерна конкурентная борьба между покупателями рабочей силы за дефицитный ресурс.

Покупатели труда в рамках одного и того же сектора экономики различаются по величине капитала. Крупные и средние фирмы способны предлагать более выгодные условия найма по сравнению с малым бизнесом. Так складываются предпосылки для перераспределения трудовых ресурсов в пользу крупных и средних предприятий.

О масштабах такого перераспределения можно судить по динамике рабочих мест в организациях, с одной стороны, и предприятиях без образования юридического лица, с другой, предполагая, что уровень несоответствия между числом рабочих мест и количеством работников одинаков в обоих случаях (смотри таблицу 3).

Обращает на себя внимание, прежде всего, разница между секторами в соотношении рабочих мест по типам предприятий: в сельском хозяйстве доля рабочих мест в организациях составляла в 2019 году 44,6%, а в 2022 году – 49,0%; обрабатывающих производствах – 85,5% в 2019 году и 86,2% в 2022 году; в строительстве – 72,4% и 76,1%; в торговле – 57,4% и 63,2%; в транспортном секторе – 72,3% и 75,1%. Итак, концентрация производства, а, значит, и капитала, выше всего в обрабатывающих производствах, ниже всего в сельском хозяйстве и торговле, и имеет промежуточный уровень в строительстве и на транспорте.

Таблица 3.

Распределение рабочих мест между организациями и предприятиями без образования юридического лица

	Рабочие места в организациях			Деятельность без обр. юр.л.		
	2019	2022	Динамика	2019	2022	Динамика
Сельское хозяйство	2534	2546	100,5%	3142	2655	84,5%
Обрабатывающие производства	8808	9015	102,4%	1612	1444	89,6%
Строительство	4971	5304	106,7%	1891	1662	91,2%
Торговля	8640	9017	104,4%	6148	5244	85,3%
Транспортировка	4218	4643	110,1%	1615	1536	95,1%

Источник: данные Росстата [3]

Во всех секторах за рассматриваемый период повысилась доля рабочих мест в организациях и уменьшилась у предприятий без образования юридического лица. Самый значительный прирост этой доли наблюдался в торговле – 5,8 п.п., и в сельском хозяйстве – 4,4%, в результате чего количество рабочих мест в организациях в торговле и сельском хозяйстве возросло – при общем сокращении численности таких мест в отрасли.

Следовательно, повсеместно происходил переток трудовых ресурсов из сферы мелкого бизнеса в сферу крупного и среднего. Безусловно, это – и отражение растущей конкуренции между покупателями на рынке труда, когда рельефно проявляются конкурентные преимущества крупных предприятий, способных предложить работникам более выгодные условия найма, чем мелкие.

В результате возникает вопрос о целесообразности государственной поддержки малого предпринимательства, если оно не выступает начальным этапом реализации инноваций.

Отметим, что перераспределение трудовых ресурсов в пользу крупного бизнеса не гарантирует преодоления дефицита трудовых ресурсов, так как несоответствие между количеством рабочих мест и численностью работников может углубляться и при таких условиях, как это имеет место в обрабатывающих производствах.

Таким образом, достижение сбалансированности на рынке труда требует активизации регулирующей роли государства.

Список литературы

1. Золотов А.В. Об актуальных мерах государственного регулирования воспроизводства рабочих кадров // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. – 2008. – №3. – С. 23-25.
2. Глушич Н.Г., Лядова Е.В., Полушкина И.Н., Удалова Н.А. Основные тенденции на рынке труда в условиях преодоления пандемического кризиса // В сборнике: Социально-экономические предпосылки и результаты развития

новых технологий в современной экономике. Материалы IV Международной научной конференции. Нижний Новгород, 2022. – С. 71-78.

3. Труд и занятость в России. 2023. Статистический сборник. – М.: Росстат, 2023. – 180 с. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2023.pdf (дата обращения: 11.01.2025).

РОЛЬ ОЦЕНКИ ДОЛЖНОСТЕЙ В СТРАТЕГИИ ОПЛАТЫ ТРУДА

Аннотация. Организация оплаты труда остается актуальной стратегической задачей в условиях быстро меняющейся рыночной среды. В статье подчеркивается, что практической необходимостью для организационной устойчивости компании является включение в системы оплаты труда структурной иерархии должностей с учетом уровней квалификаций.

Ключевые слова. Оплата труда, оценка должности, квалификация, производительность труда, организационная устойчивость

O.V. Kiselkina,

*Candidate of economic Sciences, associate Professor,
The department of Human Resource Management,
Kazan (Volga region) Federal University*

THE ROLE OF JOB ASSESSMENT IN PAYMENT STRATEGY

Abstract. Organization of remuneration remains a pressing strategic task in the context of a rapidly changing market environment. The article emphasizes that the practical necessity for the organizational sustainability of a company is the inclusion of a structural hierarchy of positions in the remuneration systems, taking into account the levels of qualifications.

Keywords. Remuneration, job evaluation, qualification, labor productivity, organizational sustainability

В быстро меняющейся деловой среде рынка становятся более нестабильными, и способность фирм адаптироваться и сохранять устойчивость становится все более важной. Согласно ресурсно-ориентированному подходу, который рассматривает фирму как совокупность ресурсов и возможностей, высокопроизводительная рабочая сила представляет собой ценный, редкий и незаменимый ресурс, который способствует конкурентным преимуществам и устойчивости фирмы [1].

Конкурентное преимущество достигается не только за счет выбора оптимальной комбинации ресурсов, но и посредством развития и создания новых возможностей и компетенций в ответ на быстрые изменения в рыночной среде. Высокая производительность труда обеспечивает сильные адаптивные возможности, но для сохранения и развития рабочей силы важно эффективно мотивировать и распределять вознаграждения среди сотрудников организации.

Исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения подтверждают приоритетность финансовой мотивации для российских граждан. По результатам опроса россиян в 2023 году 45% респондентов ответили, что стали бы работать лучше, если бы им подняли заработную плату [2]. Кроме того, каждый работник старается соизмерять свое вознаграждение с

трудовыми усилиями на рабочем месте, при этом не уверены, что с ростом производительности труда их заработная плата будет расти.

На вопрос о том, как они оценивают эффективность своего труда, респонденты учитывали разные критерии производительности труда. 47% работников, которые считают себя высокоэффективными, называли в качестве критерия качество выполненной работы. Такой критерий выбрали 36% работников из группы среднеэффективных и 27% из малоэффективных. Другой критерий связывали с самооощущением уровня результативности. Доверяют самооощущениям по 27% среднеэффективных и малоэффективных опрашиваемых, среди высокоэффективных только 19% [2].

В современных условиях компании стремятся сформировать и сохранить квалифицированный кадровый состав, уделяют особое внимание интеллектуальным способностям и цифровым компетенциям работников при решении вопросов развития кадрового потенциала. Для этого необходим дифференцированный подход к оплате труда в организации, который будет учитывать квалификационные уровни и оценку должностей [3]. Наибольшую эффективность для многих компаний показала организация оплаты труда, включающая квалификационные уровни, оценку всех должностей в компании методом ранжирования с учетом их ценности и вклада в конечные результаты, а также последующее грейдирование должностей.

Существуют различные методы оценки должностей. Как правило, выбор метода зависит от масштаба организации, временных рамок проведения анализа и других параметров. Все методы оценки должностей включают сравнения, полученные на основе количественных и качественных данных. Выделяют качественные методы (ранжирование и классификация), в которых оценка должности осуществляется на основе субъективного анализа характеристик каждой должности, и количественные или аналитические методы, где каждой должности присваивается числовые значения, либо балльно-факторный, либо факторно-ранговый методы.

Ранжирование проводится с учетом всей работы или функционала должности. Иерархия должностей выстраивается от наиболее значимого к наименее значимому, последующая группировка по классам становится основой для установления уровней оплаты труда. Метод ранжирования является простым в применении на практике, но для небольших организаций. К недостаткам данного метода можно отнести недостаточную объективность в силу отсутствия единиц измерения для установления ценности должности, необходимость и сложность подбора экспертов.

В отличие от ранжирования метод классификации должностей опирается на заранее определенную структуру классов с последующей оценкой работ и группировкой по различным уровням классов. В качестве критериев при классификации используются уровень квалификации, категория персонала, уровень управления и пр. Этот метод может быть дополнен методом рыночного ценообразования, который основан на внешних количественных данных. Для каждой должности изучаются рыночные ставки зарплат для сопоставимых

работ, затем определяются вилки должностных окладов, рассчитывая минимальные и максимальные величины оплаты труда. Такой подход повышает точность оценки должности, но не учитывает внутреннюю справедливость и ценность для организации.

Аналитические методы опираются на формализацию требований к должности по определенным факторам и сравнение их друг с другом. Выбор факторов и алгоритм их оценивания отличаются для различных методик построения грейдов, например, «Хай», «Towers Watson», «Mercer», «Strata», «Work Profiling System». Наиболее популярным является метод Э. Хея, который опирается на такие критерии, как уровень знаний и практических навыков, сложность решаемых вопросов, степень личной ответственности сотрудника в компании. Для каждого критерия разрабатываются уровни, которые учитываются цели и потребности компании.

Уровни оценивания должностей разрабатываются с помощью балльно-факторного метода. Весомость каждого фактора определяется суммой баллов, которые подсчитываются на основе экспертных оценок. Применить такой метод можно для всех должностей или рабочих мест в организации. Например, для нефтяных компаний с учетом отраслевой рамки квалификаций нефтегазового комплекса могут быть предложены следующие факторы:

6. Факторы, составляющие содержание труда (например, технологическая сложность, сложность предметов труда).

7. Организационные факторы (например, широта комплекса выполняемых работ, степень самостоятельности в процессе выполнения работ).

8. Ответственность (например, материальная, наличие факторов опасности).

9. Специфические факторы (например, высокие творческие требования, наличие нестандартных ситуаций в процессе работы).

Для определения весового коэффициента каждого фактора выделяются критерии, которые оценивают эксперты. В крупных и средних предприятиях с разветвленной организационной структурой объем работ по оцениванию значимости должностей становится слишком большим, что увеличивает срок проведения анализа. Указывается, что технология оценки должна охватывать до 80 процентов должностей и включать в перечень должностей стабильные по содержанию работы при сохранении разных функций и уровней управления организации [4].

Методика оценки должностей обеспечивает ряд преимуществ и возможностей для компании: позволяет оптимизировать структуру должностей, определить соответствие должности и планировать карьерное развитие сотрудников.

Таким образом, для достижения успеха в конкурентных условиях, повышения результативности деятельности компании должны изучать потребности своих сотрудников и совершенствовать программы стимулирования труда. Оценка должностей является эффективным инструментом управления персоналом организации. Структурная иерархия

должностей на основе их оценки способствует созданию прозрачной и справедливой системы оплаты труда и стратегическому развитию, обеспечивает рост производительности труда и достижение запланированных результатов деятельности.

Список литературы

1. *Barney J.B.* Firm resources and sustained competitive advantage // Journal of Management. – 1991. – Vol. 17. – №1. – P. 99–120.
2. Работа, зарплата, эффективность: есть ли связь? - Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-zarplata-ehffektivnost-est-li-svjaz> (дата обращения: 10.03.2025).
3. *Киселкина О.В., Камашева А.В.* Применение рамок квалификаций в формировании системы оплаты труда персонала организации // Экономические науки. – 2024. – №12(241). – С.234-238.
4. *Хорошильцева Н.А.* Тарификация работ и оценка должностей // Экономическая наука и развитие университетских научных школ (к 75-летию экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова). – 2016. – С. 1071-1078.

ФОРМИРОВАНИЕ НРАВСТВЕННО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЭКОНОМИКА КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

Аннотация. В статье раскрыты причины и механизм развертывания глобального кризиса. Предложены основные направления развития нравственно ориентированной экономики. Определены инструменты проведения государственной экономической политики в целях достижения биосферно-экологической безопасности.

Ключевые слова. Глобальный кризис, нравственность, государственное стратегическое планирование, биосфера, устойчивое развитие.

I.V. Kolesnik,

*Candidate of economic Sciences, associate Professor,
The Department of Economic Theory and Methodology,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*

FORMATION OF A MORALLY ORIENTED ECONOMY AS A WAY TO OVERCOME THE GLOBAL CRISIS

Abstract. The article reveals the causes and mechanism of the global crisis. The main directions of development of a morally oriented economy are proposed. The instruments of implementation of state economic policy in order to achieve biosphere-ecological safety are defined.

Keywords. Global crisis, morality, state strategic planning, biosphere, sustainable development.

Современная глобальная цивилизация переживает не просто кризис, а общекультурный коллапс, который выражается в прогрессирующем снижении важнейших параметров социально-экономических процессов, обусловленном их системообразующими принципами, на что указывает ряд ученых [1]. Истоки этого коллапса порождены, прежде всего, кризисом мировоззрения человечества, что находит отражение в фрагментации научной картины мира, в узкой специализации представителей отдельных отраслей научного знания и отсутствии между ними междисциплинарных связей, позволяющих своевременно вырабатывать жизненно состоятельные ответы на глобальные вызовы времени. Следствием отмеченного является обострение биосферно-экологических, социально-экономических и военно-политических проблем. Для выхода из глобального коллапса необходимо провести ревизию мировоззрения людей, отказаться от несостоятельных теорий и системообразующих принципов, воплощение которых породило коллапс, и взять за основу иные системообразующие принципы, способные обеспечить устойчивое развитие человека и общества.

Российские ученые М.В. Величко, В.А. Ефимов, В.М. Зазнобин и другие в процессе выработки языка междисциплинарного общения в современной науке пришли к пониманию того, что существуют шесть групп объективных закономерностей развития общества и всей глобальной цивилизации: 1) общебиосферные закономерности, определяющие образование биоценозов и взаимодействие биологических видов между собой, а также с биосферой и космосом; 2) видовые закономерности, определяющие поведение человека как биологического вида; 3) нравственно-этические закономерности, определяющие взаимоотношения между носителями разума и воли; 4) социокультурные закономерности, управляющие процессом формирования культуры и определяющие последствия ее влияния на человека, общество, биосферу; 5) экономические закономерности, регулирующие процессы ведения хозяйственной деятельности в обществе и определяющие её последствия; 6) управленческие закономерности, лежащие в основе всех процессов управления [1, С. 257-260]. Систематическое нарушение этих закономерностей является причиной глобального кризиса, вступившего в фазу коллапса.

Среди названных закономерностей важнейшую роль играют нравственно-этические закономерности, поскольку, прежде всего, от их соблюдения зависит характер протекания социально-экономических процессов в обществе и качество управление ими. Экономические процессы носят нравственно обусловленный характер, что выпало из внимания представителей либерально-рыночных теорий, а абсолютизация последними цели максимизации дохода субъектами хозяйствования и вера в автоматическую саморегуляцию рынка обусловили нарастание конфликтов и кризисов в обществе. В действительности субъекты хозяйствования сами по себе не способны к нейтрализации воздействия «провалов рынка» на общество, экономику, биосферу, так как для достижения этих целей необходимо участие государства, которое должно задавать правила, параметры функционирования рынка и контролировать их соблюдение всеми экономическими субъектами.

Россия представляет собой самобытную страну-цивилизацию, находящуюся в процессе перехода на новую, нравственную концепцию развития, в основе которой лежат традиционные духовно-нравственные ценности, перечисленные в Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей" [2]. Патриотизм, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным, созидательный труд, справедливость, коллективизм — важнейшие ценностные константы в жизни российского общества, которые должны найти воплощение в экономической теории и хозяйственной практике. Рассмотрим основные пути реализации ценностно-ориентированного подхода в экономике.

В основе построения самобытной духовно-нравственной экономики должны лежать собственные стратегические цели — достижение общественного благополучия и развития в гармонии взаимодействия человека и

биосферы. Развитие, в отличие от деградации, предполагает движение к идеалу культуры общества, в которой все люди осваивают познавательно-творческий потенциал и руководствуются совестью в процессе принятия волевых решений. В обществе, живущем на основе такой ценностно-мировоззренческой парадигмы, есть понимание того, что потребности людей в зависимости от последствий их удовлетворения могут быть демографически обусловленными и деградационными [1, С. 283-294]. Как отмечают М.В. Величко, В.А. Ефимов, В.М. Зазнобин, удовлетворение демографически обусловленных потребностей людей (потребности в образовании, воспитании подрастающих поколений, в обеспечении общественной безопасности, развитии культуры, потребности в пище, одежде, жилье для семьи, в социальных услугах, в свободном времяпровождении и личностном развитии людей) обеспечивает их жизнь и развитие в гармонии с биосферой, а удовлетворение деградационных потребностей наносит ущерб потребителям, разрушает биосферу и ослабляет человеческий потенциал. Следовательно, в процессе разработки государственной экономической политики необходимо стремиться к тому, чтобы в ходе общественного воспроизводства максимально удовлетворять демографически обусловленные потребности, а деградационные потребности сдерживать, ограничивать с помощью прямых и косвенных мер воздействия на общество.

Среди демографически обусловленных потребностей первоочередную роль для развития общества играют потребности в получении качественного образования и воспитания детьми, молодежью, в развитии познавательно-творческих навыков людей, а также потребности в обеспечении безопасности общества и улучшении среды обитания. Рыночный механизм не способен ни к целеполаганию в отношении направления движения всего общества, ни к организации удовлетворения первоочередных демографически обусловленных потребностей людей. Поэтому в нравственно ориентированной экономике стратегические цели развития задаются в ходе государственного планирования, а рынок выступает лишь одним из механизмов достижения поставленных целей, то есть имеет место комбинирование, совмещение государственного стратегического планирования и рыночной саморегуляции. Экономика должна рассматриваться как целостная производственно-потребительская система, обеспечивающая удовлетворение демографически обусловленных потребностей людей, при соблюдении биосферно допустимой нагрузки на экологическую нишу жизни общества. Достижению этих целей способствует стратегия составления межотраслевых балансов продуктообмена, на основе которой можно выстраивать производственные взаимосвязи между отраслями [1, С.65-115]. Современные технологии на основе использования массивов больших данных позволяют составлять обоснованные планы развития отраслей экономики и повышать эффективность управления.

Регулирование рынка в нравственно ориентированной экономике должно включать в себя: 1) управление денежной массой в обращении на основе соблюдения обеспеченности эмиссии средств платежа товарным выпуском; 2)

управление тарифами на услуги естественных монополий, ставкой ссудного процента и ставками налогообложения; 3) управление доходами, идущими на потребление, а также управление налогами, дотациями и субсидиями, необходимыми для поддержания рентабельности предприятий в разных отраслях экономики. Эти регулирующие механизмы должны быть сосредоточены в руках государства, работающего на интересы всего общества. Необходим орган, который занимался бы экономикой в целом, который планировал и регулировал бы развитие хозяйства страны в соответствии с стратегическими целями и российскими духовно-нравственными ориентирами.

Целеполагание в управлении экономикой со стороны государства должно дополняться коллективным целеполаганием со стороны всего общества — именно в их взаимодействии возможно достичь наилучших результатов социально-экономического развития. Принципы коллективизма и ответственности за судьбу Родины определяют целесообразность создания органа, который взаимодействовал бы с общественной инициативой, изучал, осмысливал и внедрял в практику управления страной наиболее эффективные предложения и разработки. В русле принципа коллективизма лежит и развитие процессов кооперации, коллективных форм хозяйствования, позволяющих дополнять роль государства в экономике в процессе построения самобытной модели экономической системы России. Только активизация созидательной творческой энергии всего народа является залогом выхода России на траекторию устойчивого развития в преемственности поколений.

Установление органичной связи между производственным и финансовым сектором хозяйства — важнейшая задача в процессе построения нравственно-ориентированной экономики. Кредитно-финансовая система должна быть подчинена задаче финансирования развития отечественной экономики, а не работать в концепции т. н. хрематистики, поощряющей всевозможные спекуляции, кредитование под высокий процент и т. д. [3]. Опираясь на передовой отечественный и зарубежный опыт, целесообразно так организовать функционирование кредитно-финансовой системы, чтобы банки функционировали на основе концепции созидания, работали на основе долевого участия в доходах, получаемых кредитуемыми ими предприятиями [4, С. 143-159].

Духовно-нравственное здоровье общества напрямую связано с физическим здоровьем людей, которое невозможно обеспечить в искусственной среде обитания, являющейся мутагенной по отношению к организму человека (вследствие воздействия на людей техногенных факторов). Усугубляют ситуацию в сфере здоровьесбережения народа химическое земледелие, отвальная вспашка земли, нарушающие биоценозы в почвах и ведущие к их деградации [5]. Современный человек посредством потребления продуктов питания, выращенных на деградировавших почвах, не получает всех необходимых питательных веществ, что приводит к скрытому голоду и росту заболеваний по этой причине [5]. Выход из этой опасной ситуации возможен на основе разработки биосферно-экологической политики государства, которой

должны быть подчинены инфраструктурная и демографическая политика. Заслуживает внимания подход греческого архитектора К.А. Доксиадиса к выделению в разных регионах биосферно допустимой структуры земледелия, которая была предложена на основе исследования экологических проблем [1, С. 263-264]. Эта структура включает в себя: 1) заповедные территории, которые люди могут посещать только в сопровождении сотрудников заповедника, чтобы не нарушать воспроизводство биоценозов; 2) территории, на которых не осуществляется регулярная хозяйственная деятельность и которую люди могут посещать в целях отдыха; 3) сельскохозяйственные угодья; 4) территории населенных пунктов; 5) территории, на которых расположены промышленные предприятия, а также предприятия по переработке отходов. Государству надлежит для каждого региона вырабатывать биосферно-экологическую политику, которой должны быть подчинены инфраструктурная и демографическая политика.

Названные виды политики требуют экономического обеспечения их реализации со стороны государства, которое должно разработать план развития хозяйственного комплекса страны. В процессе разработки такого плана необходимо определить параметры денежно-кредитной, налоговой политики, политики распределения дотаций производителям продукции и предоставления субсидий потребителям, которые обеспечивали бы саморегуляцию рынка в соответствии с планом биосферно-социально-экономического развития. Государственные и частные предприятия при этом должны быть элементами единой системы, мониторинг и регулирование которой осуществляет государство в соответствии с планом.

Особого внимания заслуживает восстановление утраченного плодородия почв, которое может быть реализовано на основе перехода к почво-сберегающим технологиям обработки земли (пермакультура, аллейное земледелие, ноутил-технологии, органическое земледелие и т. д.) [5]. Эти перспективные способы агрокультуры на начальных этапах их реализации могут не обеспечивать производителям должного уровня рентабельности, но в силу их значимости для обеспечения безопасности общества государство должно с помощью распределения дотаций поддерживать практикующих такие подходы сельхозпроизводителей. Одновременно с этим для снижения техногенной нагрузки на биосферу государство должно стимулировать переход предприятий к производству качественных и долговечных вещей [6].

Реализация принципов нравственно ориентированной экономики требует изменения подходов к образованию и культуре, которые должны заботиться о том, чтобы человек в течение всей жизни развивался интеллектуально и совершенствовался духовно, пребывая в гармонии с другими людьми и с биосферой. Только развитие человеческого потенциала каждого человека в русле созидания и объединение потенциалов всех людей в деле служения обществу будет способствовать преодолению коллапса в социально-экономической сфере и может стать предпосылкой для устойчивого развития страны и всей глобальной цивилизации на длительную перспективу.

Список литературы

1. Экономика инновационного развития. Управленческие основы экономической теории: монография / М.В. Величко, В.А. Ефимов, В.М. Зазнобин. – М.: Концептуал, 2022. – 584 с.
2. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 21.01.2025).
3. *Ефимов В.А.* Концептуальные истоки кризиса мировой кредитно-финансовой системы и методологические предпосылки ее устойчивого функционирования // Бюллетень финансовой информации. – 2001. – № 8. – С.33-39.
4. *Галушка А. С., Ниязметов А. К., Окулов М. О.* Кристалл роста: к русскому экономическому чуду. — М.: Наше завтра, 2021. – 360 с.
5. АНО «Возрождение Земли». – Режим доступа: <https://xn--b1aedaacgehd6alijb5a.xn--p1ai/soil/> (дата обращения: 17.01. 2025).
6. *Усанин А.Е.* Духовная экономика. – Режим доступа: <https://rrmag.ru/2024/11/18/duhovnaya-ekonomika/> (дата обращения: 19.01.2025).

ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РФ

Аннотация. В статье уделяется внимание вопросу развития цифровых компетенций в регионах РФ. Анализ статистических данных показывает, что углубление цифровых компетенций в регионах протекает крайне неоднородно, что с одной стороны ведет к цифровому разрыву между регионами, а с другой стороны препятствует переходу на новые этапы цифровой трансформации. В работе рассчитана дисперсия показателей, характеризующих цифровые компетенции населения регионов РФ за период 2015-2023 гг. и сделан вывод о том, что компетенции ниже базового уровня по методологии Евростата не являются дифференцирующими для регионов, тогда как компетенции базового и выше уровней существенно дифференцируют регионы.

Ключевые слова. Цифровая трансформация, цифровые компетенции, регион, дифференциация, цифровой разрыв.

J.S. Kolesnikova,
*Doctor of Economics, Associate Professor,
Professor of the Department of Human Resources Management,
Kazan (Volga region) Federal University*

DIGITAL COMPETENCES OF THE POPULATION IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article focuses on the issue of developing digital competencies in the regions of the Russian Federation. Analysis of statistical data shows that the deepening of digital competencies in the regions is extremely uneven, which, on the one hand, leads to a digital divide between regions, and on the other hand, hinders the transition to new stages of digital transformation. The paper calculates the dispersion of indicators characterizing the digital competencies of the population of the regions of the Russian Federation for the period 2015-2023 and concludes that competencies below the basic level according to the Eurostat methodology are not differentiating for regions, while competencies of the basic and higher levels significantly differentiate regions.

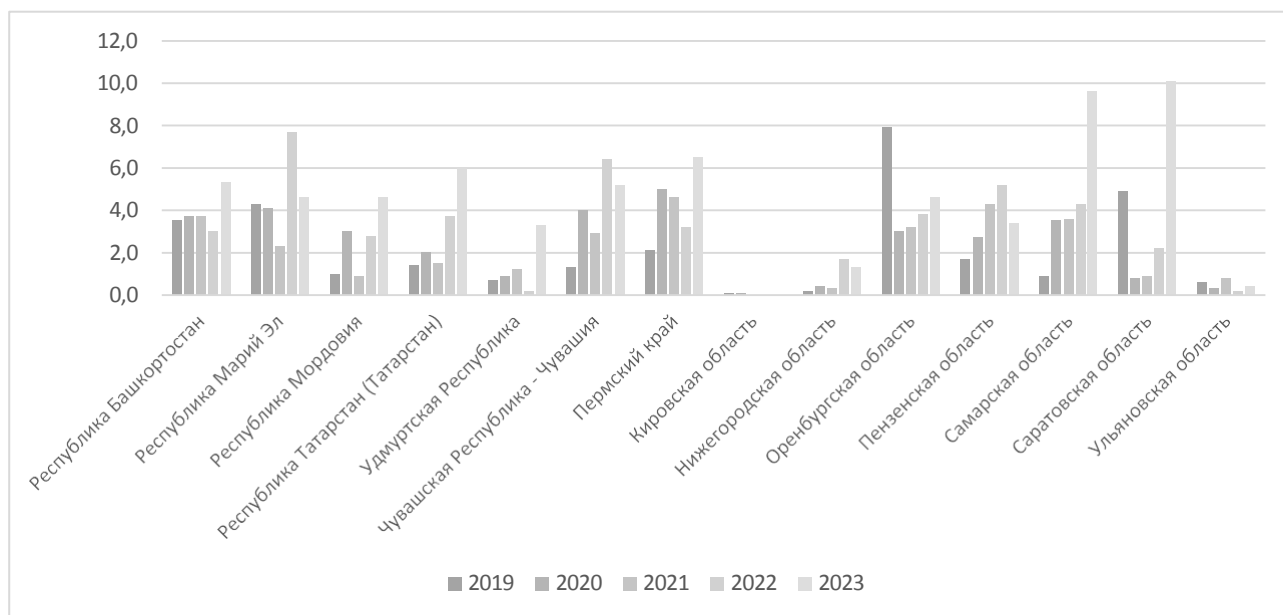
Key words. Digital transformation, digital competencies, region, differentiation, digital divide.

В настоящее время достаточно активно протекают процессы цифровизации и цифровой трансформации экономики. Существует значительное число научных исследований, доказывающих, что процессы цифровизации и развитие информационно-коммуникационных технологий в регионе оказывает положительное воздействие на социально-экономическое развитие и рост ВРП. Распространение цифровых технологий, облачных хранилищ, искусственного интеллекта трансформирует структуру экономики региона, рынок труда, меняет характер взаимодействий бизнеса и власти. Данные вопросы рассмотрены в работах В.Л. Абашкина, Г.И. Абдрахмановой, К.О. Вишневого, Л.М. Гохберго [4, с.154]. Е.А. Воронцов и В.Н. Баранов

исследуют влияние ИКТ на предпринимательскую активность в регионах РФ [2, с.51]. В исследованиях С.Д. Бодрунова внимание уделено трансформации региональных рынков труда [1, с.15]. При этом стоит отметить, что основным вектор исследований был направлен на вопросы развития ИКТ в регионах, цифровизацию и использования ими в первую очередь базовых информационных технологий: охват населения широкополосным и мобильным интернетом, сотовой связью, компьютерами и др. При этом мы считаем, что на данном этапе, когда базовые информационные технологии в большинстве регионов РФ широко распространены, дальнейшая цифровая трансформация будет тесно связана с наличием или отсутствием у населения определенных цифровых навыков.

Цифровые компетенции позволяют населению адаптироваться к новым экономическим реалиям, обеспечивают конкурентоспособность на рынке труда. Под цифровыми компетенциями понимают навыки использования цифровых технологий, работы с компьютером, интернет-ресурсами, цифровыми сервисами, облачными хранилищами, навыки программирования и анализа данных, кибербезопасности. Проанализируем ряд показателей, которые свидетельствуют о цифровых компетенциях населения. В 2023 году более 65% населения РФ регулярно использовали интернет для заказа товаров и услуг. При этом наиболее высокие показатели его использования в Центральном и Северо-Западном федеральных округах, при этом средний показатель использования интернета в домашних хозяйствах составил 87%. Самые низкие показатели по охвату домохозяйств интернетом в Орловской (76,1%), Калужской (76,5%), Костромской (77,4%), Новгородской (78,5%), Смоленской (80,9%), Тамбовской (80,1%) областях.

При этом стоит отметить, что при высоких показателях охвата населения интернетом и сотовой связью доля населения, использующая средства защиты информации в РФ – 72,4%, однако в Республиках Алтай, Тыва, Дагестан, Калмыкия, Мордовия данный показатель не превышает 50%, только 7,6% населения РФ имеют электронную подпись (рис 1). Данные о наличии электронной подписи у населения в регионах Приволжского федерального округа представлены на рис 1.

Источник: составлено автором на основе данных Выборочного Федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt22/index.html (дата обращения: 18.02.2024)

Рис.1. Доля населения Приволжского федерального округа, имеющего электронную подпись

Евростат для анализа цифровых навыков населения использует такие компетенции как: навыки информационной грамотности (поиск информации о товарах, копирование и перемещение файлов), коммуникативные навыки (использование социальных сетей, отправка электронной почты), навыки решения проблем (установка операционной системы, изменение настроек браузера и др.), навыки работы с программным обеспечением (работа с текстовыми редакторами, создание презентаций, работа с таблицами и др.).

Согласно данным ВШЭ и Евростата население РФ существенно отстает от стран ЕС по уровню цифровых навыков. Так, 17% населения в 2022 г. не использовали интернет, у 5% населения отсутствуют базовые цифровые навыки и только у 3% цифровые навыки выше базовых. Лидерами среди стран по цифровым навыкам населения являются Нидерланды, Финляндия и Исландия, где около 50% населения имеют цифровые навыки выше базового уровня. Стоит отметить, что в лидерах находятся немногочисленные по населению страны.

При этом, в возрастной группе от 15-24 лет 26,5% населения владеют цифровыми навыками на уровне выше базового [4, с.152-154].

Факторами, влияющими на цифровые компетенции является возраст, проживание в городской или сельской местности, гендер существенно не оказывает влияния на цифровые компетенции. Присутствует достаточно серьезная дифференциация регионов, по развитию цифровых навыков населения, что можно видеть исходя из показателей доли населения использующих средства защиты информации, использующих электронную

подпись и др. Нами рассчитана дисперсия за период 2015-2023 гг. по трем показателям, представленным в таблице 1.

Таблица 1.

Дисперсия показателей, характеризующих цифровые компетенции населения регионов РФ

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Доля населения в возрасте 15-72 лет, имеющего электронную подпись,	8,33	13,28	17,1 5	13,59	15,4 0	18,5 4	22,33	39,61	28,4 8
Использование интернета в домашних хозяйствах	43,88	33,71	35,9 0	46,24	44,5 1	40,5 5	34,40	34,63	28,8 9
Доля населения в возрасте 15 лет и старше, использовавшего средства защиты информации	52,31	89,08	68,1 4	65,57	88,5 1	78,6 8	125,4 0	165,9 4	

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата.

Анализ данных таблицы 1 говорит о сокращении дисперсии по охвату регионов интернетом и снижении дифференциации по данному показателю, тогда как показатели связанные непосредственно с определенными цифровыми компетенциями напротив показывают рост дисперсии.

Стоит отметить, что на данный момент активно реализуются программы направленные на цифровую грамотность, программы поддержки ИТ-специалистов, стартовал национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», программа «Цифровые профессии».

Тем не менее, стоит отметить, что для дальнейшей успешной цифровой трансформации регионов необходимо активно развивать и углублять цифровые компетенции населения. Для следующих уровней цифровой трансформации, предполагающих активное использование блокчейн технологий, интернета вещей, искусственного интеллекта требуются соответствующие компетенции у значительной доли населения для внедрения и адаптации технологий.

Считаем необходимым активное внедрение программ обучения цифровым компетенциям, стимулирование стартапов, направленных на развитие цифровых компетенций и привлечения частных инвестиций.

Список литературы.

1. Бодрунов С.Д. Проблемы технологического суверенитета и цивилизационное развитие: от современного общества к нооэкономике // «Нооэкономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте». – 2023. – Т. 2, №4. – С. 13-24.

2. Воронцова Ю.В., Баранов В.Н. Трансверсальный подход при управлении цифровыми рисками. *E-Management*. 2020;3(4):49-56. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2020-3-4-49-56>.

3. Выборочное Федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt22/index.html (дата обращения: 18.02.2024).

4. Индикаторы цифровой экономики: 2024 : статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; И60 Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 276 с. – 350 экз. – ISBN 978-5-7598-3008-5.

ПРОБЛЕМЫ ДИСКРИМИНАЦИИ НА РЫНКЕ ТРУДА

Аннотация. В статье идет речь об основных видах дискриминации, с которыми сталкивается общество, в том числе на рынке труда. Раскрываются проблемы разных трудовых социальных групп по причине предвзятого отношения, не относящегося к профессиональным качествам человека. Несмотря на то, что дискриминация запрещена официально, ее проблемы требуют комплексного подхода к решению складывающихся тенденций.

Ключевые слова. Дискриминация, эйджизм, гендерный признак, эйблизм.

Yu. N. Korolenko,

Candidate of economic Sciences, associate Professor,

Department of Personnel Management,

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

PROBLEMS OF DISCRIMINATION IN THE LABOR MARKET

Abstract. The article discusses the main types of discrimination that society faces, including in the labor market. It reveals the problems of different labor social groups due to biased attitudes that are not related to the professional qualities of a person. Despite the fact that discrimination is officially prohibited, its problems require a comprehensive approach to solving emerging trends.

Keywords. Discrimination, ageism, gender, ableism.

«Никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах или получать какие-либо преимущества в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, а также от других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника» - именно так указано в ст. 3 Трудового Кодекса Российской Федерации [1]. Однако на деле, несмотря на прогрессивность современного общества, дискриминация труда является одной из наиболее распространенных причин отказа либо в трудоустройстве, либо в продвижении по карьерной лестнице.

Если говорить о дискриминации как о социальном феномене, то она будет представлять собой неоправданное ущемление прав отдельных лиц или групп по определенным признакам. В качестве дискриминирующих признаков могут выступать, например, возрастные параметры, национальность, ограниченные возможности здоровья, положение в обществе или вероисповедание.

Неравноправие при трудоустройстве представляет собой ущемление прав граждан в профессиональной сфере на основании характеристик, не имеющих

прямого отношения к их профессиональным навыкам.

От дискриминации труда в мировом масштабе страдают сотни миллионов людей. Это нарушение одного из основных прав человека, влекущее за собой широкие социальные и экономические последствия.

Согласно данным исследования, проведенного ресурсом Зарплата.ру, 64% участников опроса заявили о столкновении с дискриминацией по ряду признаков, что свидетельствует о существовании данной проблемы на рынке труда [3].

Наиболее часто встречающиеся формы дискриминации в настоящее время включают:

- 1) возрастную дискриминацию, известную в мире как «эйджизм»;
- 2) гендерную дискриминацию (по половому признаку);
- 3) дискриминацию в отношении людей с инвалидностью (эйблизм).

Наиболее распространенной вариацией трудового неравенства выступает дискриминация по возрасту, или эйджизм. Как правило, данный термин зачастую касается людей пенсионного возраста, однако в данную категорию попадает и молодежь. Главными причинами отказа в трудоустройстве граждан предпенсионного и пенсионного возраста являются отсутствие необходимой гибкости в работе, более стереотипное мышление, трепетное отношение к накопленному опыту, что мешает обучаться новому. Причины же в отношении молодежи, напротив, связаны с излишней мобильностью и непостоянством молодого поколения, отсутствием необходимого профессионального опыта и нежеланием работодателей тратить ресурсы для подготовки молодых кадров.

Вместе с тем, работники старшего возраста чаще сталкиваются с дискриминацией, что негативно отражается не только на их карьере, но и приводит к проблемам с физическим и психологическим состоянием, ухудшению качества жизни лиц предпенсионного и пенсионного возраста, их социальной отчужденности и финансовой уязвимости. В связи с этим можно утверждать, что именно эйджизм рассматривается как основная причина депрессивных состояний среди пожилых людей.

При этом целый ряд исследований указывает на то, что способности людей пенсионного возраста ничуть не уступают возможностям людей возрастного диапазона 20-30 лет. Более того, опыт сотрудников старшего поколения позволяет им генерировать более жизнеспособные деловые стратегии, что, несомненно, положительно отражается на экономическом благополучии компании. И с возрастом не снижается уровень креативного мышления. Все это говорит о том, что люди пожилого возраста могут выполнять рабочие задачи не хуже людей других возрастов.

К тому же, активное вовлечение в трудовую деятельность людей старшего возраста оказывает положительное влияние на экономику. Наличие в коллективе сотрудников разных поколений способствует повышению и укреплению мотивации как у опытных, так и у молодых специалистов, увеличивая их заинтересованность в долгосрочной работе в компании. Мотивация возрастных сотрудников зачастую носит нематериальный характер:

стремление оставаться продуктивными, желание ощущать свою важность и причастность. Организации могут поддерживать таких сотрудников, предоставляя им возможности для реализации своего потенциала посредством программ наставничества, коучинга и других инициатив.

Важно, чтобы борьба с эйджизмом велась с обеих сторон: общество должно создавать более благоприятные условия для пожилых людей, признавая их активную роль в жизни как норму, в то время как представители старшего поколения должны быть готовы к обучению, развитию и держать «руку на пульсе» в вопросе современных тенденций в области своих профессий.

Под дискриминацией по половому (гендерному) признаку понимается ситуация, при которой работодатель оценивает работников или кандидатов на вакантную должность по принадлежности к мужскому или женскому полу, а не руководствуясь исключительно соображениями, которые имеют прямое отношение к характеру должности. В большей степени гендерная дискриминация проявляется в отношении женщин.

В Российской Федерации, как и в других странах, дискриминация труда по половому признаку преимущественно выражается в двух формах: трудовая сегрегация «мужских» должностей и диспропорция в заработной плате мужчин и женщин, выполняющих схожие трудовые обязанности.

По данным Росстата, на 1 января численность занятого населения составила 73636 тыс. чел, из них количество мужчин – 37690 тыс. руб., женщин, соответственно, - 35946 тыс. чел. (или 51,2% против 48,8%).

Если же говорить о трудоспособном населении по возрастному критерию, то на 1 января численность трудоспособного населения составила 70073 тыс. чел, из них количество мужчин – 37165 тыс. руб., женщин, соответственно, - 32908 тыс. чел. (или 53% против 47%). Соответственно, среди занятых, не относящихся к трудоспособному населению, большую часть составляют именно женщины, преимущественно пенсионного возраста [2].

Рассмотрим структуру занятых по статусу в занятости на основной работе в соответствии с типом властных полномочий (таблица 1).

Как видно из таблицы 1, в категории независимых работников (владеют экономической единицей, в которой они работают, и контролируют ее деятельность) преимущественно задействованы мужчины, более того, в группе «работодатели» мужчин в 2,5 раза больше, чем женщин. В целом, женщины численно уступают мужчинам в каждой из групп, большая их часть задействована в категории наемных работников.

Несмотря на исторически высокую занятость женщин в России, их доходы в среднем на четверть ниже, чем у мужчин. Одной из причин этого является разделение профессий на «мужские» и «женские» с существенной разницей в оплате.

Горизонтальная гендерная сегрегация, проявляющаяся в непропорциональном распределении мужчин и женщин по различным профессиям, часто объясняется искусственными барьерами, воздвигаемыми мужчинами для защиты престижа «своих» профессий. Однако, следует

учитывать и вертикальную сегрегацию, где мужчины занимают доминирующие позиции на руководящих постах.

Таблица 1.

Численность занятых по статусу в занятости на основной работе в соответствии с типом властных полномочий

Период	Всего, тыс. чел.	Из них						
		Независи- мые работник и	в том числе		Зависи- мые работни- ки	в том числе		
			Работо- датели	Самозанятые работники, не использую- щие наемный труд		Зависи мые подря дчики	Наем- ные работ- ники	Помога ющие по семейны м предп- риятиям
Занятые всего								
01.01.2023	72644	4535	935	3600	68109	276	67616	216
01.01.2024	73636	4660	1021	3639	68976	250	68537	189
Мужчины								
01.01.2023	37081	2655	668	1987	34427	199	34108	120
01.01.2024	37690	2662	722	1940	35028	191	34732	105
Женщины								
01.01.2023	35563	1881	267	1613	33682	77	33508	97
01.01.2024	35946	1998	299	1699	33948	59	33805	84

Источник: составлено автором по данным Росстата.

В 2023 году размер средней начисленной зарплаты женщин по России составила 61,1 тыс. руб., мужчин — 87,8 тыс. руб. Соответственно, разница в оплате труда составила 26 тыс. руб. в пользу мужчин.

Наиболее высокие доходы в 2023 году отмечались в сфере информации и связи (111 тыс. руб. у женщин и 170 тыс. руб. у мужчин), добыче полезных ископаемых (96 тыс. руб. у женщин и 123 тыс. руб. у мужчин) и строительстве (91 тыс. руб. у женщин и 104 тыс. руб. у мужчин). Наименьший разрыв в оплате труда наблюдался в сфере образования: 49 тыс. руб. у женщин и 51 тыс. руб. у мужчин. Зарплата женщин-руководителей в 2023 году в среднем составляла 111 тыс. руб., в то время как у мужчин-руководителей – 159 тыс. руб. Глядя на указанные данные, можно утверждать, что в каждой отрасли народного хозяйства наблюдается зарплатно-половой разрыв [2].

Среди ключевых факторов, влияющих на неравенство в оплате труда, выделяются менее выгодное положение матерей на рынке труда, гендерная сегрегация в отраслях и профессиях, доминирование мужчин в определенных сферах, а также стереотип в отношении женщин, что они менее амбициозны и более импульсивны в принимаемых решениях. При этом женщины не уступают мужчинам по уровню образования, креативности, выносливости, ответственности, так как тоже стремятся накапливать свой трудовой потенциал.

Третьей формой трудовой дискриминации выступает неравенство инвалидов в сфере трудовых отношений. Данное «явление» получило название «эйблизм».

Дискриминация по признаку инвалидности означает любое различие, исключение или ограничение по причине инвалидности, целью или

результатом которого является умаление или отрицание признания, реализации или осуществления наравне с другими всех прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой иной области. Она включает все формы дискриминации, в том числе отказ в разумном приспособлении, т.е. нежелании работодателей создавать необходимые условия труда, способствующие интеграции людей с установленной инвалидностью в трудовой процесс.

Общее количество людей с ограниченными возможностями здоровья в трудоспособном возрасте на 1 января 2024 года достигло величины 4,2 млн. человек (40,9% их общей численности), при этом на долю мужчин здесь приходится 60%, соответственно, 40% - женщины. Уровень занятости среди инвалидов трудоспособного возраста на 1 января 2024 года составила всего 1,2 млн чел., или 27,5% от общей их численности. Если анализировать такой параметр как возраст, то среди работающих инвалидов по возрасту преобладает категория граждан старше 45 лет и предпенсионеры (свыше 60%), что прямо доказывает наличие проблемы дискриминации [2].

Работодатели стремятся найти законную причину для отказа в трудоустройстве человеку с установленной инвалидностью, избегая трудностей в создании необходимых условия для разумного приспособления работника в трудовой социум. Однако именно работники с установленной инвалидностью более мотивированы к труду, стремятся в большей степени развивать свои профессиональные и надпрофессиональные навыки с целью создания объективной конкуренции на рынке труда. Поэтому работодатели рискуют «упустить» потенциального ценного работника, опираясь лишь на субъективные предубеждения и руководствуясь принципом экономии.

Выявленные тенденции в области дискриминации труда подтверждают факт наличия проблемы, которая требует выработки комплексного подхода к решению.

В первую очередь, необходимо укрепить законодательство, регламентирующее дискриминационные вопросы, а также усилить контроль за его соблюдением.

Во-вторых, повысить заинтересованность незащищенных групп населения в развитии своих компетентных навыков и умений, расширить спектр профессионального кругозора.

И наконец, следует воспитывать в сознании граждан, что равенство – инструмент, позволяющий обеспечить достойный труд и достойное вознаграждение независимо от возраста, пола или состояния здоровья. Равенство – залог процветания экономики, снижения безработицы и роста покупательской способности населения.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации. – Саратов : Вузовское образование, 2024. – 262 с. – ISBN 978-5-4487-0988-3. – Текст : электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : [сайт] – Режим доступа:

<https://www.iprbookshop.ru/140079.html> – Режим доступа для авторизир. пользователей (дата обращения: 01.02.2025).

2. Федеральная служба государственной статистики – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 03.02.2025).

3. Новости в России и в мире // Большинство россиян столкнулись с дискриминацией на работе – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/15674579> (дата обращения: 04.02.2025).

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И УРОВНЯ УСИЛИЙ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В данном исследовании рассматривается проблема определения детерминант уровня усилий организаций по внедрению и использованию в своих бизнес-процессах продуктов и решений, основанных на информационно-коммуникационных технологиях. В качестве таких детерминант, на основе количественного анализа, были предложены показатели человеческого капитала. Показатели этого вида были сопоставлены по тесноте взаимосвязи с агломерационным показателем уровня развития используемой инфраструктуры.

Ключевые слова. Человеческие ресурсы, человеческий капитал, цифровая трансформация, воспринимаемая полезность.

R.V. Kulagin,

Graduate student,

Department of Human Resource Management,
Kazan (Volga region) Federal University

THE RELATIONSHIP BETWEEN HUMAN CAPITAL AND THE INTENSITY OF ORGANIZATIONAL EFFORTS IN THE REALM OF DIGITAL TRANSFORMATION

Abstract. This study examines the problem of determining the factors of the level of efforts of organizations to implement and use products and solutions based on information and communication technologies in their business processes. Indicators of human capital have been proposed as such determinants based on quantitative analysis. The indicators of this type were compared by their close relationship with the agglomeration indicator of the level of development of the infrastructure used.

Keywords. Human resources, human capital, digital transformation, perceived usefulness.

Исходя из представления об агломерационных эффектах, можно предположить, что уровень развития инфраструктуры, характерный для развитых и крупных агломераций, способствует большей аккумуляции квалифицированных человеческих ресурсов. Кроме того, показатель развития телекоммуникационной инфраструктуры, исходя из тех же представлений об агломерационных эффектах, должен находиться в наиболее сильной взаимозависимости с усилиями организаций по внедрению цифровых технологий. Однако показатели агломерационных эффектов отображают внешние для организаций ресурсы и возможности по внедрению продуктов информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ).

При рассмотрении активности предприятий по адаптации таких технологий более важную роль должны играть их внутренние ресурсы. В качестве такого ресурса предлагается принять уровень располагаемого

человеческого капитала. В литературе на данный момент сложилось представление о том, что в вопросах цифровой трансформации человеческий капитал играет более важную роль, чем иные формы капитала организаций. [1, С. 55]

Для проверки этих утверждений далее представлены результаты количественного анализа корреляционной взаимосвязи показателей. В качестве показателя инфраструктуры был использован относительный показатель использования организациями фиксированного широкополосного интернета с максимальной скоростью передачи данных выше 100 Мбит/с. Показатель инфраструктуры аппроксимирует воздействие фактора принадлежности организаций к развитой городской агломерации. В качестве показателя усилий организаций по цифровой трансформации были использованы значения объемов, в миллиардах рублей, внутренних затрат организаций на внедрение и использование цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг. Уровень располагаемого человеческого капитала в контексте данного исследования характеризуют показатели относительной численности специалистов по ИКТ, а также относительная численность высококвалифицированных работников.

В таблице 1 представлены результаты корреляционного анализа этих показателей, рассчитанные в программной среде «Gretl». Рассматриваемая выборка представляет собой значения озвученных показателей за 2021 и 2022 годы, относящиеся ко всем основным видам экономической деятельности (далее – ВЭД), кроме отраслей образования, информации и связи, в виду их специфик и контекста данного исследования.

Таблица 1.

Результаты корреляционного анализа [2, 3]

Коэффициенты корреляции, наблюдения 1:1 - 15:2 5% критические значения (двухсторонние) = 0,3610 для n = 30			
К	I	L	E
1,0000	0,6817	0,8016	0,5309
-	1,0000	0,3925	0,0027
-	-	1,0000	0,8119
-	-	-	1,0000

где: E – отношение численности высококвалифицированных работников к численности квалифицированных работников, рассчитанное в процентах;

L – отношение численности специалистов по ИКТ к общей численности занятых, рассчитанное в процентах;

K – внутренние затраты организаций на внедрение и использование цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг, в миллиардах рублей;

I – использование фиксированного широкополосного интернета в организациях с максимальной скоростью передачи данных выше 100 Мбит/с, в процентах от общего числа организаций.

Таким образом, формирование удельного веса высококвалифицированных кадров и специалистов ИКТ нельзя свести к действию пространственных, агломерационных факторов. Вместе с этим, наблюдается устойчивая связь показателей человеческого капитала, относящегося к сфере ИКТ, с внутренними затратами на внедрение и использование цифровых технологий организациями широкого круга отраслей. В случае с отраслевым распределением относительной доли специалистов ИКТ, такая взаимосвязь сильнее чем, в случае с показателем качества инфраструктуры.

При смещении акцента с затрат организаций на внедрение цифровых технологий, на результаты и эффективность таких усилий, действие фактора удельного веса высококвалифицированной части человеческих ресурсов может быть представлено иным способом. Удельный вес высококвалифицированных кадров не линейным образом влияет на принятие и использование персоналом организаций любых инноваций, в том числе и новшеств сферы ИКТ. В рамках теоретических исследований отмечается, что в длинной цепи от создания до рутинизации применения каких-либо инноваций активную роль играют все человеческие ресурсы организаций.

Так, эффективность выполнения стадии разработки и исследований определяется высококвалифицированными сотрудниками. Эффективность же применения новшеств в производственном процессе определяется сотрудниками с относительно более низкой, но более специализированной квалификацией [4]. В случае с цифровой трансформацией ключевую роль на этом этапе будут играть сотрудники не с более высоким уровнем квалификации, а с более высоким уровнем относимости этой квалификации к отрасли ИКТ. Кроме того, в данном контексте стоит отметить, что человеческий капитал принято ставить в зависимость от двух источников роста квалификаций – образования и опыта работы. Другим подходом при описании этого является рассмотрение процесса внедрения продуктов и решений, основанных на ИКТ как последовательного замещения одних рутин другими.

Отмечается, что на начальном этапе принятия и адаптации продуктов и решений ИКТ, рост производительности предприятий тормозится из-за укоренившихся поведенческих привычек, управленческих практик и других подобных факторов. Когда цифровая трансформация достигает определенной степени, а управление, реализация и другие факторы превышают критическое значение, цифровая трансформация может способствовать росту производительности мультипликативным образом, следуя тем самым «U-образной» траектории [5, С. 490]

Ключевым фактором при переходе от снижения к росту производительности выступает скорость принятия и адаптации человеческих ресурсов к меняющимся условиям работы и возможностям реализации своих рабочих функций. Это, в свою очередь, зависит от воспринимаемой полезности нового решения и воспринимаемой простоты его использования. Трудящийся, безотносительно к уровню его образования, имеет способность оценивать

элементы производственных процессов в рамках накопленного человеческого капитала – в данном случае это опыт работы.

Если большая часть индивидуального человеческого капитала формируется от практического опыта работы, квалификация такого работника неизбежно становится узкоспециализированной, специфичной для заданных в отдельный период времени производственных условий. При изменении таких условий в следующем периоде времени скорость оценки или переоценки воспринимаемой полезности и простоты применения новых элементов зависят от уровня образования, формирующего «широкую» квалификацию. Уровень образования и его относимость к отрасли информации и коммуникаций через категории воспринимаемой полезности и простоты применения определяют уровень мотивированности человеческих ресурсов организации к принятию и внедрению новых продуктов и решений, основанных на ИКТ.

В контексте экономики России эти выводы стоит соотносить с отраслевым распределением цифровых технологий. Наблюдаемая отраслевая асимметрия распределения типов таких технологий говорит об отраслевой неоднородности человеческого капитала этой сферы. Пример ассиметричного распределения представлен на рисунке 1, в основу построения которого лег показатель процента организаций соответствующего ВЭД, использовавших отдельные виды цифровых технологий.

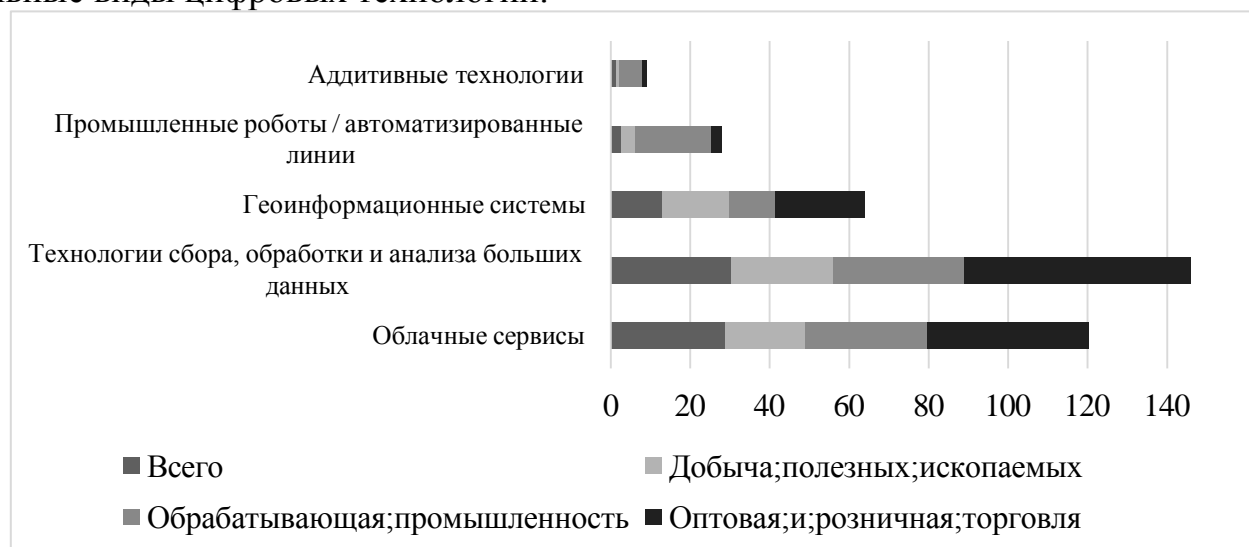

Рис. 1. Пример отраслевого распределения относительных долей организаций, применяющих отдельные типы цифровых технологий, 2022 г. [2].

На представленной диаграмме можно увидеть, что в случае таких технологий, как облачные сервисы и технологии сбора и обработки данных, отраслевое распределение долей применяющих их организаций близко к однородному. Однако в случае таких технологий, как аддитивные технологии, промышленные роботы и геоинформационные системы, наблюдается существенное смещение в отраслевом распределении показателя.

Совмещая полученные ранее выводы с представленными особенностями наблюдаемой концентрации применения отдельных цифровых технологий среди предприятий отдельных ВЭД, можно предположить наличие рычага

воздействия на цифровую трансформацию государственной политики. Таким рычагом является стимулирование подготовки учебными заведениями специалистов в области ИКТ, специализирующихся на тех или иных типах цифровых технологий. В зависимости от выбранных целей, результатами такой политики могут быть как стимулирование роста производительности отдельных отраслей, так и устранение отраслевых асимметрий роста факторной производительности в экономике России.

Список литературы

1. Пономарева Е. А. Цифровизация экономики как движущая сила экономического роста: только ли инфраструктура имеет значение? // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2021. – №. 3. – С. 51-68.
2. Индикаторы цифровой экономики. Статистические сборники // Публикации Института статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». – Режим доступа: <https://www.hse.ru/primarydata/iio> (дата обращения: 10.02.2025).
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (дата обращения: 10.02.2025).
4. Carillo M. F. Human capital composition and long-run economic growth // Economic Modelling. – 2024. – vol. 137.
5. Cheng Y., Zhou X., Li Y. The effect of digital transformation on real economy enterprises' total factor productivity // International Review of Economics & Finance. – 2023. – vol. 85. – P. 488-501.

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТОВ НА ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА

Аннотация. В статье анализируется влияние качества институциональной среды на инновационное развитие национальных экономик, дается сравнительная характеристика инклюзивных и экстрактивных институтов, рассматривается система инклюзивных институтов Нижегородского области, направленная на поддержку инновационного развития региона.

Ключевые слова. Институциональная среда, инклюзивные институты, инновационное развитие региона.

T.P. Loginova,

*Candidate of economic Sciences, associate Professor,
The Department of Economic theory and methodology,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*

INFLUENCE OF INSTITUTIONS ON INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE REGION

Abstract. The article analyzes the influence of the quality of the institutional environment on the innovative development of national economies, provides a comparative description of inclusive and extractive institutions, and examines the system of inclusive institutions in the Nizhny Novgorod region aimed at supporting the innovative development of the region.

Keywords. Institutional environment, inclusive institutions, innovative development of the region.

В современных геополитических условиях перед Россией стоят серьезные экономические вызовы по укреплению технологического суверенитета страны и активации инновационно-ориентированного роста экономики. Успешное преодоление данных вызовов напрямую связано с наращиванием и реализацией инновационного потенциала субъектами экономики, необходимым условием для которого является создание благоприятной институциональной среды, как «комплекса правовых, экономических, этических норм» [1, с.67], обеспечивающего инновационные процессы в российской экономике.

Качество и характеристика институциональной среды оказывает влияние на инновационный процесс на всех его этапах: и на этапе научных открытий, формирования новаторских идей, разработки изобретений, и на этапе коммерциализации, производства инновационного продукта, изменений в технологиях. Как отмечалось в более ранних исследованиях [2, 3, 4, 5], между качеством институтов и уровнем инновационной активности национальных экономик наблюдается прямая и значимая взаимосвязь – в странах с более

высоким качеством институтов наблюдается увеличенная отдача от инновационных исследований и разработок во всех секторах экономики.

Формированию институтов и их влиянию на экономическое благосостояние стран посвящены исследования Дарона Аджемоглу, Саймона Джонсона и Джеймса Робинсона, за которые им в 2024 году была присуждена Нобелевская премия по экономике. Их работы показали, как различия в институциональной структуре обществ влияют на экономическое развитие и процветание наций. В своих исследованиях авторы выделяют два типа институтов: инклюзивные и экстрактивные институты. Различие между инклюзивными и экстрактивными институтами обусловлено тем, как данные типы институтов воздействуют на экономическое развитие и распределение ресурсов в обществе.

Инклюзивные институты — это такие политические и экономические институты, которые обеспечивают равный доступ к экономическим возможностям для широких слоев общества. Они создают условия для стимулирования экономической активности широких масс населения, развития человеческого капитала и получения выгод от новаторства и предпринимательской деятельности что, в конечном итоге, приводит к долгосрочному и устойчивому росту экономики страны.

Инклюзивные институты характеризуются следующими отличительными чертами:

- Защита прав собственности.
- Открытый доступ к рынкам и возможность для всех экономических агентов конкурировать на равных.
- Поощрение инноваций и научных исследований, создание благоприятных условия для развития научно-технического прогресса.
- Главенство закона.
- Равный доступ к образованию, здравоохранению, социальному обеспечению.

США, Канада являются примерами стран с высокоразвитыми инклюзивными институтами.

Экстрактивные институты, напротив, концентрируют власть и ресурсы в руках небольшой элиты и нацелены на извлечение ренты ограниченной группой лиц, что приводит к экономическому упадку в стране.

Д. Аджемоглу, С. Джонсон, Д. Робинсон выделяют следующие характеристики экстрактивных институтов:

- Незащищенность прав собственности.
- Монополия на власть и ресурсы находится в руках узкого круга элит.
- Отсутствие поддержки развития новых технологий, образования и предпринимательства.
- Ограниченный доступ граждан к образованию, здравоохранению, социальному обеспечению.

В качестве примеров стран с экстрактивными институтами можно привести некоторые африканские страны, пережившие жесткие формы

колониализма, где небольшая элита присвоила основные экономические выгоды, в то время как большая часть населения жила в бедности.

По мнению нобелевских лауреатов по экономике 2024 года, наличие в стране инклюзивных и экстрактивных институтов оказывает различное воздействие на:

- Экономический рост. В странах с инклюзивными институтами существует больше возможностей для инноваций, развития человеческого капитала, так как более широкие слои населения могут участвовать в предпринимательской деятельности. В странах с экстрактивными институтами рост часто ограничен, поскольку власть и ресурсы сосредоточены в руках немногих.
- Долгосрочная устойчивость. Инклюзивные институты создают условия для стабильности и роста, тогда как экстрактивные институты часто приводят к экономической неустойчивости, неравенству и социальным конфликтам.
- Распределение благ. Инклюзивные институты способствуют более справедливому распределению благ, в то время как экстрактивные институты способствуют углублению неравенства.

Таким образом, страны с инклюзивными институтами, как правило, демонстрируют более высокие темпы экономического роста и более стабильную социальную структуру, способствуют развитию предпринимательства и стимулируют инновации, создают условия для взаимодействия различных участников экономики (государства, бизнеса, науки, образования и общества) с целью повышения общей экономической и социальной эффективности.

В России создана и эффективно функционирует система инклюзивных институтов, включающая государственные корпорации, фондовые и венчурные компании, технопарки, бизнес-инкубаторы, кластеры и другие организации. Так, в Нижегородской области в 2024 году Фонд содействия инновациям (ФСИ) оказал поддержку 55 нижегородским проектам, выделив на эти цели 150 млн. рублей. Программы Фонда поддерживают инновационные проекты на разных стадиях развития: от научной разработки до масштабирования и выхода на экспорт. ФСИ поддерживает перспективные инновационные направления, формирующие технологический суверенитет страны: космические и цифровые технологии, электроника, биотехнологии и искусственный интеллект [6].

В 2024 году Нижегородский Научно-образовательный центр (НОЦ), созданный в рамках нацпроекта «Наука и университеты», поддержал 31 проект с общим объемом инвестиций более 370 млн рублей. На разработки, поддержанные НОЦ, пришлось 10% всех научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, начатых в регионе за 2024 год. Благодаря грантовой поддержке было создано 10 высокотехнологичных рабочих мест, а 14 передовых технологий успешно внедрены в производство. Сферы применения включали электронику, информационные технологии (в том числе искусственный интеллект), химию и нефтехимию, машиностроение и сельское хозяйство [7].

Ученые ННГУ им. Н.И. Лобачевского в 2024 году зарегистрировали 65 патентов и свидетельств на изобретения, что свидетельствует о высоком уровне научно-исследовательской деятельности в регионе. Это стало возможным благодаря активной поддержке Регионального центра трансфера технологий (ЦТТ) ННГУ [8].

Технопарк «Анкудиновка» продолжил свою деятельность в качестве ключевой инфраструктурной единицы поддержки малого и среднего инновационного бизнеса в Нижнем Новгороде. Он предоставляет бизнес-центр и инкубатор для стартапов, способствуя развитию инновационной экосистемы региона.

В июне 2024 года Нижегородская область расширила сотрудничество с «Иннопрактикой» и «Инновационным инжиниринговым центром» Московского государственного университета в области импортозамещения. Это сотрудничество направлено на внедрение передовых технологий и развитие инновационных проектов в ключевых отраслях экономики региона.

В первом квартале 2024 года была запущена Платформа устойчивого развития Нижегородской области, предназначенная для аккумуляции инновационных решений в различных сферах промышленности. Эта инициатива направлена на поддержку устойчивого экономического роста и внедрение экологически чистых технологий [9].

Эти меры свидетельствуют о комплексном подходе Нижегородской области к поддержке инновационной деятельности, направленном на создание благоприятной институциональной среды для развития высокотехнологичных отраслей и привлечения инвестиций. Динамичное развитие инновационной экосистемы Нижегородской области в 2024 году, отражает успешную интеграцию науки, технологий и бизнеса, в результате которой «Приволжский федеральный округ... является лидером по числу организаций, внедряющих технологические инновации. Их доля от числа всех его организаций составляет примерно треть» [10]. В целом по России Нижегородская область занимает 6 место по объему отгруженной инновационной продукции, 4 место по числу людей, занятых в НИОКР и 4 место по научно-технологическому развитию.

Таким образом, инклюзивные институты играют ключевую роль в достижении амбициозных целей по наращиванию инновационного потенциала регионов как ключевого условия устойчивого роста, благополучия и высокого качества жизни граждан.

Список литературы

1. *Малкина М.Ю.* Институциональная экономика: теория и практика: Серия: Высшее образование / М.Ю. Малкина, Т.П. Логинова, Е.В. Лядова. – 2-е издание. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2023. – 306 с.
2. *Логинова Т.П.* Анализ институциональных факторов инновационного развития региона // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2019. – Т. 8, № 2 (27). – С. 219-222.

3. *Логинова Т.П.* Влияние качества институциональной среды на инновационную активность национальных экономик // *Инновационное развитие экономики.* – 2019. – № 2 (50). – С. 38-44.
4. *Логинова Т.П.* Влияние качества региональных институтов на инновационную активность регионов // *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права.* – 2019. – № 3 (76). – С. 64-76.
5. *Былинская А.А., Логинова Т.П.* Передовые цифровые технологии как важнейший элемент инновационноориентированной // *Экономика и управление: проблемы, решения.* – 2024. – Т. 4, № 1 (144). – С. 104-117.
6. В 2024 году Нижегородские инновационные проекты получили 150 млн. рублей грантовой поддержки от Фонда содействия инновациям. – Режим доступа: https://strategy.nobl.ru/novosti/v-2024-godu-nizhegorodskie-innovacionnyie-proektyi-poluchili-150-mln-rublej-grantovoj-podderzhki-ot-fonda-sodejstviya-innovacziyam/?utm_source=chatgpt.com.
7. Нижегородский НОЦ поддержал проекты на более чем 370 млн. рублей в 2024 году. – Режим доступа: <https://strategy.nobl.ru/novosti/nizhegorodskij-nocz-podderzhal-proektyi-na-bolee-chem-370-mln-rublej-v-2024-godu/>.
8. Ученые ННГУ получили 65 патентов на инновации в 2024 году. – Режим доступа: https://vz-nn.ru/news/nauka/64803/?utm_source=chatgpt.com
9. Платформа устойчивого развития Нижегородской области. – Режим доступа: <https://xn---52-53dkcvdsggaf8ed0bktmg6g.xn--p1ai/>.
10. В Нижнем Новгороде обсудили инновационный потенциал Приволжья. – Режим доступа: https://www.volga-tv.ru/news/novosti/n-v-nizhnem-novgorode-obsudili-innovatsionnyy-potentsial-privo/?utm_source=chatgpt.com.

КОЛИВИНГ КАК НОВАЯ ФОРМА СОВМЕЩЕНИЯ ЖИЛОГО И РАБОЧЕГО ПРОСТРАНСТВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В связи с распространением цифровых технологий, дистанционного формата занятости и моделей совместного потребления растет популярность концепции коливинга – совмещения жилого и рабочего пространств. Коливинг предоставляет множество социально-экономических преимуществ, но и несет некоторые риски, которые необходимо учитывать потребителю. Общими вызовами для всех участников коливинговых сделок является необходимость законодательного регулирования данной сферы.

Ключевые слова. Коливинг, коворкинг, регулирование, цифровизация, шеринг.

E.V. Liadova

*Candidate of economic Sciences, associate Professor,
The Department of Economic theory and methodology,
Nizhny Novgorod state University N.I. Lobachevsky*

A.R. Liadova

*student,
Nizhny Novgorod State University
of Architecture and Civil Engineering*

COLIVING AS A NEW FORM OF COMBINING LIVING AND WORKING SPACES IN THE DIGITAL ECONOMY

Abstract. Due to the spread of digital technologies, remote employment format and models of shared consumption, the concept of coliving – combining residential and work spaces - is growing in popularity. Coliving provides many socio-economic benefits, but also carries some risks that need to be taken into account by the consumer. The common challenges for all participants in leasing transactions is the need for legislative regulation of this area.

Keywords. Coliving, coworking, regulation, digitalization, sharing.

Стремительное внедрение цифровых технологий, обострение экологических проблем, экономические потрясения, способствовавшие большей экономии в потреблении людей, привели к активному развитию шеринг-экономики.

Причинами распространения шеринга являются:

1. Изменение принятых шаблонов потребительского поведения [1], распространяющихся на права собственности, в соответствии с которыми все более важным для потребителя становится возможность реализации права пользования благом, а не права владения.

2. Распространение и развитие специализированных цифровых платформ, позволяющих напрямую взаимодействовать представителям спроса и предложения. Развитие онлайн-сообществ по интересам, которые создали собственные правила игры и увеличили уровень доверия между участниками благодаря системе онлайн-рейтинга, отзывов, модерации профилей.

3. Разная степень обеспеченности различных слоев населения, которая в свою очередь создает предпосылки востребованности модели совместного потребления.

Многие формы шеринга пользуются популярностью в современном мире благодаря тому, что они удовлетворяют базовые потребности людей более доступным образом. Так, например, каршеринг, коворкинг, флет-шеринг являются хорошей альтернативой единоличному владению.

В целом институциональное и технологическое развитие шеринг-экономики исследователи связывают с распространением и широтой охвата интернета, использованием технологий и цифровых инструментов [2, с.11, 17].

Коливинг – концепция совместного проживания, основанная на идее совмещения жилья и рабочего пространства, как одна из форм шеринга для России является достаточно новой. Эта новая форма жилья привлекает все больше людей, которые ищут не только комфортное место для жизни, но и возможность общения и совместной деятельности.

В коливинге люди снимают отдельные комнаты или квартиры в общем жилом комплексе, где также находятся общие рабочие зоны, кухни, обеденный зал, зоны отдыха и другие общественные пространства. Помещения должны иметь качественный ремонт, необходимую мебель и бытовую технику. Это позволяет жильцам сочетать работу и личную жизнь, общаться с соседями, обмениваться опытом и идеями, а также пользоваться общими удобствами. Данный формат проживания подходит как для молодых людей, желающих найти новых друзей и партнеров по бизнесу, так и для тех, кто работает удаленно или часто путешествует, так как это предоставляет возможность иметь стабильное жилье и рабочее пространство в различных городах и странах.

Коливинг стал популярным форматом проживания в больших городах, где цены на жилье высоки, а люди ищут более доступные и социально насыщенные варианты проживания. По данным на конец 2023 г., общий объем предложения коливингов в России составил 2200 номеров, из них большая часть (67%) приходится на Москву и Подмоскovie, 16% – на Санкт-Петербург, остальную долю рынка поделили Казань, Сочи, Новосибирск, Тула, Кемерово [3].

Коливинги могут предлагать различные услуги и удобства такие как уборка, обслуживание, спортивные площадки, организацию мероприятий и т.д. Коливинг также выполняет коммуникативную функцию. Для этого во многих коливингах существует специальная должность – социальный инженер, который занимается организацией различного рода мероприятий, направленных на отдых и сплочение коллектива, что способствует

установлению близких отношений между жильцами, обмену опытом и знаниями, а также созданию поддерживающей среды [4].

Рассмотрим этапы развития коливинга в России.

1. 2014-2016 гг. Появление первых коливинговых пространств в крупных городах. Количество пользователей невелико, но наблюдается рост интереса со стороны студентов и молодых специалистов. Цены на места в коливингах в данный период были относительно низкими, так как конкуренция была небольшой. Обычно стоимость варьировалась от 15000 до 30000 руб. в месяц за место в комнате.

2. 2017-2019 гг. Рост популярности коливинга среди молодежи и фрилансеров. Появление специализированных компаний, предлагающих услуги по организации коливинговых пространств, увеличение их числа в крупных городах. Происходит начало осознания преимуществ коливинга, таких как снижение затрат на жилье и создание сообщества. Цены начали постепенно расти. Средняя стоимость аренды места в коливингах в крупных городах (таких как Москва и Санкт-Петербург) могла достигать 30000 - 50000 руб. Появление новых форматов и услуг также способствовало увеличению цен.

3. 2020 год. Пандемия COVID-19 увеличила интерес к коливингу как к альтернативе традиционному жилью, поскольку многие люди начали искать гибкие условия аренды. В коливинговых пространствах начали предлагать дополнительные услуги – рабочие места и мероприятия для жителей. Некоторые коливинги начали предлагать гибкие условия аренды и специальные предложения. Цены оставались на уровне 30000 - 50000 руб., но наблюдался рост спроса на отдельные комнаты и рабочие пространства.

4. 2021-2023 гг. Продолжение роста числа и увеличение разнообразия форматов коливинговых пространств в России – от бюджетных до премиум-вариантов. Появились специализированные платформы для поиска и бронирования коливинговых пространств, стали активно привлекаться инвестиции в этот сегмент рынка. В данный период стали обсуждаться вопросы регулирования и стандартизации коливинга на уровне властей. В крупных городах средняя стоимость аренды могла достигать 50000 - 70000 руб. за место в зависимости от района, формата и предлагаемых услуг. Некоторые премиум-коливинги могли предлагать места за 80000 руб. и выше.

5. 2024 год. Дальнейший рост популярности коливинга. Развитие новых форматов коливинга, включая экологически чистые и устойчивые проекты. Расширение коливинга за пределы крупных городов в более мелкие населенные пункты. В зависимости от экономической ситуации и спроса на жилье, цены на коливинг могут продолжить расти. В крупных городах средняя стоимость варьируется от 60000 до 100000 руб., учитывая местоположение и качество предоставляемых услуг.

В целом цены на коливинг с каждым годом растут, что связано с увеличением популярности коливингов, использованием современных технологий и материалов, наличием разнообразной внутренней инфраструктуры, а также с их расположением на удобных транспортных узлах.

В данный момент ценовая структура может делиться на разные сегменты, на рынке представлены бюджетные варианты и бизнес-дома.

Рассмотрим возможности, предоставляемые коливингом потребителям.

1. Доступная стоимость аренды. За стоимость в разы ниже аренды индивидуального жилья молодые предприниматели и специалисты, студенты, инфлюенсеры, IT-специалисты, фрилансеры и путешественники получают все необходимое для комфортной жизни. В стоимость аренды уже включены коммунальные платежи, уборка и смена постельного белья. Более того, коливинг предоставляет своим жильцам широкий спектр бесплатных услуг: доступ к wi-fi, наличие оргтехники и многое другое, что сможет еще больше снизить их ежемесячные затраты.

2. Снижение издержек, связанных с поиском жилья, так как существует множество сайтов и цифровых платформ, специализирующихся именно на таком типе аренды. Управлением жилья и всеми вопросами обычно занимается управляющий, что тоже снижает затраты.

3. Преимуществом коливинга с социальной точки зрения является организация коворкинга, который предлагает возможность комбинировать работу и личную жизнь, создавая комфортную и продуктивную среду. В рамках этого формата коворкинг-пространство интегрируется в жилой комплекс, предоставляя жильцам доступ к современным офисным условиям прямо рядом со своим жилищем [5]. Это приводит к объединению единомышленников и распространению новой модели культуры потребления, повышение мобильности и социального взаимодействия.

Хотя коливинг имеет свои преимущества, но есть и риски, с которыми могут столкнуться потребители.

1. Конфиденциальность и личное пространство. Жизнь в общем пространстве с другими людьми может означать недостаток приватности. Невозможность полностью контролировать условия проживания является серьезным риском для тех, кто ценит свободу и независимость.

2. Конфликты с соседями. Несмотря на то, что соседи заселяются после собеседования, могут возникнуть конфликты из-за нарушения правил проживания, из-за различия в образе жизни, привычках и вкусах жильцов.

3. Несоответствие ожиданиям. Возможно несовпадение ожиданий потребителей с реальностью, связанных с качеством услуг уборки, электроснабжения, водоснабжения, техническим обслуживанием и персоналом.

4. Ограничения в индивидуальной настройке пространства. Ввиду необходимости совместного использования общих зон и участия в коллективных мероприятиях жильцы не всегда имеют полную свободу относительно оформления своих жилых помещений. Стилистический дизайн или имеющаяся мебель могут не совпадать с предпочтениями или потребностями отдельного человека, что может негативно сказываться на его комфорте и уюте.

5. Финансовые риски. В случае банкротства или неплатежеспособности управляющей компании коливинга, жильцы могут

столкнуться с проблемами в плане оплаты аренды или других услуг. Возможен риск мошенничества при встрече с нелегальными участниками рынка.

6. Безопасность. В общем пространстве могут возникать проблемы с отсутствием надлежащего контроля за безопасностью и доступом к совместным помещениям.

В целом, поскольку коливинг в России достаточно «молодое направление», в настоящее время отсутствует нормативная база его регулирования. При этом можно выделить две позиции относительно заинтересованности экономических субъектов во внешнем надзоре. С одной стороны, одни ценят возможность саморегулирования сообщества, свободу творчества и потенциал для экспериментов и инноваций. Другие приветствуют идею необходимости установления четких стандартов в отношении управления имуществом, договоров аренды, разрешения споров и протоколов безопасности, поскольку это обеспечит жильцам большую защиту и стабильность. Кроме того, регулирование может помочь решить более широкие социальные проблемы, такие как обеспечение соблюдения строительных норм и правил, правил зонирования, а также стандартов здравоохранения и безопасности. Подвергая надзору операторов коливингов, власти могут снизить риск некачественных условий жизни и потенциальной эксплуатации жильцов.

В конечном счете, достижение баланса между контролем и гибкостью имеет важное значение для обеспечения того, чтобы коливинг продолжал процветать как жизнеспособный вариант жилья, одновременно защищая интересы жильцов и поддерживая стандарты качества и безопасности. Он может быть отличным выбором для тех, кто ценит социальные контакты, готов делиться пространством и ресурсами с другими людьми и готов принять вызовы, связанные с жизнью в цифровом обществе.

Список литературы

1. Бузмакова М.В., Полушкина И.Н. Неконтролируемое потребление как следствие увеличения нормы свободного времени // Региональная экономика: теория и практика. – 2017. – Т. 15. – № 5 (440). – С. 982-998.

2. Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Мокрушикова А.П. Эволюция развития шеринг-экономики // Journal of new economy. – 2023. – Vol.24. – №4. – С. 6-21.

3. Подсчитано количество коливингов в России // Строительная газета. – 17.10.2023. – Режим доступа: <https://stroygaz.ru/news/commercial/podschitano-kolichestvo-kolivingov-v-rossii/> (дата обращения: 12.01.2025).

4. Жабреева Н.А. Коливинг – общежитие XXI века / Туризм как фактор регионального развития: материалы VII Международной научно-практической конференции – Екатеринбург: Издательство Уральского государственного экономического университета, 2017. – С. 37-42.

5. Вершинина И.А. Одиночество – одно из социальных последствий низкой рождаемости / Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции / Под редакцией Рязанцева С.В., Ростовской Т.К. –

Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Экон-Информ», 2019. – С. 214-217.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ В НЕФТЕДОБЫВАЮЩЕМ КОМПЛЕКСЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье проведен анализ основных направлений цифровизации нефтедобывающего комплекса. Выделены преимущества внедрения цифровых технологий в нефтедобычу, а также барьеры, с которыми сталкиваются предприятия нефтедобывающей отрасли.

Ключевые слова. Цифровизация, направления цифровизации, экономическое развитие, нефтяной комплекс, блокчейн, цифровой двойник, промышленный интернет вещей, искусственный интеллект.

E.V. Liadova,

*Candidate of economic Sciences, associate Professor,
The Department of Economic Theory and Methodology,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*

I.N. Polushkina,

*Candidate of economic Sciences, associate Professor,
The Department of Economic Theory and Methodology,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod state University N.I. Lobachevsky*

KEY DIRECTIONS OF DIGITALIZATION IN THE OIL PRODUCTION COMPLEX AT THE CURRENT STAGE OF DEVELOPMENT

Abstract. The article analyzes the main directions of digitalization of the oil production complex. The advantages of introducing digital technologies into oil production are highlighted, as well as the barriers faced by companies in the oil industry.

Keywords. Digitalization, directions of digitalization, economic development, oil complex, blockchain, Digital Twin, industrial Internet of things (IIoT), artificial intelligence.

Цифровая трансформация производственных и бизнес-процессов нефтегазовой отрасли и внедрение современных технологий на всех стадиях производства является необходимым условием получения конкурентных преимуществ российских нефтяных компаний в условиях истощения легкоизвлекаемых запасов, падающей добычи и начала периода освоения труднодоступных месторождений.

По оценкам экспертов Института проблем нефти и газа Российской академии наук (ИПНГ РАН) эффективность добычи нефти при применении

традиционных технологий составляет 29%, цифровых (оснащенных локальной автоматикой) – 38%, а у интеллектуальных месторождений с использованием элементов кибернетики этот показатель достигает 47 %[1].

Так, по мнению экспертов, эффективное и масштабное внедрение инновационных технологий и цифровизации позволяет дополнительно добывать нефть при себестоимости не выше \$2/баррель, повысить коэффициент извлекаемых запасов не менее чем на 10 %, уменьшить время простоя скважин на 50 % и при этом сократить операционные затраты на 10-25% [1].

Исследователи отмечают [2, с.5], что выгоды от экспорта ресурсов должны использоваться для трансформации качественных характеристик экономической системы через количественные по нескольким направлениям:

- реинвестирование доходов от экспорта нефти для финансирования развития инфраструктуры, диверсификации экономики и улучшения социального обеспечения;

- мультипликативное распространение технологических достижений в нефтяной промышленности на другие отрасли экономики за счет стимулирования инноваций и роста производительности;

- диверсификация экономики и снижение зависимости от нефти.

Основные направления цифровизации нефтедобывающего комплекса в России достаточно многообразны:

1. Цифровое «клонирование» или создание цифровых двойников (DigitalTwin).

Цифровое клонирование содействует оптимизации производственных процессов, моделирует инженерно-технические, производственно-эксплуатационные и технико-экономические показатели с учетом фактического состояния объектов, повышает энергетическую эффективность производства.

Создание цифровых моделей месторождений и скважин, которые позволяют прогнозировать различные сценарии разработки, тестировать и выбирать наиболее эффективные стратегии. Мониторинг проводится в режиме реального времени, что позволяет оперативно принимать производственные и управленческие решения и снижать риски. Лучшим решением с использованием цифровых моделей и предиктивной аналитики в РФ в настоящее время признан цифровой двойник сейсморазведки от компании «Газпром нефть» и «ЛАНИТ-ТЕРКОМ», который обеспечивает планирование и мониторинг геологоразведочных работ, предоставляя специалистам дистанционный доступ к актуальной геофизической информации.

К примеру, цифровое «клонирование» электротехнических комплексов предприятий нефтедобывающего комплекса служит мощным инструментом для реализации решений и программ в интегрированной логистической поддержке, а далее и поддержкой для автоматизации и стабильности производственного процесса.

2. Блокчейн (Blockchain).

Высокая безопасность и конфиденциальность Blockchain предоставляет широкие перспективы для решения проблем с трансграничными перевозками,

документооборотом, заключением сделок. Невозможность взлома технологии после ее запуска и прозрачность каждой транзакции для всех пользователей, делают технологию Blockchain эффективным инструментом для нефтяной промышленности. Преимуществом технологии является заключение сделок напрямую при экспорте и импорте сырья, что даёт возможность договариваться о более выгодных ценах, лучше управлять запасами и быстрее реагировать на потребительский спрос, снижать материальные и временные затраты.

3. Интеграция технологий и промышленный интернет вещей (Industrial internet of things – IIoT).

Подключение к интернету всех задействованных в производственном процессе устройств, оборудования, датчиков, сенсоров и создание единой цифровой экосистемы, которая объединяет все этапы производства — от геологоразведки до реализации продукции. Например, к единой цифровой платформе для нефтесервисных компаний, разработанной ПАО «Газпром нефть» подключено более 250 контрагентов и 10 добывающих обществ, благодаря чему улучшились взаимодействие и скорость принятия решений.

Синергия комбинации технологий Blockchain и IIoT открывает дополнительные перспективы: интеллектуальный транспорт, интеллектуальная сеть, Индустрия 4.0. Эти технологии обеспечивают повышенную безопасность и конфиденциальность обработки данных и развития бизнеса.

4. Большие данные (Big Data) и аналитика.

Использование больших данных для анализа производственных процессов, оценки предполагаемых результатов и принятия решений в целях оптимизации добычи, предотвращения ошибок и составления прогнозов [3].

5. Автоматизация процессов.

Внедрение систем автоматического управления и телеметрии для дистанционного контроля за производственными процессами позволяет повысить безопасность и снизить затраты на управление. Особенно это актуально при освоении месторождений в суровых климатических условиях.

6. Нейротехнологии, искусственный интеллект (artificial intelligence), машинное обучение (Machine Learning).

Применение искусственного интеллекта для анализа геологических данных, предсказания успешности бурения и оптимизации производственных процессов. Это направление активно развивается в крупных компаниях, таких как «Газпром нефть» и «Роснефть».

7. Роботизация и беспилотные технологии.

Использование дронов и роботизированных систем для мониторинга месторождений, бурения и обслуживания оборудования позволяет сократить время простоя и повысить безопасность работ.

8. Внедрение технологий 3D-моделирования.

Технологии 3D-печати в условиях санкционных ограничений способны устранить дефицит некоторых запасных частей или конструкторской документации в кратчайшие сроки.

9. Применение инновационных технологий и умных материалов (Smartmaterials).

Применение интеллектуальных датчиков для бурения, систем мониторинга с использованием компьютерного зрения. Умные материалы обладают свойствами подстраиваться к условиям изменений внешней среды, обладая при этом высокоэкологичными характеристиками. Например, пропант – материал, через который фильтрация нефти происходит в 15–20 раз лучше зарубежных аналогов.

Среди российских компаний лидерами в области цифровизации нефтедобычи стали ПАО «Газпром нефть», ПАО «Нефтяная компания «Роснефть»», «Лукойл», ПАО «СИБУР Холдинг», ПАО «НОВАТЭК».

Цифровизация в нефтедобывающем комплексе приносит множество преимуществ:

- снижение эксплуатационных расходов на 12–20% и сокращение незапланированных простоев на 15–25%, снижение потребности в ручном труде;
- повышение безопасности за счет работы интеллектуальных систем мониторинга и предупреждения о возможных авариях;
- оптимизация объемов добычи;
- увеличение эффективности при использовании цифровых технологий может достигать 47%, что значительно выше, чем при традиционных методах (29%) и с применением локальной автоматизации (38%);
- улучшение качества и скорости принятия решений за счет быстрой обработки больших объемов данных, снижение риска ошибок;
- технологии блокчейн обеспечивают безопасность данных, интеграция Интернета вещей, датчиков и дронов применяется с целью мониторинга состояния оборудования и окружающей среды;
- возможность быстрее адаптироваться к изменениям на рынке и требованиям к экологической устойчивости, более эффективное управление ресурсами в условиях волатильности цен.

Однако нельзя не отметить и некоторые барьеры, с которыми сталкиваются предприятия нефтедобывающей отрасли [5].

1. Недостаточное финансирование. По оценке экспертов Vygon Consulting, российской нефтяной отрасли для реализации потенциала цифрового развития за 2018-2035 гг. необходимо внедрить инвестиции на 24 трлн. руб. в реальном выражении [6, с.39].

2. Кадровые проблемы. Дефицит квалифицированных специалистов в области информационных технологий и цифровых навыков с необходимыми компетенциями затрудняет внедрение и эффективное использование цифровых решений.

3. Санкции вызывают необходимость создавать отечественные решения, которые либо уступают зарубежным по функциональности, либо возникают сложности с интеграцией новых технологий в уже существующие системы.

Кроме того, разработка собственных альтернатив требует значительных временных и финансовых затрат.

4. Разрозненность информационных систем. Пока только часть нефтедобывающих компаний имеет современные платформы, у большинства по-прежнему работают устаревшие и разрозненные ИТ-системы. Это усложняет внедрение новых решений и интеграцию данных.

5. Нормативно-правовые ограничения, недостаток четкого регулирования и стандартов в области цифровизации, сложности в сфере защиты интеллектуальной собственности и сертификации технологий.

6. Проблемы кибербезопасности.

Список литературы

1. Институт проблем нефти и газа Российской академии наук – Режим доступа: <https://www.ipng.ru/> (дата обращения: 20.02.2025).

2. Дилман А., Демичева Т.Н. Влияние нефтяного сектора на экономическое развитие и экономический рост регионов – экспортеров нефти // VI Международная научно-практическая конференция «Социально-экономические предпосылки и результаты развития новых технологий в современной экономике» 14 февраля 2024 года. – Нижний Новгород. – 2024. – С.3-8.

3. Галушко М.В., Дедеева С.А., Иневатова О.А. Цифровые инновационные решения, как основной инструмент повышения конкурентного преимущества предприятий нефтегазовой отрасли // Экономические науки. – 2023. – №1 (218). – С.190—197.

4. Полушкина И.Н. Возможности и проблемы применения технологий BIG DATA// VI Международная научно-практическая конференция «Социально-экономические предпосылки и результаты развития новых технологий в современной экономике» 14 февраля 2024 года. – Нижний Новгород. – 2024. – С. 143-148.

5. Низамутдинов Р. Перспективы нефтяной отрасли и роль цифровизации в её развитии // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2022. – № 5 (167). – С.18-25.

6. Козлова Д., Пигарев Д. Цифровая добыча нефти: тюнинг для отрасли – Режим доступа: https://vygon.consulting/upload/iblock/d11/vygon_consulting_digital_upstream.pdf (дата обращения: 20.02.2025).

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВАЛОВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОДУКТА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Исследование посвящено моделированию ВРП Нижегородской области на основе данных за 2000-2022 гг. Для достижения этой цели был выделен кластер регионов, схожих с Нижегородской областью по ряду показателей и тенденциям развития; построены модели Кобба-Дугласа, оцененные с помощью взвешенного МНК. Исследование показало существенное влияние на ВРП региона факторов спроса, предложения, макроэкономических условий, отдельных инструментов фискальной и монетарной политики.

Ключевые слова. Регион, валовой региональный продукт, кластеры, эконометрическое моделирование, функция Кобба-Дугласа.

M.Yu. Malkina,

*Doctor of economic Sciences, Professor,
The Department of Economic Theory and Methodology,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*

MODELING THE GROSS REGIONAL PRODUCT OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION

Abstract. The study is devoted to modelling the GRP of the Nizhny Novgorod region based on data for 2000-2022. To achieve this goal, we identified a cluster of regions similar to the Nizhny Novgorod region in a number of indicators and development trends; constructed the Cobb-Douglas models estimated by weighted OLS. The study showed a significant impact on the region's GRP of supply and demand factors, macroeconomic conditions, and some tools of fiscal and monetary policy.

Keywords. Region, gross regional product, clusters, econometric modelling, Cobb-Douglas function.

В настоящее время экономики большинства российских регионов развиваются под влиянием периодических внешних и внутренних шоков [1, 2]. В условиях перманентной нестабильности моделирование экономики региона, в частности, ее базового показателя – валового регионального продукта (ВРП), приобретает особую актуальность [3, 4, 5]. Оно позволяет установить чувствительность регионального развития к факторам спроса и предложения, макроэкономическим и институциональным условиям, определить внутренние резервы роста.

Целью настоящего исследования является моделирование валового регионального продукта Нижегородской области на основе объединенных временных рядов и пространственной выборки по регионам одного с Нижегородской областью кластера.

Для достижения этой цели решаются следующие задачи: 1) устанавливаются показатели, которые могут объяснять изменение ВРП Нижегородской области, и лаги их влияния; 2) с помощью метода k-средних выявляется кластер регионов, схожих с Нижегородской областью по ВРП на душу населения, отраслевой структуре экономики и трендам развития; 3) на основе панельных данных осуществляется моделирование ВРП региона и устанавливается характер и степень влияния на него факторов предложения, спроса, макроэкономических условий и отдельных инструментов фискальной и монетарной политики.

В анализе использовались официальные данные Росстата, Федерального казначейства, Федеральной налоговой службы РФ за 2000-2022 годы в разрезе субъектов Российской Федерации. Показатели, отобранные для моделирования, представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Показатели для моделирования региональной экономики и их обозначения

Показатель	Лag	Обозначение	Показатель	Лag	Обозначение
Валовой региональный продукт (млн руб.)	0	<i>GDP</i>	Цена нефти марки Brent (\$ за баррель)	0	<i>Brent</i>
Инвестиции в основной капитал (млн руб.)	0, 1	<i>Invest</i>	Среднегодовая ключевая ставка Банка России (%)	0, 1	<i>Rate</i>
Стоимость основных фондов на конец года (млн руб.)	0, 1	<i>Assets</i>	Курс доллара США к российскому рублю (руб./ \$)	0	<i>USD</i>
Среднегодовая численность занятых (тыс. чел.)	0	<i>Employ</i>	Среднедушевые денежные доходы населения в месяц (руб.)	1	<i>Income_pc</i>
Собственные (налоговые и неналоговые) доходы консолидированного бюджета субъекта РФ (млн руб.)	1	<i>Own_rev</i>	Расходы консолидированного бюджета субъекта РФ на национальную экономику (млн руб.)	1	<i>NE_exp</i>
Безвозмездные поступления в консолидированный бюджет субъекта РФ от других уровней бюджетной системы (млн руб.)	0,1	<i>Transfers</i>	Расходы консолидированного бюджета субъекта РФ на социальную сферу (млн руб.)	1	<i>Soc_exp</i>

Поскольку количество наблюдений по каждому региону невелико (временные ряды длительностью 23 года), было принято решение использовать панельные выборки, в которые включить регионы, аналогичные Нижегородской области по ряду критериев. В качестве критериев отбора

использовались ВРП на душу населения, отраслевая структура экономики, средние корреляции временных рядов основных показателей.

Кластеризация с помощью метода k-средних определила включение в один кластер с Нижегородской областью следующих 15 регионов (перечислены в порядке близости к ней по евклидову расстоянию): Новосибирская область; Ярославская область; Архангельская область (без автономного округа); Челябинская область; Владимирская область; Тульская область; Ростовская область; Калининградская область; Тверская область; Калужская область; Новгородская область; Республика Башкортостан; Костромская область; Рязанская область; Чувашская Республика. Следует отметить, что в сформированный кластер попали достаточно развитые промышленные регионы с диверсифицированной структурой экономики.

В основу моделирования ВРП региона (на панельных данных кластера) была положена функция Кобба-Дугласа, которая путем логарифмирования преобразована в линейный вид:

$$\ln GDP_{it} = a_0 + \sum_{k=1}^K \alpha_k \cdot \sum_{i=1}^n \sum_{t=1}^T \ln X_{kit} + \varepsilon_{it},$$

где k – номер показателя ($k = 1, \dots, K$), i – номер региона ($i = 1, \dots, n$); t – номер периода ($t = 1, \dots, T$), X_{kit} – значение объясняющего k -того показателя в i -том регионе в t -том периоде.

Предварительное моделирование с помощью традиционного МНК показало наличие проблемы гетероскедастичности в остатках. Для решения этой проблемы было решено использовать взвешенный МНК, в качестве веса использовать стоимость основных фондов текущего периода.

Результаты исследования и их анализ. В таблице 2 приведены результаты эконометрического моделирования ВРП Нижегородского кластера. Представленные в таблице 2 две альтернативные модели значимы по критерию Фишера, а оценки их регрессоров значимы по критерию Стьюдента. Кроме того, регрессоры объясняют 99,4% вариации зависимой переменной (логарифма ВРП). Остатки моделей подчинены закону нормального распределения. Согласно информационным критериям Акаике, Шварца и Ханнана-Куина, вторая модель по объяснительной силе несколько лучше первой, хотя различия незначительны.

Поскольку все переменные моделей представлены в логарифмической форме, оценки коэффициентов интерпретируются как эластичности ВРП по соответствующему фактору.

ВРП регионов, входящих в Нижегородский кластер, в текущем периоде находятся в существенной прямой зависимости от наличия производственных ресурсов и их динамики: стоимости основных фондов в прошлом периоде ($\ln Assets_{t-1}$), уровня инвестиций ($\ln Invest_t$) и занятости ($\ln Employ_t$) в текущем периоде. Важную роль в развитии региона также играет наличие и доступность финансовых ресурсов. Согласно построенным моделям, уровень среднегодовой ставки Банка России ($\ln Rate_t$) оказывает существенное отрицательное влияние на ВРП региона в текущем периоде.

Таблица 2.

Моделирование ВРП региона с использованием взвешенного МНК
(зависимая переменная $\ln GDP_t$, вес $\ln Assets_t$, $N = 352$,
робастные стандартные ошибки)

Объясняющие переменные (регрессоры)	Модель 1		Модель 2	
	Оценка коэффициента (стандартная ошибка)	p-value (значимость)	Оценка коэффициента (стандартная ошибка)	p-value (значимость)
<i>const</i>	-0,566 (0,221)	0,0110 **	-1.008 (0.244)	<0.0001***
$\ln Brent_t$	0,143 (0,020)	<0,0001 ***	0.161 (0.020)	<0.0001 ***
$\ln Rate_t$	-0,062 (0,023)	0,0068 ***	-0.069 (0.023)	0.0031 ***
$\ln Invest_t$	0,157 (0,019)	<0,0001 ***	0.137 (0.019)	<0.0001 ***
$\ln Assets_{t-1}$	0,096 (0,018)	<0,0001 ***	0.107 (0.018)	<0.0001 ***
$\ln Employ_t$	0,454 (0,031)	<0,0001 ***	0.513 (0.033)	<0.0001***
$\ln Own_rev_{t-1}$	0,341 (0,038)	<0,0001 ***	0.427 (0.040)	<0.0001 ***
$\ln Income_pc_{t-1}$	0,187 (0,034)	<0,0001 ***	0.245 (0.036)	<0.0001 ***
$\ln USD_t$	0,449 (0,033)	<0,0001 ***	0.460 (0.032)	<0.0001 ***
$\ln Transfers_{t-1}$	-0,029 (0,012)	0,0202 **	-	-
$\ln Soc_exp_{t-1}$			-0.165 (0.038)	<0.0001***
<i>R-квадрат</i>	0,994		0,994	
<i>F(9, 342)</i>	7980,8	0,00000 ***	7724.6	0,00000 ***
<i>Хи-квадрат (2)</i>	1,244	0,53685	0.374	0.829
<i>Критерий Акаике</i>	164,02		155.3	
<i>Критерий Шварца</i>	202,66		193.9	
<i>Критерий Хананна-Куина</i>	179,40		170.6	

Модели показали, что ВРП региона также зависит от доходов и расходов консолидированного бюджета субъекта РФ. Собственные (налоговые и неналоговые) доходы консолидированного бюджета в прошлом периоде ($\ln Own_rev_{t-1}$) положительно влияют на выпуск в текущем периоде. Однако, согласно модели 1, трансферты, полученные из федерального бюджета в прошлом году ($\ln Transfers_{t-1}$), скорее дают отрицательный эффект для регионального ВРП. Это может объясняться как структурой трансфертов (на непроизводительные социальные цели либо обеспечение сбалансированности бюджета), так и низкой эффективностью их использования.

Очевидно, рост экономики региона зависит не только от структуры доходов регионального бюджета, но и от структуры расходов. Как показала модель 2, социальные расходы в консолидированном бюджете субъекта РФ в прошлом периоде оказывают отрицательное влияние на текущий ВРП. В то же время модели продемонстрировали положительное влияние потребительского спроса, зависящего от среднедушевых доходов в прошлом периоде ($\ln Income_{pc_{t-1}}$), на динамику регионального производства.

Положительное влияние курса доллара на ВРП региона можно интерпретировать как вклад ценовой составляющей, поскольку ВРП в моделях представлен в номинальном выражении. Кроме того, девальвация национальной валюты снижает стоимость отечественных товаров и повышает их конкурентоспособность, что может приводить к импортозамещению на внутренних рынках и более эффективному продвижению отечественных товаров на внешние рынки.

Положительное влияние цены на нефть на ВРП регионов, среди которых нет субъектов с ярко выраженной добывающей ориентацией, подтверждает существенную зависимость российской экономики в целом от конъюнктуры на мировых рынках энергоносителей, в первую очередь, на рынках сырой нефти, и от их доступности для России.

Таким образом, проведенное исследование доказало зависимость регионального производства от факторов предложения и спроса, а также от общих макроэкономических и институциональных условий функционирования региональных экономик (в частности, инструментов фискальной и монетарной политики).

Список литературы

1. *Малкина М.Ю.* Промышленность российских регионов в условиях новых антироссийских санкций // *Пространственная экономика*. – 2024. – Т. 20. – № 3. – С. 39-66.
2. *Малкина М.Ю.* Стресс реального сектора российских регионов в условиях пандемии и санкций // *Экономика региона*. – 2024. – Т. 20. – № 1. – С. 16-32.
3. *Дубовик М.В., Дмитриев С.Г., Обидовская Н.Н.* Регрессионная модель валового регионального продукта Брянского региона и выпуска отраслей региональной экономики // *КАНТ*. – 2022. – Т. 42. – № 1. – С. 27-33.
4. *Кузнецов С.Б., Кулигин Е.В.* Интегро-дифференциальная модель оценки валового регионального продукта // *Развитие территорий*. – 2022. – № 2. – С. 15-21.
5. *Кутышкин А.В.* Моделирование динамики валового регионального продукта // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника»*. – 2021. – Т. 21. – № 2. – С. 104-113.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЖЕНСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ЧАСТЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. Статья посвящена развитию женского предпринимательства в Республике Беларусь. Акцент сделан на деятельности общественных объединений в развитии женского предпринимательства.

Ключевые слова. Малое и среднее предпринимательство, женское предпринимательство, развитие, общественное объединение.

I.V. Malgina,

*Candidate of economic Sciences, Associate Professor,
The Department of State Economic Policy,
Civil Service Institute,
Academy of Public Administration
under the President of the Republic of Belarus*

PUBLIC ASSOCIATIONS OF WOMEN'S ENTREPRENEURSHIP AS A PART OF CIVIL SOCIETY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. The article is devoted to the development of women's entrepreneurship in the Republic of Belarus. The emphasis is on the activities of public associations in the development of women's entrepreneurship.

Keywords. Small and medium entrepreneurship, women's entrepreneurship, development, bank.

Женское предпринимательство является неотъемлемой частью малого и среднего предпринимательства (далее – МСП). Согласно зарубежным исследованиям, показатели активности женщин-стартапов выросли со среднего значения 6,1% в период 2001-2005 гг. до 10,4% в период 2021-2023 гг. Показатели владения женщинами существующим бизнесом выросли с 4,2% до нынешних 5,9%. Высокие показатели были характерны для женщин в Южной Корее и др. странах.

Наибольшую популярность в современных условиях приобрел процесс построения экосистемы женского предпринимательства. Для этого, например, в 2021 г. создана платформа «Women's Entrepreneurship EXPO», представляющая собой онлайн-пространство, созданное для содействия экономической безопасности женщин, расширению прав и возможностей, развитию предпринимательства и включению бизнеса в период реагирования и восстановления после COVID-19. Как указывается в аннотации платформы она «обеспечит видимость и возможности развития бизнеса для женщин и будет

способствовать созданию инклюзивных рынков. Она также будет стремиться создавать и расширять инклюзивные цепочки создания стоимости, которые также могут приносить большую прибыль женщинам-предпринимателям» [1].

Рассматривая общественные объединения женского предпринимательства в развитии гражданского общества, необходимо отметить, что в Республике Беларусь принят Закон № 250-З от 14 февраля 2023 г. «Об основах гражданского общества», которым определено, что «гражданское общество – граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь, выражающие свою гражданскую позицию посредством участия в общественных отношениях и институтах, не запрещенных законодательством» [2].

В то же время Министерством юстиции Республики Беларусь 22.05.2023 г. «принято решение об отнесении к субъектам гражданского общества, имеющим право на взаимодействие с государственными органами (организациями) в особых формах, следующих общественных объединений и объединения профсоюзов:

- Республиканское общественное объединение «Белая Русь»;
- Белорусское общественное объединение ветеранов;
- Общественное объединение «Белорусский республиканский союз молодежи»;
- Общественное объединение «Белорусский союз женщин»;
- Федерация профсоюзов Беларуси» [3].

Проведенный анализ показал, что в Республике Беларусь нет отдельного законодательного определения женского предпринимательства, однако оно получило активное развитие в последние годы. И если ранее женщины были представлены в различных союзах и ассоциациях предпринимателей практически без выделения секций «женское предпринимательство», то сейчас женское предпринимательство выделилось в отдельную организацию - Бизнес-крыло ОО «Белорусский союз женщин». Само ОО «Белорусский союз женщин» занимается развитием и поддержкой женщин, их реализацией в жизни и профессиональной деятельности. Членство в общественном объединении добровольное. На сегодня оно объединяет представительниц таких организаций, как ОАО «АСБ Беларусбанк», ОАО «Белинвестбанк», Генеральная прокуратура Республики Беларусь, МЧС Республики Беларусь, МВД Республики Беларусь и многих других.

В свою очередь Бизнес-крыло объединяет именно женщин-предпринимательниц. Его миссией, в частности, является активное сотрудничество женщин-предпринимателей с органами государственной власти, общественными организациями, политическими партиями, выступающими за демократические преобразования в стране и активно участвующими в построении социального правового государства, участие женщин-предпринимателей в государственном управлении и экономике; продвижение женщин-предпринимателей на уровень принятия решений, внедрение и реализация принципов гендерного равенства в жизни белорусского

общества; организация и участие в обучении и повышении квалификации женщин-предпринимателей по актуальным вопросам предпринимательской деятельности, оказания им правовой и информационной поддержки в коммерческой деятельности» [4].

Необходимо отметить, что Бизнес-крыло активно развивается. Знаковым событием стало проведение в сентябре 2023 г. Белорусско-Российской бизнес-конференции «Женский бизнес. Международная интеграция. Инновационное развитие» в г. Минске. На конференции обсуждались различные вопросы, в которых женщины-предпринимательницы двух стран могут взаимодействовать на основе функционирования международной биржи субконтрактации, основными темами которой стали промышленность, медицина, логистика и многое другое.

На сегодняшний день бизнес-крыло проводит конкурс «БизнесМАМА» совместно с Министерством экономики Республики Беларусь. Отмечается, что цель конкурса – «популяризация предпринимательской деятельности белорусок, поддержка проектов, направленных на развитие женского бизнеса, содействие формированию у женщин необходимых компетенций и знаний для организации собственного дела» [5].

В связи с вышеизложенным можно констатировать, что женское предпринимательство Беларуси получило хороший импульс развития благодаря деятельности Бизнес-крыла ОО «Белорусский союз женщин». В целом данный процесс соответствует мировым тенденциям поддержки женщин-предпринимательниц в различных странах мира.

Список литературы

1. The Women's Entrepreneurship Expo Concept – Режим доступа: <https://eca.unwomen.org/en/what-we-do/economic-empowerment/regional-womens-entrepreneurship-expo/the-womens-entrepreneurship-expo-concept#:~:text=The%20Expo%20is%20an%20online,contribute%20to%20creating%20inclusive%20marketplaces> (дата обращения: 18.05.2025).
2. Об основах гражданского общества: Закон от 14 февраля 2023 г. № 250-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100292> (дата обращения: 18.05.2025).
3. Об отнесении общественных организаций к субъектам гражданского общества // Министерство юстиции Республики Беларусь – Режим доступа: https://minjust.gov.by/press/news/politicheskie_partii_obshchestvennyye_obedineniya_i_drugie_nekommercheskie_organizatsii_ob_otnesenii_obshchestvennykh_organizatsiy_k_subektam_grazhdanskogo_obshchestva/ (дата обращения: 18.05.2025).
4. Бизнес-крыло ОО «Белорусский союз женщин» – Режим доступа: <https://www.bsg-biz.by/#rec606983787> (дата обращения: 18.05.2025).
5. Конкурс БизнесМАМА – Режим доступа: <https://economy.gov.by/ru/konburs-biznies-mama-ru/> (дата обращения: 18.05.2025).

ГЕНДЕРНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ПАРЛАМЕНТЕ И УРОВЕНЬ КОРРУПЦИИ

Аннотация. Исследуется влияние женского политического представительства на уровень коррупции в странах с различной институциональной средой. Показано, что значимый антикоррупционный эффект наблюдается преимущественно в государствах с переходными институтами. Делается вывод о контекстной обусловленности роли гендерного фактора в управлении социально-экономическим развитием.

Ключевые слова. Гендерное представительство, коррупция, институциональное развитие, парламент, управление.

K.R. Minibaev,

Graduate student,

*Department of Human Resources Management,
Kazan (Volga region) Federal University*

GENDER REPRESENTATION IN PARLIAMENT AND CORRUPTION LEVEL

Abstract. The influence of women's political representation on the level of corruption in countries with different institutional environments is studied. It is shown that a significant anti-corruption effect is observed mainly in countries with transitional institutions. A conclusion is made about the contextual determinacy of the role of the gender factor in managing socio-economic development.

Keywords. Gender representation, corruption, institutional development, parliament, governance.

Связь между представленностью женщин в парламентах и уровнем коррупции остаётся предметом активных дискуссий в политических науках и международной аналитике. Уже в начале 2000-х годов появились исследования, утверждающие, что женщины в политике в среднем более ориентированы на соблюдение норм и обладают меньшей терпимостью к коррупционным практикам [1, с. 27; 2, с. 426]. Однако с тех пор подход к этой теме стал гораздо более осторожным: стало понятно, что влияние может зависеть не столько от самого пола, сколько от условий, в которых женщинам приходится действовать. Само по себе наличие женщин в парламенте не обязательно ведёт к снижению коррупции — особенно если этот парламент слаб, а институты работают формально.

Эта тема особенно актуальна сегодня. Перед государствами одновременно стоит две задачи: необходимость повышения институциональной прозрачности и запрос общества на большее политическое представительство женщин. Женское участие в парламенте всё чаще рассматривается не только как индикатор демократизации, но и как фактор повышения эффективности

государственного управления и институциональной устойчивости — ключевых условий долгосрочного социально-экономического развития. Чтобы приблизиться к ответу, важно смотреть не только на общее количество женщин в органах власти, но и на контекст, в котором это представительство формируется и реализуется.

В этом исследовании была предпринята попытка эмпирически оценить, насколько устойчиво влияние женского представительства на уровень коррупции в странах с разной институциональной структурой. Для анализа группа из 161 страны была разделена на три кластера (см. Рис 1*) - с низким, средним и высоким уровнем PARL (средней доли женщин в парламентах за 2018–2022 годы). Внутри каждого кластера строились две регрессионные модели: сначала простая модель зависимости индекса коррупции от PARL, затем расширенная, с добавлением контрольных переменных (логарифма ВВП на душу населения, коэффициента возрастной зависимости и индекса Voice and Accountability).

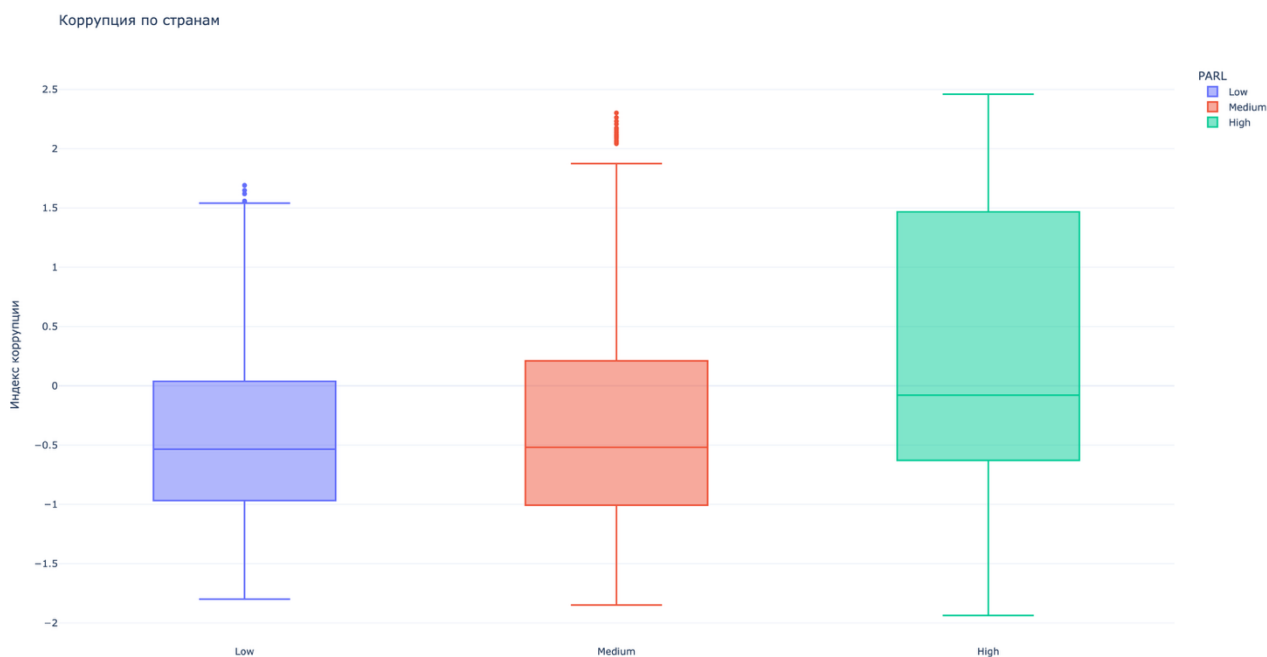

Рисунок 1 Коррупция по кластерам стран*

Результаты оказались не столь однозначными, как можно было бы ожидать. В странах с низким уровнем PARL взаимосвязь между представленностью женщин и уровнем коррупции не наблюдается вовсе. Статистически значимого эффекта в этих моделях не выявлено, даже при либеральных уровнях значимости. Это позволяет предположить, что в таких странах PARL пока не работает как реальный механизм изменений. Причины могут быть разными — от ограниченности полномочий парламента до

* составлено автором на основе проведенного исследования

символического характера женского участия в политике. Женщины здесь присутствуют в институтах власти, но не меняют логику их функционирования.

Совершенно иначе выглядит ситуация в странах со средним уровнем PARL. Здесь связь между ростом женского представительства и снижением коррупции оказывается не только чёткой, но и статистически значимой ($p < 0.01$) — причём как в простой модели, так и после добавления контрольных переменных. Это может свидетельствовать о том, что женское участие в политике становится особенно важным именно в период институционального становления. Когда в стране начинаются политические изменения, вовлечение разных групп, включая женщин, может помочь сделать власть более открытой и подконтрольной обществу.

Одно из возможных объяснений такого эффекта — то, что женщины на этом этапе политического развития попадают в парламент не по квотам и не как часть элитного воспроизводства, а в результате давления снизу: со стороны избирателей, гражданского общества, СМИ. То есть их присутствие может быть связано с общим реформаторским настроем. Более того, женщины в таких условиях могут демонстрировать иную мотивацию: ориентацию на результат, соблюдение процедур, стремление к институциональному доверию — черты, которые особенно важны в фазе перехода от неформальных практик к более формализованному управлению.

В странах с высоким уровнем PARL наблюдается обратный эффект: после добавления контрольных переменных влияние PARL исчезает. Здесь основное влияние на уровень коррупции начинают оказывать именно институциональные характеристики. Это может означать, что в зрелых демократиях главную роль играют уже не структурные показатели, а системные свойства — прозрачность, свобода выражения, независимость СМИ. Женщины в этих странах, скорее всего, уже являются частью стабильной политической культуры, и само их участие в парламенте не оказывает дополнительного «очищающего» эффекта. Можно сказать, что они уже встроены в систему, а не являются инструментом её изменения.

Смысловая логика этих результатов подсказывает, что влияние PARL на коррупцию нельзя считать универсальным. Оно работает как своего рода индикатор переходного процесса: там, где реформы ещё идут, эффект особенно силён. Но когда институты ещё не сформированы — или уже полностью устоялись — эта переменная перестаёт быть значимой. Таким образом, женское участие в политике может играть особую роль именно в странах «в промежутке» между автократией и зрелой демократией.

Конечно, данный анализ имеет свои ограничения. Он опирается на агрегированные данные, и не учитывает специфику парламентских систем, партийных коалиций, реальных полномочий депутатов. Мы не знаем, занимают ли женщины ключевые посты, входят ли в бюджетные комитеты, или же выполняют формальные функции. Кроме того, такой подход не даёт понять, насколько представленность женщин сопровождается содержательными изменениями в повестке.

Тем не менее, даже в этих условиях мы можем утверждать, что роль женщин в политике не сводится к символическому участию. Во многих случаях это участие сопровождается реальными институциональными изменениями — особенно там, где система ещё не заостенела, но уже открыта для реформ. Таким образом, участие женщин в политике — это не только вопрос равенства, но и важная часть эффективного управления, которое помогает снижать потери в системе и поддерживать устойчивое развитие.

Говоря о участии женщин в политике и влиянии их на институциональные изменения, следует отметить, что ряд исследователей утверждают, что теневая экономика создает препятствия для эффективного развития человеческого капитала [3]. При этом, «одной из базовых потребностей человека является потребность в безопасности. Коррупция воспринимается человеком как угроза его безопасности и, следовательно, снижает качество жизни населения» [4, с.37]. Мы разделяем мнение коллег, что «качество жизни людей определяется двумя основными факторами: во-первых, теми условиями, которые создало государство для реализации возможностей человека; во-вторых, готовностью и способностью самих индивидов использовать эти возможности» [5, с.8]. Женщины более активны в своей готовности и способности использовать возможности, которые создает государство для реализации возможностей человека. Поэтому их роль в политике сложно переоценить.

Будущие исследования могли бы пойти в нескольких направлениях. Во-первых, важно посмотреть на динамику изменений — влияет ли рост PARL со временем на уровень коррупции, и есть ли эффект запаздывания. Во-вторых, полезно исследовать взаимодействие факторов — возможно, PARL начинает «работать» только при определённом уровне гражданских свобод или независимости судов. В-третьих, крайне важен качественный анализ: кто эти женщины, чем они занимаются, какие законы иницируют, и в какой степени участвуют в принятии решений. Иначе говоря, нужна не только количественная, но и содержательная картина политического участия.

Если рассматривать гендерную инклюзивность как один из элементов демократического устройства, то её вклад в снижение коррупции не должен восприниматься как автоматический. Но он вполне может быть реальным — особенно в тех случаях, когда женщины приходят в политику вместе с изменением самих правил игры. Возможно, именно в этом заключается их особая роль.

Список литературы

1. Swamy A. et al. Gender and corruption //Journal of development economics. – 2001. – Т. 64. – №. 1. – С. 25-55.
2. Dollar D., Fisman R., Gatti R. Are women really the “fairer” sex? Corruption and women in government //Journal of Economic Behavior & Organization. – 2001. – Т. 46. – №. 4. – С. 423-429.

3. Shadow economy in Russia / E. V. Fakhrutdinova, J. S. Kolesnikova, R. M. Fakhrutdinov, R. H. Yagudin // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Vol. 6, No. 1 S3. – P. 67-72. – DOI 10.5901/mjss.2015.v6n1s3p67. – EDN VAODJH.
4. *Фахрутдинова Е.В., Васильев А.К.* Проблемы коррупции в Республике Татарстан // Экономические науки. – 2012. – № 97. – С. 7-10. – EDN OFVTYQ.
5. *Фахрутдинова Е.В., Редько О.А.* Развитие человеческого капитала как инструмент противодействия коррупции // Вопросы экономики и права. – 2015. – № 87. – С. 36-38. – EDN VRBZAF.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОВЫШЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Ключевым фактором роста производительности труда как в XX в., так и в XXI веке считаются новые технологии. Теоретические концепции о значении инноваций в развитии общественного производства получили убедительное доказательство на практике. Однако реальная эффективность инновационных технологий достигается только в условиях ее качественного обслуживания. В настоящее время должный уровень управления новыми технологиями обеспечивается специалистами, обладающими новыми знаниями, новыми профессиональными компетенциями. Развитие человеческого капитала во время технической революции, все признаки которой наблюдаются в настоящее время, представляет собой сложный процесс, системную организацию которого необходимо сформировать в ближайшее время. Решению этой проблемы посвящена данная статья.

Ключевые слова. Кадровый голод, производительность труда, гибридные технологии, стратегии управления человеческими ресурсами.

F.B. Mikhailov,

*Candidate of economic Sciences, associate Professor,
Department of Human Resource Management
Kazan (Volga region) Federal University*

D.A. Miasnikov,

*Candidate of economic Sciences, associate Professor,
Department of Human Resource Management
Kazan (Volga region) Federal University*

Abstract. New technologies have been identified as a significant contributor to labor productivity growth in both the 20th and 21st centuries. Theoretical frameworks that emphasize the significance of innovation for social production development have been supported by empirical evidence. However, actual implementation of innovative technologies has only been effective when accompanied by high-quality services. Currently, appropriate management of new technologies requires specialists with advanced knowledge and skills. The development of human capital in the context of the technological revolution, which is currently underway, is a complex process that needs to be systemically organized in the near future. This paper aims to address this challenge.

Keywords. Human resource hunger, labor productivity, hybrid technologies, human resource management strategies.

Постановка вопроса о существенном повышении роста производительности труда на отечественных предприятиях имеет свою давнюю

историю. Как известно, решение этой проблемы рассматривалось в качестве базового условия развития страны на протяжении всех советских пятилеток. В дальнейшем эта проблема не потеряла своей актуальности.

В настоящее время разработан федеральный проект, который пересматривает подход к проблеме повышения производительности труда в России [1]. Приоритеты финансирования смещаются с локальных предприятий на отраслевой уровень. Таким образом, речь идет о формировании экосистемы, позволяющей вывести эффективность производства на качественно иной уровень, т.е. к 2030 году производительность труда должна вырасти на 21 %. Напомним, что за период 2012 -2018 гг. производительность выросла на 7,8%, а за 2019-2024 гг. еще на 8,2%. Добавим, что на реализацию этого проекта правительство выделяет более 30 млрд. рублей [2]. Думается, что в данном случае речь идет о внедрении инновационных технологий, предполагающих качественное обновление производства, замещающего существующие, традиционные подходы в производстве.

Дело в том, что в силу сложившихся обстоятельств экзогенного характера произошло резкое подорожание производственной техники. Организации были вынуждены выстраивать гибридные технологии, в которых инновационная техника тем или иным образом совмещалась с традиционной, которая в значительной степени лимитировала эффективность производства. Эти, так называемые гибридные, технологии представляли собой уникальные технические системы, которые в силу своей уникальности создавали большие сложности в их обслуживании. Так, интеграция техники различных поколений вызывала необходимость привлечения специалистов разных профессий, как традиционных, так и авангардных, что само по себе было сложной задачей, в том числе и особенно в современный период, характеризующийся ситуацией «кадрового голода». Так, например, службе управление персоналом приходилось искать специалистов как традиционных профессий (токарей, фрезеровщиков, строгальщиков и другие), так и специалистов современных профессий (аналитик, системный инженер, специалист по робототехнике и другие). Взаимодействие этих работников в рамках единого производства требовало новых организационных подходов в плане их кооперации [3].

В настоящее время в мире ежегодно возникает около 500 новых профессий. Это является следствием фронтального технологического обновления производства. Внедрение инновационных технологий требует специалистов, владеющих новыми знаниями, а потому способных обеспечить эффективное обслуживание новой техники. В период радикального изменения технологий производства, характерного для начала подъема каждой из длинных волн Н.Д. Кондратьева, в том числе и для шестой волны, возникновение которой датируется 2018-2020 гг., тенденция обновления профессиональной структуры персонала только усиливается [4]. Компенсация дефицита новых знаний путем привлечения персонала высокой квалификации по традиционным профессиям не дает устойчивых результатов в освоении новой техники [5]. По этой причине Минэкономики предложило в новом проекте создать сеть –

инфраструктуру региональных центров компетенций (РЦК), которые в числе прочих задач должны будут проводить производственный консалтинг и разрабатывать программы по повышению производительности труда. При этом, в фокусе федерального проекта (федеральный центр компетенций (ФЦК)) должны остаться сектора с высокой занятостью и низкой производительностью труда (строительство, туризм, образование, сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность). Важно отметить, что на практике инвестиции в развитие человеческого капитала чаще всего связывают с повышением квалификации рабочих и специалистов [6]. Между тем, современная производственная ситуация требует изменения сложившихся приоритетов в пользу переквалификации производственного персонала. Так, например, в Республике Татарстан на период 2026-2032 годов перечень востребованных профессий и специальностей, соответствующих приоритетным направлениям развития, расширен до 789 профессий [7]. Разумеется, образование новых профессиональных кластеров не лишено определенных парадоксов. Практика показывает, что внедрение искусственного интеллекта в сферу современного управления ведет к заметному сокращению спроса на IT-специалистов. При этом, существенно увеличивается потребность в специалистах по кибербезопасности, которые занимаются исследованием в области защиты компьютерных систем и сетей от различных угроз, в том числе поиском уязвимостей этих систем. Нехватка специалистов по информационной безопасности, по мнению экспертов, становится ключевым ограничением для развития отрасли в целом [8].

Внедрение современных технологий, возникновение новых отраслей, профессий и рабочих мест не обеспечиваются нужным количеством квалифицированных кадров, дефицит которых, по экспертным прогнозам, к концу 2030 года составит около 3 млн. человек, что может привести к потерям в российской экономике, измеряемым сотнями миллиардов рублей недополученной прибыли. При всей важности и своевременности образования федеральных и региональных центров компетенций, думается, что предприятия должны формировать и свои стратегии профессиональной подготовки рабочих и специалистов вследствие внедрения уникальных технических систем. Особое значение для организаций приобретает создание корпоративных университетов. Напомним, что корпоративные университеты (КУ) – это образовательные подразделения организаций, созданные для обучения новым знаниям, необходимым для реализации стратегических целей компании. В настоящее время КУ чаще всего являются структурными подразделениями компаний, которые могут функционировать либо в рамках HR-системы, либо в качестве самостоятельного подразделения, как например Академия «Росатома». В программах этой Академии участвует более 75000 сотрудников отрасли от молодых специалистов до руководителей высшего звена, а также зарубежных специалистов, осваивающих новые технологии атомных станций, строящихся «Росатомом» за рубежом [9]. Успехи предприятия свидетельствуют об

эффективности данной структуры и возможности успешного тиражирования ее опыта в других отраслях экономики.

Благодарность. Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

Список литературы

1. Паспорт национального проекта (программы) «Производительность труда и поддержка занятости» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 N 16). – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/Ki3g5TzKdmVyX2ogBvNTIxH3BQ6YFADA.pdf> (дата обращения: 10.02.2025).
2. *Галиева Д.* Производительность в масштабе // Коммерсантъ. – №25 от 12.02.2025. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7497466> (дата обращения: 12.02.2025).
3. Управление персоналом в России: адаптация к настоящему. Книга 12: монография / под ред. д-ра экон. наук, проф. И.Б. Дураковой. – Москва: ИНФРА-М, 2025. – 248 с. – Режим доступа: <https://znanium.ru/catalog/product/2150868> (дата обращения: 10.02.2025).
4. *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – Москва: РГБ, 2009. – 765 с.
5. *Анисимов А.В.* Рост продукта и экономия труда как формы повышения производительности труда в современном производстве / А. В. Анисимов, А. В. Золотов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2024. – № 3(75). – С. 9-14.
6. *Фахрутдинова Е.В.* Институциональное регулирование развития человеческого капитала // Экономические науки. – 2022. – № 217. – С. 408-412.
7. Перечень востребованных профессий и специальностей, соответствующих приоритетным направлениям развития экономики Республики Татарстан, на 2026-2032 годы (Распоряжение Кабинета министров от 13.02.2025 №284-р). – Режим доступа: https://mtsz.tatarstan.ru/perechen-vostrebovannih-professiy-i.htm?pub_id=4480092 (дата обращения: 10.02.2025).
8. *Крупанин Ф.* Спрос рождает удаление // Коммерсантъ. – №19 от 04.02.2025. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7478242> (дата обращения: 10.02.2025).
9. «Профессионалы 4.0» — платформа для реализации бизнес-проектов в гибких командах. – Режим доступа: <https://professionals4-0.ru/company/academy-rosatom/> (дата обращения: 17.01.2024).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРОТИВ САМОЙ СЕБЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ КАК ФАКТОР ТОРМОЖЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу институциональных противоречий, возникающих в процессе цифровой трансформации в российской экономике. Автор выявляет типологию конфликтов между новыми формальными институтами цифровизации и сложившейся институциональной архитектурой, включая устаревшие регламенты, неформальные управленческие нормы и межуровневые коллизии. Показано, как эти противоречия приводят к институциональному мимикриванию и подрывают эффективность цифровых инициатив. Рассмотрена концепция институционально-интеграционных издержек как ключевого механизма торможения цифровых преобразований.

Ключевые слова. Цифровизация, институциональные противоречия, цифровая трансформация, институциональная мимикрия, институциональная экономика, транзакционные издержки, реформы.

S.D. Mokichev,*Candidate of economic Sciences, associate Professor,
The Department of Economics and Econometrics,
IMEF, Kazan Federal University*

WHEN DIGITALIZATION BACKFIRES: INSTITUTIONAL CONFLICTS AND DEVELOPMENTAL DEADLOCKS

Abstract. The article analyzes institutional contradictions emerging in the course of digital transformation in the Russian economy. The author develops a typology of conflicts between new formal institutions of digitalization and the existing institutional architecture, including outdated regulations, informal managerial norms, and multi-level governance discrepancies. It is demonstrated how these contradictions lead to institutional mimicry and undermine the effectiveness of digital initiatives. The paper introduces the concept of institutionally-integrated transaction costs as a key mechanism impeding digital reforms.

Keywords. Digitalization, institutional contradictions, digital transformation, institutional mimicry, institutional economics, transaction costs, reforms.

Цифровая трансформация сегодня выступает универсальным ориентиром модернизации национальных экономик, ассоциируясь с ростом производительности, эффективностью управления и инновационной активностью [1, с.54-59], [2, с.205-213]. Россия не является исключением: в последние годы в стране реализуются масштабные инициативы в этой сфере – от национальных программ и цифровых платформ до законодательных актов о данных, искусственном интеллекте и регуляторных «песочницах» [3].

Гипотеза данного исследования заключается в том, что главным препятствием цифровой трансформации в России является не дефицит

политической воли или ресурсов, а глубинная институциональная несогласованность – системное рассогласование между новыми формальными драйверами цифровизации и устоявшейся институциональной архитектурой. Эту несогласованность можно представить в виде трёх уровней охвата:

- Старые формальные институты: отраслевые регламенты, фискальное законодательство, система госзакупок;

- Глубоко укоренённые неформальные нормы: управленческая культура избегания риска, недоверие бизнеса к господдержке, практика обхода правил [4, с.145];

- Конфликтующие логики регулирования: федеральный против регионального уровней, отраслевые против межотраслевых подходов [5].

В результате возникают системные институциональные конфликты, которые не просто тормозят внедрение цифровых решений, а автоматически саботируют стратегические цели цифровизации. Возникают новые транзакционные издержки, усиливается неопределённость, а институциональные инновации подменяются адаптивным искажением — институциональным мимикрированием, когда новые правила лишь имитируются, не изменяя сущности хозяйственных процессов [6;7;8].

Такие противоречия частично осмыслены в рамках теории институциональных ловушек [9], концепции несовпадения формальных и неформальных институтов [10; 11] и теории транзакционных издержек в условиях институциональной трансформации [12]. Однако их роль как генератора самовоспроизводящегося саботажа цифровых инициатив в современной российской институциональной среде изучена явно недостаточно.

Целью исследования является выявление и типологизация институциональных противоречий, возникающих при реализации цифровых инициатив в России, также, отражение того, каким образом они трансформируются из латентных несогласованностей в активные деструктивные механизмы, подрывающие эффективность цифровой трансформации.

Типология институциональных противоречий в контексте цифровизации.

Несмотря на масштабную нормативную и политическую поддержку цифровизации в России, устойчивого качественного сдвига в большинстве отраслей достичь крайне не просто. Одной из ключевых причин этого парадокса выступают институциональные противоречия, возникающие на стыке различных слоёв институциональной среды. Эти противоречия порождают не просто сопротивление изменениям, но формируют системную институциональную проблему функциональности, которая с большой вероятностью может препятствовать достижению целей цифровой трансформации.

Современные инструменты цифровой политики – от «регуляторных песочниц» до специализированных нормативных актов [3; 13] – нередко

вступают в противоречие с действующими правовыми нормами. Эти коллизии порождают правовую неопределённость и амбивалентность требований со стороны регуляторов. Так, исследование Высшей школы экономики (2024) показало, что в большинстве случаев внедрения цифровых решений в сфере здравоохранения и образования ключевым барьером респонденты называли отсутствие юридически выверенной интеграции новых форм в действующие регламенты [14, с.38-41]. Формально прогрессивные инициативы, такие как цифровые сервисы по предоставлению госуслуг, сталкиваются с требованиями ведомственного документооборота, не всегда адаптированными к их логике. В результате создаются параллельные институциональные реальности, вынуждающие участников либо следовать «двойной отчётности», либо отказываться от участия в инновациях в цифровой сфере.

Даже при наличии современных нормативных установлений значительная часть управленческих и предпринимательских решений продолжает определяться неформальными институциональными структурами, включая нормы избегания риска, инерционные модели администрирования и стратегию «минимизации контакта» с государством. Работы Г.Б. Клейнера (2022), А.А. Аузана (2019) [8, с.25-28], [15, с.265], подчёркивают устойчивость неcodифицированных практик, которые в условиях цифровизации институциональных трансформаций могут играть ключевую роль в интерпретации новых норм. Так, при реализации ИТ-проектов с государственным участием компании зачастую сталкиваются с двойственным отношением: формально им предоставляются льготы и доступ к инфраструктуре, но неформально сохраняется подозрительность, отсутствие доверия и высокая вероятность внеплановых проверок. Таким образом, зачастую, возможна вероятность образования феномена «организационного мимикрирования» [7], когда цифровизация сводится к «витринным изменениям» – сайтам, платформам, отчётам – без реальной трансформации процессов. Под «витринными изменениями» здесь понимаются институциональные инновации, имеющие декларативный характер демонстрируя прогресс (например, в отчетности, нормативных актах или внешней коммуникации), однако, которые могут вовсе не предполагать реального изменения базовых практик [7].

Цифровизация как межотраслевая трансформация требует институциональной согласованности между уровнями власти и ведомствами. Однако в реальности наблюдается дефицит институциональной координации. Федеральные инициативы не получают поддержки на региональном уровне из-за отсутствия финансовых, кадровых и правовых ресурсов, а ведомственные стандарты – из-за различий в интерпретации базовых положений законодательства. Примером служит опыт внедрения платформ цифрового профиля гражданина: в одних регионах он интегрирован в систему социальных услуг, в других – остался пилотным. Так же по мнению Ягудиной Е.В. и Валитова Г.Ш. «в России имеется ряд барьеров, влияющих на эффект цифровизации на экономическое развитие регионов, среди которых низкий

уровень рабочей силы на руководящих позициях, что притормаживает скорость внедрения цифровых технологий, а также сложности, связанные с привлечением финансирования» [16, с.441]. Как показывает отчёт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций (Минцифры) (2024), большинство региональных цифровых проектов испытывают институциональные задержки, связанные с отсутствием единого правоприменительного подхода [17, с.1-4].

Таблица 1.

Обобщение типов противоречий и их последствия

Тип противоречия	Характер конфликта	Примеры	Последствия
Новые и старые формальные институты	Коллизии норм, правовая неопределённость	Песочницы и устаревшие нормы, госзакупки[14, с. 50]	Издержки, снижение инициатив
Формальные и неформальные институты	«Витринность», рутинность, имитация	«Цифровой фасад» в управлении, ИТ-отчётность	Мимикрия, саботаж
Горизонтальная и вертикальная несогласованность	Расхождение стратегий и интерпретаций	ЖКХ, финтех, региональные ЦУР	Фрагментация, инерция

Источник: составлено автором на основе проведенного исследования.

Институциональные противоречия цифровизации в России носят не частный, а системный характер, отражая структурную несогласованность между нормативными установками, реальными практиками и логикой управления на разных уровнях (см. табл1). Их результатом становится не просто «торможение» процессов, а формирование среды с высокими транзакционными издержками, институциональной неопределённостью и размыванием стимулов к внедрению цифровых решений.

Проведённый анализ позволил выявить и концептуализировать механизм институциональных противоречий, возникающих на пересечении новых формальных драйверов цифровизации и существующего институционального порядка в российской экономике. Эти противоречия носят не эпизодический, а устойчиво воспроизводимый характер, охватывая одновременно уровень нормативного регулирования, управленческих практик и неформальных установок ключевых акторов. Исследование показывает: рассогласование новых и устоявшихся институтов формирует особый тип издержек — институционально-интеграционных. Эти издержки проявляются в форме нормативной амбивалентности, фрагментации управленческих решений, затруднённого институционального транслирования инновационных норм и формальных стимулов в поведении экономических агентов. Также, выявлены четкие признаки формирования институционального мимикрирования, при котором акты цифровизации могут имитироваться в отчётной и формальной плоскости, однако не трансформировать базовые процессы и отношения. Это вероятно свидетельствует о переходе от стимулирования цифровизации к её

воспроизводству как больше ритуального института, утрачивающего способность к функциональному обновлению экономических систем. Вместе с тем, подтверждена гипотеза о том, что центральной проблемой становится не отсутствие политической воли или технологических ресурсов, а несогласованность институциональных слоёв – новых формальных правил, старых нормативных структур и неформальных поведенческих норм. Именно эта несогласованность становится источником институциональной неопределённости, снижает институциональную состоятельность реформ и ослабляет доверие как ключевую предпосылку цифрового взаимодействия между государством, бизнесом и обществом.

Приходя к логическому выводу, можно отметить, что институциональные противоречия можно рассматривать не только как изолированные препятствия, но как структурный феномен, воспроизводящий институциональный саботаж. Он блокирует интеграцию цифровых решений, снижает результативность государственной политики и усиливает асимметрию между формальным модернизационным дискурсом и реальными условиями функционирования экономической системы.

Для преодоления данной дисфункции требуется не только пересмотр отдельных регламентов, но и переход к стратегии институциональной синхронизации, включающей комплексную адаптацию старых институтов, устранение логических коллизий между уровнями регулирования и институционализацию механизмов доверия и обратной связи. Только при этом условии цифровая трансформация сможет перейти из, в основном, формальной фазы в фазу устойчивого институционального воспроизводства.

Список литературы

1. *Бриньольфссон Э., Макафи Э.* Вторая эпоха машин: Работа, прогресс и процветание в эпоху новейших технологий / пер. с англ. Д. Кралечкина. – М.: АСТ, 2017. – С. 54-59, 118-125
2. OECD (2019), *Going Digital: Shaping Policies, Improving Lives*, OECD Publishing, Paris – Режим доступа: <https://doi.org/10.1787/9789264312012-en/> (дата обращения: 27.02.2025).
3. Цифровая трансформация: формирование политики для улучшения качества жизни / пер. на рус. яз. – Париж : ОЭСР, 2019. – 380 с. – URL: <https://doi.org/10.1787/9789264312012-ru>
4. ФЗ «О персональных данных» : федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.02.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3451. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 30.01.2025).
5. *Оболенская Л.В.* Институциональные условия цифровой интеграции в российской промышленности / Л. В. Оболенская, С. Р. Бекулова, Н. М. Абдикеев // Проблемы экономики и юридической практики. – 2023. – Т. 19, № 4. – С. 141-148. – DOI 10.33693/2541-8025-2023-19-4-141-148.

6. Индикаторы цифровой экономики: 2024 : статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; И60 Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 276 с. – 350 экз. – ISBN 978-5-7598-3008-5 (в обл.) – Режим доступа: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/892389163.pdf/> (дата обращения: 27.02.2025).
7. *Kuzmin E.A., Suvorova A.V.* (2023). Efficiency of Institutions and Economic Agents from Transaction Costs Perspective. In: Kumar, V., Kuzmin, E., Zhang, WB., Lavrikova, Y. (eds) Consequences of Social Transformation for Economic Theory. EASET 2022. Springer Proceedings in Business and Economics. Springer, Cham. – Режим доступа: https://doi.org/10.1007/978-3-031-27785-6_9 / дата обращения: 27.02.2025).
8. *Brunsson N.* The Organization of Hypocrisy: Talk, Decisions and Actions in Organizations. – Chichester : John Wiley & Sons, 1989. – 231 p.
9. *Клейнер Г.Б.* Интеллектуальная экономика цифрового века // Экономика и математические методы. – 2020. – Т. 56. – № 1. – С. 18–33.
10. *Полтерович В.М.* Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. – 1999. – Т. 35, – № 2. – С. 3–20.
11. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко. – М.: Фонд экономической книги «Начала», – 1997. – 180 с.
12. *Корнейчук Б.В., Аузан А.* Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 160 с / Б. В. Корнейчук // Социологические исследования. – 2015. – № 1(369). – С. 152-155.
13. *Уильямсон О.* Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / пер. с англ. Ю. В. Автономова и др. – СПб. : Лениздат, 1996. – 702 с.
14. О развитии искусственного интеллекта: указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 41. – Ст. 5679. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 01.07.2024).
15. Цифровая трансформация: эффекты и риски в новых условиях / Рук. авт. колл. П.Б. Рудник, Т.С. Зинина; под ред. И.Р. Агамирзяна, Л.М. Гохберга, Т.С. Зининой, П.Б. Рудника; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 156 с. – 150 экз. – ISBN 978-5-7598-3009-2 (в обл.)
16. *Аузан, А.А.* Провалы механизмов координации: институциональный подход // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2025. – № 1(66). – С. 261-272. –
17. *Ягудина, Е.В.* Тенденции развития цифровых технологий в регионах России // Экономические науки. – 2024. – № 241. – С. 440-445.
18. Отчёт о ходе реализации государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» за 2023 год / Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. –

М., 2024. – Режим доступа: <https://adm.digital.gov.ru/app/uploads/2024/07/1-utochnennyj-godovoj-otchet-gp-informatsionnoe-obschestvo.pdf/> (дата обращения: 30.01.2025) – 22 с.

ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ РЫНКА ЭЛЕКТРОННЫХ ТОРГОВЫХ ПЛОЩАДОК (МАРКЕТПЛЕЙСОВ) НА СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА

Аннотация. В статье рассматривается влияние развития рынка электронных торговых площадок (маркетплейсов) на социально-экономическое развитие регионов России. Особое внимание уделено роли цифровой инфраструктуры, государственной поддержки и интеграции малого и среднего бизнеса в онлайн-торговлю. Анализируются ключевые факторы, способствующие успешному развитию маркетплейсов, такие как доступность интернета, логистическая инфраструктура и уровень цифровой грамотности населения. Рассмотрены примеры успешных региональных инициатив, а также выявлены основные проблемы, сдерживающие развитие электронной торговли в отдалённых районах.

Ключевые слова. Электронные торговые площадки, маркетплейсы, социально-экономическое развитие, цифровая инфраструктура, государственная поддержка, малый и средний бизнес, логистика, цифровизация, региональная экономика.

P.K. Musaev,

Graduate student,

The Department of Economics,

University of Management "TISBI", Kazan

THE IMPACT OF THE DEVELOPMENT OF THE ELECTRONIC TRADING PLATFORMS (MARKETPLACES) MARKET ON THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION

Abstract. The article examines the impact of the development of electronic trading platforms (marketplaces) on the socio-economic development of Russian regions. Special attention is paid to the role of digital infrastructure, government support, and the integration of small and medium-sized businesses into online trade. Key factors contributing to the successful development of marketplaces, such as internet accessibility, logistics infrastructure, and the level of digital literacy among the population, are analyzed. Examples of successful regional initiatives are reviewed, and the main challenges hindering the growth of e-commerce in remote areas are identified.

Key words. Electronic trading platforms, marketplaces, socio-economic development, digital infrastructure, government support, small and medium-sized businesses, logistics, digitalization, regional economy.

На сегодняшний день маркетплейсы не только трансформируют традиционные механизмы торговли, но и способствуют повышению доступности товаров и услуг, расширению рынков сбыта и поддержке предпринимательской активности. Они позволяют малым и средним

предприятиям преодолевать географические и инфраструктурные ограничения, выходить на более широкие рынки и создавать новые рабочие места.

Одним из ключевых факторов успешного развития маркетплейсов является цифровая инфраструктура. Высокоскоростной интернет, доступность мобильных платформ и развитие облачных технологий создают базовые условия для функционирования онлайн-торговли. В регионах с развитой цифровой инфраструктурой, маркетплейсы стали основным каналом продаж для малого и среднего бизнеса.

Электронные торговые площадки (маркетплейсы) представляют собой важный элемент цифровой экономики, оказывая значительное влияние на региональное развитие. Они способствуют не только росту предпринимательской активности, но и модернизации торговых процессов, созданию новых рабочих мест и увеличению налоговых поступлений [9].

Одним из ключевых преимуществ маркетплейсов является снижение входных барьеров для малого и среднего бизнеса. Использование готовой инфраструктуры, логистических сервисов и маркетинговых инструментов платформ позволяет предпринимателям выходить на рынок без значительных первоначальных вложений, что приводит к увеличению числа самозанятых граждан и расширению ассортимента товаров и услуг, доступных населению [4].

Кроме того, маркетплейсы способствуют развитию цифровой грамотности. Для успешного ведения онлайн-бизнеса предприниматели и сотрудники осваивают новые технологии, аналитические инструменты и цифровые методы продвижения товаров. В долгосрочной перспективе это повышает конкурентоспособность региональной экономики и способствует созданию инновационной среды [7].

Согласно исследованию компании ДРТ (бывшая Deloitte в России) за 2022 год, 73% предпринимателей отметили рост выручки благодаря сотрудничеству с маркетплейсами, при этом у 25% из них доход увеличился более чем на 50%. По данным представителей МСП, уже в первый год работы с маркетплейсами выручка может возрасти в 20 раз [2].

Однако в 2024 году наблюдается замедление темпов роста оборотов продавцов: с января по май медианный показатель вырос на 43,4% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, что связано с трудностями в оптимизации бизнес-процессов, логистикой, ограниченным доступом к ресурсам, усложнением зарубежных поставок, а также снижением спроса и покупательской способности [11].

В таких условиях малому бизнесу необходимо искать новые пути развития и повышения эффективности, используя нефинансовые сервисы экосистем. Среди них – аналитические и учетные инструменты, образовательные программы для предпринимателей, нетворкинг, а также юридическая поддержка.

Маркетплейсы способствуют созданию новых рабочих мест, охватывая различные сферы – от курьеров и операторов фулфилмента до специалистов по

онлайн-продажам и аналитиков больших данных. Однако в целом уровень безработицы в России в период с сентября по ноябрь 2024 года оставался на исторически минимальном уровне. В октябре данный показатель составил 2,3%.

При этом наибольший уровень безработицы зафиксирован в регионах с низким экономическим развитием, слабой диверсификацией и ограниченными возможностями для трудоустройства. Особенно выделяются Республика Ингушетия (25,4%) и Республика Дагестан (11%).

В экономически развитых субъектах с высоким уровнем инвестиций и активным рынком труда безработица оставалась низкой. В их числе – Москва (0,9%), Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (1,1%), Ямало-Ненецкий автономный округ (1,2%) и Новгородская область (1,2%) [1;6].

Рост рынка маркетплейсов требует повышения цифровой компетентности предпринимателей и сотрудников. В 2021 году в рамках программы «Цифровая экономика» более 100 000 предпринимателей прошли обучение навыкам онлайн-продаж.

Центр «Мой бизнес», при поддержке Министерства экономики Татарстана, продолжает прием заявок на бесплатную программу «Повышение квалификации по работе на маркетплейсах». Данный проект реализуется в рамках национальной инициативы «Малое и среднее предпринимательство» и помогает бизнесу осваивать электронные каналы продаж, что способствует увеличению прибыли, сообщает пресс-служба Минэкономики РТ [8].

Рост электронной торговли способствует увеличению налоговых поступлений в региональные бюджеты. В 2024 году поступления в консолидированный бюджет России выросли на 18,9%. За период с января по октябрь бюджет пополнился на 46 трлн рублей, что на 8,1 трлн рублей превышает показатели аналогичного периода прошлого года [3].

Таблица 1.

Влияние маркетплейсов на социально-экономические показатели*

Показатель	До развития маркетплейсов	После развития маркетплейсов
Рост оборота МСП (%)	До 10%	Рост на 44% (до 7,8 трлн руб.)
Уровень безработицы (%)	6-7%	Снижение за счет 1 млн новых рабочих мест в доставке
Число новых рабочих мест	1000-2000	Более 1 млн в сфере доставок
Доля обученных предпринимателей (%)	10-15%	70% начали бизнес на маркетплейсах
Рост налоговых поступлений (%)	10-20%	Общий рост благодаря увеличению оборота и рабочих мест

*Рассчитано по данным из открытых источников [5;10]

Электронные торговые площадки оказывают значительное влияние на социально-экономическое развитие регионов. Они способствуют росту предпринимательской активности, изменению структуры занятости, повышению уровня цифровой грамотности населения и увеличению налоговых поступлений. Однако для эффективного использования потенциала маркетплейсов необходима дальнейшая адаптация нормативно-правовой базы и поддержка предпринимателей в цифровой сфере.

На основании приведенных данных (см. Таблица 1) можно сделать вывод, что развитие маркетплейсов оказывает значительное влияние на экономику региона. Оно способствует росту оборота малых и средних предприятий, снижению уровня безработицы, созданию новых рабочих мест, повышению цифровой грамотности предпринимателей и увеличению налоговых поступлений. В свою очередь приведенные данные подтверждают необходимость дальнейшей поддержки электронной торговли и создания благоприятных условий для ее развития. Для эффективного использования потенциала маркетплейсов необходимо учитывать риски, связанные с монополизацией рынка, и обеспечивать баланс между онлайн- и офлайн-торговлей. Таким образом, маркетплейсы являются не только инструментом экономического роста, но и фактором, требующим грамотного регулирования и стратегического подхода.

Список использованной литературы

1. Как электронная коммерция и маркетплейсы повлияли на кадровый кризис в России. – Режим доступа: https://segment.ru/industrynews/kak_elektronnaya_kommertsiya_i_marketpleysyi_povliyali_na_kadrovyy_krizis_v_rossii/ (дата обращения: 26.01.2025).
2. Маркетплейсы принесли малому и среднему бизнесу РФ почти треть выручки в 2021 году. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/862269> (дата обращения: 26.01.2025).
3. Налоговые поступления в бюджет РФ в 2024 году вырастут на 18,9%. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39464-nalogovye_postupleniya_v_byudzheth_rf_v_2024_godu_vyrastut_na_189 (дата обращения: 26.01.2025).
4. *Панова Е.А.* Возможности маркетплейсов в развитии и повышении конкурентоспособности малых и средних предприятий // Государственное управление. Электронный вестник. – 2021. – № 89. – С. 52–62. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-marketpleysov-v-razvitii-i-povyshenii-konkurentosposobnosti-malyh-i-srednih-predpriyatiy> (дата обращения: 26.01.2025).
5. Площадка для бизнеса: как маркетплейсы стимулируют экономику регионов. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/industries/news/6659a9d19a79470cca56daa7?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 26.01.2025).

6. Прогноз баланса трудовых ресурсов на 2024–2026 годы. – Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/docs/2544> (дата обращения: 26.01.2025).
7. *Пьянова Н.В., Саленкова С.А., Пьянов Р.Р., Крыжановская О.А.* Маркетплейс: бизнес-модель современной экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2024. – Т. 14. – № 2. – С. 175–185. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67214987> (дата обращения: 26.01.2025).
8. Работников предпринимателей в Татарстане бесплатно учат работе на маркетплейсах. – Режим доступа: <https://vuslon.ru/news/obschestvo/rabotnikov-predprinimatelei-v-tatarstane-besplatno-ucati-rabote-na-marketpleisax> (дата обращения: 26.01.2025).
9. *Смирнов А.В., Петрова Е.С.* Роль маркетплейсов в развитии региональной экономики // Экономика и управление. – 2021. – № 5. – С. 45–51.
10. Социологи оценили влияние маркетплейсов на развитие бизнеса. – Режим доступа: https://rg.ru/2024/07/22/sociologi-ocenili-vliianie-marketplejsov-na-razvitie-biznesa.html?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 26.01.2025).
11. Эксперты увидели в маркетплейсах драйвер развития МСП. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/kapital/trends/articles/2024/06/05/1041902-eksperti-uvide-li-marketpleisah> (дата обращения: 26.01.2025).

МЕТОДЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕГИОНАХ РФ

Аннотация. В статье рассматриваются основные методы финансирования развития информационно-коммуникационных технологий (далее-ИКТ) в регионах Российской Федерации. Анализируются государственные и частные источники финансирования, механизмы государственно-частного партнерства, а также роль международных инвестиций и грантов. Особое внимание уделяется региональным программам поддержки цифровой трансформации и их влиянию на социально-экономическое развитие. Выявлены ключевые проблемы финансирования ИКТ и перспективные направления совершенствования инвестиционной политики в данной сфере.

Ключевые слова. ИКТ, финансирование, цифровая трансформация, государственная поддержка, государственно-частное партнерство, инвестиции, региональное развитие.

Р.К. Musaev,
Graduate student,
The Department of Economics,
University of Management "TISBI", Kazan

METHODS OF FINANCING THE DEVELOPMENT OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article discusses the main methods of financing the development of information and communication technologies (hereinafter-ICT) in the regions of the Russian Federation. The article analyzes public and private sources of financing, mechanisms of public-private partnership, as well as the role of international investments and grants. Special attention is paid to regional programs to support digital transformation and their impact on socio-economic development. The key problems of ICT financing have been identified and promising areas for improving investment policy in this area have been proposed.

Keywords. ICT, financing, digital transformation, government support, public-private partnership, investment, regional development.

Развитие информационно-коммуникационных технологий в регионах Российской Федерации является ключевым фактором повышения их конкурентоспособности и устойчивого социально-экономического роста. Внедрение современных цифровых решений способствует улучшению качества государственных услуг, повышению эффективности управления и созданию новых возможностей для бизнеса и населения.

В последние годы наблюдается значительный рост инвестиций в сектор ИКТ. Так, в первом квартале 2024 года объем инвестиций достиг 274,6 млрд

рублей, что на 80% больше по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Однако распределение данных инвестиций по регионам остаётся неравномерным, что обусловлено различиями в экономическом развитии, инфраструктуре и уровне цифровой зрелости субъектов Федерации [6].

Государственная поддержка играет важную роль в стимулировании цифровой трансформации на региональном уровне. Федеральные программы, такие как «Цифровая экономика», направлены на развитие цифровой инфраструктуры, внедрение информационных систем в различных отраслях и повышение цифровой грамотности населения. Кроме того, в 2024 году было выделено 4,9 млрд рублей на цифровизацию государственных услуг и создание Центров управления регионами в новых субъектах России, включая Донецкую и Луганскую Народные Республики, а также Херсонскую и Запорожскую области [11].

Несмотря на предпринимаемые усилия, регионы сталкиваются с рядом проблем в области финансирования ИКТ. Сокращение бюджетных расходов на цифровизацию, недостаток частных инвестиций и ограниченные возможности для привлечения внебюджетных средств замедляют процесс цифровой трансформации. Так, в 2023 году суммарные расходы регионов на ИКТ планировались в размере 256,3 млрд рублей, что на 5,6% меньше по сравнению с предыдущим годом [9].

В условиях ограниченности ресурсов особое значение приобретает эффективное использование доступных средств и поиск новых механизмов финансирования. Одной из ключевых инициатив является национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», направленная на ускоренное внедрение цифровых технологий в экономику и социальную сферу. В рамках данной программы реализуется несколько федеральных проектов, в том числе «Информационная инфраструктура», «Цифровое государственное управление» и «Цифровые технологии». Целью данных проектов является создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, развитие цифровых сервисов и повышение цифровой грамотности населения [10].

Кроме того, государственная программа «Информационное общество (2011–2020 годы)» была направлена на повышение качества жизни граждан и условий деятельности организаций за счёт развития ИКТ. Она включала мероприятия по развитию информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, обеспечению информационной безопасности и созданию условий для эффективного взаимодействия государства с гражданами и бизнесом [3].

Многие субъекты Российской Федерации разрабатывают и реализуют собственные программы цифровизации, адаптированные к специфике и потребностям региона. Например, в Пермском крае действует региональный проект «Цифровые технологии», направленный на внедрение цифровых решений в различных отраслях экономики и социальной сферы [12].

В 2024 году ИКТ-бюджеты некоторых регионов значительно увеличились. Так, в Республике Удмуртия планируется рост расходов на цифровизацию на 167,9% по сравнению с предыдущим годом, что связано с увеличением финансирования Министерства цифрового развития. Подобные тенденции наблюдаются и в других регионах, таких как Республика Чувашия и Республика Ингушетия [5].

Помимо этого, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации предоставляет субсидии на конкурсной основе компаниям, готовым реализовать проекты по внедрению сквозных цифровых технологий. Данные меры направлены на стимулирование развития перспективных технологий, таких как искусственный интеллект, интернет вещей и другие.

Кроме того, Российский фонд развития информационных технологий (РФРИТ) предоставляет гранты на разработку и внедрение отечественных цифровых продуктов и сервисов. Размер гранта может достигать от 20 до 500 млн рублей, а для особо значимых проектов — до 6 млрд рублей. Для стимулирования развития ИКТ-компаний предусмотрены различные налоговые льготы. Например, IT-компании могут рассчитывать на пониженные ставки налога на прибыль, страховых взносов и других обязательных платежей. Также предусмотрены меры поддержки для IT-специалистов, такие как льготная ипотека и отсрочка от армии [7].

Таким образом, государственные механизмы финансирования развития ИКТ в регионах РФ включают комплекс мер, направленных на создание благоприятных условий для цифровой трансформации экономики и социальной сферы. Стоит отметить, что развитие информационно-коммуникационных технологий в регионах Российской Федерации активно поддерживается не только государственными инициативами, но и частными инвестициями, а также механизмами государственно-частного партнёрства.

В последние годы наблюдается значительный рост частных инвестиций в сектор ИКТ. По данным премьер-министра РФ Михаила Мишустина, в первом квартале 2024 года инвестиции бизнеса в основной капитал в сфере ИКТ выросли более чем на 150% [2].

Примером регионального роста инвестиций является Московская область, где в 2023 году сектор производства компьютеров, электронных и оптических изделий привлёк более 11% от общего объёма инвестиций в обрабатывающую промышленность региона - более 22 млрд рублей, что на 58% превышает показатели предыдущего года [1].

Крупные компании также активно инвестируют в развитие отечественного программного обеспечения. Так, «Ростелеком» в 2022 году увеличил долю инвестиций в отечественное ПО до 90%, направляя средства на разработку решений в области кибербезопасности, облачных технологий, искусственного интеллекта и других [8].

Так, частные инвестиции и механизмы государственно-частного партнёрства играют ключевую роль в развитии ИКТ в регионах России,

способствуя внедрению инновационных технологий и повышению конкурентоспособности региональной экономики.

Несмотря на активное развитие информационно-коммуникационных технологий в Российской Федерации, регионы сталкиваются с рядом существенных проблем в области их финансирования. Существует значительная диспропорция в распределении финансовых ресурсов между регионами. Так, в 2023 году 60% всех расходов на цифровизацию приходилось на пять регионов: Москву, Санкт-Петербург, Московскую область, Самарскую область и Пермский край. Остальные субъекты Федерации испытывают дефицит финансирования, что замедляет их цифровое развитие [5].

Различия в уровне развития ИКТ-инфраструктуры между регионами приводят к цифровому неравенству. В некоторых субъектах наблюдается ограниченный доступ к высокоскоростному интернету и современным цифровым сервисам, что снижает их привлекательность для инвесторов и ограничивает возможности для внедрения инноваций [13].

Многие регионы сталкиваются с трудностями при привлечении частных инвесторов в сектор ИКТ, что связано с недостаточной развитостью инфраструктуры, высоким уровнем рисков и отсутствием эффективных механизмов государственно-частного партнёрства. В результате финансирование ИКТ-проектов часто ограничивается государственными средствами, которых недостаточно для полноценного развития отрасли.

Сложные процедуры согласования и получения финансирования, а также избыточные административные требования затрудняют реализацию ИКТ-проектов, что приводит к задержкам в реализации проектов и снижению их эффективности.

Нехватка специалистов в области ИКТ, особенно в отдалённых регионах, ограничивает возможности для разработки и внедрения современных технологий, что, в свою очередь, снижает привлекательность регионов для инвесторов и замедляет их цифровую трансформацию.

В процессе решения существующих вопросов стоит обратить внимание на усиление взаимодействия между государственными структурами и частным бизнесом, что позволит привлечь дополнительные инвестиции в ИКТ-сектор. Создание благоприятных условий для частных инвесторов, включая налоговые льготы и упрощение административных процедур, что будет способствовать развитию инфраструктуры и внедрению инноваций.

На основе анализа финансирования информационно-коммуникационных технологий в регионах Российской Федерации представлена следующая таблица (см. Таблицу 1), отражающая распределение расходов на ИКТ в 2023 и 2024 годах.

Анализ представленных данных свидетельствует о значительных различиях в динамике расходов на ИКТ в регионах России. В то время как Санкт-Петербург и Краснодарский край планируют существенное увеличение инвестиций в цифровизацию в 2024 году (на 27% и 41,6% соответственно), другие регионы, включая Москву и Московскую область, ожидают

незначительное снижение расходов. Данная тенденция указывает на необходимость выравнивания подходов к финансированию ИКТ, особенно в регионах с сокращающимися бюджетами, для обеспечения равномерного цифрового развития страны.

Таблица 1

Распределение расходов на ИКТ в 2023–2024 годах*

Регион	Фактические расходы на ИКТ в 2023 году, млрд рублей	Планируемые расходы на ИКТ в 2024 году, млрд рублей	Динамика расходов 2024/2023, %
Москва	106,6	106,1	-0,5
Санкт-Петербург	33,6	42,6	+27,0
Московская область	9,6	9,2	-4,5
Краснодарский край	3,8	5,4	+41,6
Новосибирская область	4,1	4,6	+11,9

*Рассчитано по данным из открытых источников [5].

Развитие информационно-коммуникационных технологий в регионах Российской Федерации является ключевым фактором повышения их конкурентоспособности и устойчивого социально-экономического роста. Внедрение современных цифровых решений способствует улучшению качества государственных услуг, повышению эффективности управления и созданию новых возможностей для бизнеса и населения.

Государственная поддержка играет важную роль в стимулировании цифровой трансформации на региональном уровне. Федеральные программы, такие как «Цифровая экономика», направлены на развитие цифровой инфраструктуры, внедрение информационных систем в различных отраслях и повышение цифровой грамотности населения, частные инвестиции способствуют внедрению инновационных технологий и повышению конкурентоспособности региональной экономики. Однако распределение данных инвестиций по регионам остается неравномерным, что обусловлено различиями в экономическом развитии, инфраструктуре и уровне цифровой зрелости субъектов Федерации. Отметим и привлечение международных источников финансирования, таких как гранты и программы международных организаций, а также участие в глобальных ИКТ-инициативах, что способствует интеграции российских регионов в мировое цифровое пространство и обмену передовым опытом.

Таким образом, исследование методов финансирования развития ИКТ в регионах РФ является актуальной задачей, направленной на выявление эффективных подходов и формирование рекомендаций по оптимальному распределению ресурсов для обеспечения устойчивого цифрового прогресса на всей территории страны.

Список литературы

1. В Подмосковье растут инвестиции в высокотех. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2024/05/07/v-podmoskove-rastut-investitsii-v-visokotekh (дата обращения: 05.02.2025).
2. Вложения бизнеса в ИКТ выросли на 150 процентов, заявил Мишустин. – Режим доступа: <https://ria.ru/20240923/mishustin-1974212490.html> (дата обращения: 05.02.2025).
3. Государственная программа «Информационное общество». – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/1/> (дата обращения: 05.02.2025).
4. *Деревцова И.В., Внукова Я.А., Головащенко Е.А., Денисевич Д.Д.* Проблема цифрового неравенства регионов России как угроза экономической безопасности // *Baikal Research Journal*. – 2021. – Т. 12. – № 2. – С.1–11.
5. ИКТ-бюджеты российских регионов в 2024 г. могут отыграть прошлогоднее падение 15.08.2024. – Режим доступа: https://www.cnews.ru/articles/2024-08-13_ikt-byudzhety_rossijskih_regionov (дата обращения: 05.02.2025).
6. Инвестиций в российский сектор ИКТ стало больше. – Режим доступа: <https://www.comnews.ru/content/234511/2024-07-29/2024-w31/1008/investiciy-rossiyskiy-sektor-ikt-stalo-bolshe> (дата обращения: 05.02.2025).
7. Поддержка IT-отрасли: какие льготы положены компаниям и сотрудникам. – Режим доступа: <https://национальныепроекты.пф/news/podderzhka-it-otrasli-kakie-lgoty-polozheny-kompaniyam-i-sotrudnikam/> (дата обращения: 05.02.2025).
8. «Ростелеком» увеличил инвестиции в отечественное ПО до 90%. – Режим доступа: <https://www.company.rt.ru/press/news/d467913/> (дата обращения: 05.02.2025).
9. Российские регионы планируют сократить ИКТ-расходы в 2023 г. – Режим доступа: https://www.cnews.ru/articles/2023-03-16_v_2022_gikt-rashody_regionov_vyrosli (дата обращения: 05.02.2025).
10. «Цифровая экономика РФ». – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 05.02.2025).
11. Цифровизация регионов России. – Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровизация_регионов_России (дата обращения: 05.02.2025).
12. Цифровые технологии Пермского края: развиваем экосистему поддержки высокотеха в регионе. – Режим доступа: <https://investinperm.ru/media/news/tsifrovye-tehnologii-permskogo-kрая-razvivaem-ekosistemu-podderzhki-vysokotekha-v-regione/> (дата обращения: 05.02.2025).

13. *Шелудяков И.С., Лебедева (Красса) Е.Н.* Цифровое неравенство в регионах России: проблемы и пути их преодоления // Прогрессивная экономика. – 2023. – № 2. – С. 23–43.

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. В статье обосновывается необходимость внедрения и использования системного компетентностного подхода в управлении человеческими ресурсами организаций. Предлагаются конкретные направления по внедрению алгоритма формирования и развития цифровых компетенций персонала.

Ключевые слова. Персонал, человеческие ресурсы, управление персоналом, цифровые компетенции, формирование, развитие, организация.

V.Y. Ostriuk,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Department of Human Resources Management
V.I. Vernadsky Crimean Federal University

FORMATION AND DEVELOPMENT OF DIGITAL COMPETENCES OF ORGANIZATIONS STAFF

Abstract. The need for the implementation and use of a systemic competence-based approach in the management of human resources of organizations are given in the article. Specific directions for the implementation of the algorithm for the formation and development of digital competencies of personnel are proposed.

Keywords. Personnel, human resources, personnel management, digital competencies, formation, development, organization.

Эффективное управление персоналом в современных организациях предполагает комплексное внедрение цифровых инструментов в профессиональную деятельность. Глобализация цифровых процессов требует выработки качественно нового подхода к ключевым компетенциям персонала организаций, а также наделяния сотрудников необходимыми цифровыми инструментами, использование которых является необходимым условием конкурентоспособной и эффективной производственной деятельности. Организации, которые не внедряют цифровой инструментарий оптимизации бизнес-процессов, подвержены снижению конкурентных качеств, самостоятельно снижают ключевые показатели производительности, а также не могут функционировать в новых условиях профессиональной деятельности.

В основе построения современной системы управления человеческими ресурсами лежит компетентностный подход, который предопределяет функционирование предприятия в условиях цифровой экономики и формирования необходимого качественного цифрового инструментария для достижения организационных целей и при решении производственных задач.

Цифровые компетенции персонала включают ряд специфических

характеристик сотрудников, выявление и группировка которых позволяет выработать управленческие направления влияния на данный процесс, в рамках организационной стратегической цели, что позволит обеспечить высокую результативность трудовых показателей и общую конкурентоспособность, и эффективность деятельности всей организации.

Целью работы является обоснование необходимости внедрения и использования системного компетентностного подхода при формировании эффективной системы управления человеческими ресурсами, а также разработка практически применимого алгоритм оценки компетенций персонала организаций.

Современное управление персоналом представляет собой многоаспектную систему, включающую в себя мобильность, самостоятельность, мотивационную платформу, а также лояльность и вовлеченность сотрудников в решение проблемных ситуаций и достижение организационных целей. В условиях растущей конкуренции и обеспечения приведения в равновесие потребностей организации в кадрах и потребности в труде, при условии формирования стабильного трудового коллектива, необходима разработка и внедрение системы управления персоналом, на основе цифрового компетентностного подхода, который обеспечит долгосрочную конкурентоспособность и эффективность деятельности организации [2].

К основным рекомендациям в сфере внедрения цифровых технологий рекрутинга в профессиональную деятельность по обеспечению профессионального найма и подбора персонала необходимо отнести применение компетентностного подхода и внедрение системы управления талантами в организации. При закрытии вакансии и поиске высококвалифицированных сотрудников необходимо в первую очередь обращать внимание не на опыт сотрудников, а на набор необходимых компетенций, в том числе цифровых, которые позволят профессионально осуществлять деятельность и быть адаптивным и восприимчивым к цифровым трендам, которые отражают современное состояние социально-экономических процессов в организации. Цифровизация затрагивает не только технологические и производственные аспекты профессиональной деятельности в организации, но и комплексно влияет на организацию управления персоналом и качество менеджмента в организации [3].

При проведении интервью с соискателем необходимо сделать акцент на концентрации фактов и четком определении компетенций, необходимо вести запись самого процесса интервью и осуществлять тщательную проверку достоверности данных. Для многих организаций формализация необходимых компетенций профессии представляет достаточную сложность, поэтому рекомендуется составить обязательную карту компетенций по каждой из профессий, с учетом всех необходимых профессиональных обязанностей сотрудников предприятия. Важным аспектом при составлении карты компетенций является ее взаимосвязь с организационными целями и философией профессиональной деятельности организации.

Для внедрения и практического применения компетентностного подхода в управлении персоналом в организации нами предлагается алгоритм разработки модели оценки компетенций сотрудников организации (рис.1).

Рисунок 1 – Алгоритм оценки компетенций персонала организации

Применение HR-системы видео-анкетирования кандидатов также является эффективным способом внедрения современных цифровых рекрутинговых технологий в профессиональную деятельность по подбору и найму персонала в организации. Pre-interview является передовой программой при подборе персонала с применением технологий видео анкетирования соискателей. Видео-рекрутинг позволяет выбрать наиболее достойных кандидатов на необходимые вакансии за короткий промежуток времени. Применение данной технологии предполагает просмотр записанных видео соискателей на вакантные должности, получение ответов на необходимые вопросы, проведение оценки потенциала соискателя и отправку на рассмотрение коллегам наиболее подходящих кандидатур.

В условиях трансформации современных организационных процессов привычные традиционные методы управления организациями и человеческими ресурсами требуют комплексной модернизации и трансформации, в соответствии с тенденциями цифровизации и использования эффективных цифровых инструментов в реальной практической деятельности. Комплексная трансформация всех внутренних процессов в организации, таких как: смена бумажных носителей информации на цифровые, дистанционная занятость, полная автоматизация многих ключевых процессов, требует внедрения и

использования основных цифровых компетенций персонала в реальной деятельности по управлению человеческими ресурсами. Цифровые инструменты являются неотъемлемой частью производственного процесса, что комплексно формирует и цифровизацию в области управления персоналом, как основного ресурса, который обеспечивает конкурентоспособность и эффективность профессиональной деятельности.

Тенденции цифровой экономики определяют ключевые параметры работы с персоналом организации, они направлены на вовлеченность и формирование мотивационной платформы сотрудников, выработку эффективных управленческих решений и формирование благоприятного социально-психологического климата в организации, при условии внедрения принципов командного управления и формировании внутреннего корпоративного духа в организации. Произошедшие трансформации диктуют новые требования ко всем структурным элементам системы управления человеческими ресурсами. Автоматизация процесса поиска и подбора персонала, применение искусственного интеллекта, а также автоматизированное рабочее место сотрудников является реалиями современной управленческой деятельности.

Специалистам по управлению персоналом, руководителям организаций необходимо комплексно внедрять в профессиональную деятельность цифровой инструментарий, формировать цифровые компетенции сотрудников, а также качественно использовать ресурсный потенциал организации, с точки зрения цифровых технологий.

Формирование трудового поведения сотрудников и внедрение принципов командного управления в реальную профессиональную деятельность организаций требует сосредоточения внимания на коммуникационном общении между сотрудниками и внутри коллектива, на повышении качества информационных ресурсов, а также формировании корпоративного творческого климата и инновационной среды в организации.

Для совершенствования системы управления, с точки зрения внедрения и использования цифровых инструментов и механизмов, рекомендуется внедрить ряд цифровых нововведений, среди которых необходимо выделить автоматический скрининг резюме для оптимизации процесса найма и отбора персонала. Автоматический скрининг позволяет ускорить процесс работы, а также провести первоначальные этапы работы с новыми сотрудниками оптимально и с наименьшими затратами труда и времени.

Важным элементом системы цифрового управления персоналом организации является адаптация сотрудников к цифровым технологиям и нововведениям в области управления человеческими ресурсами. Применение системы внедрения виртуальных ассистентов позволяют сотрудникам комфортно адаптироваться не только к новым условиям трудовой деятельности, но и к новым цифровым инновациям, которые внедряются в процесс управленческой и профессиональной деятельности. Применение виртуального ассистента позволяет существенно сэкономить материальные

ресурсы организации на оплату вознаграждения наставничества более опытных коллег в организации.

Список литературы

1. Бугрова О. С. Развитие цифровых технологий и роль освоения цифровых компетенций // Экономика и предпринимательство. – 2022. – № 5(142). – С. 56-60.
2. Петроченко Т. В. Развитие цифровых компетенций специалистов в условиях формирования цифровой трансформации рынка труда // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. – 2022. – Т. 10. – № 3(58). – С. 45-55.
3. Прутская Ю. А. Профессиональные цифровые компетенции кадров для интеграции в цифровое современное пространство // Кадры для цифровой экономики: новые векторы обучения взрослых. Сборник научных докладов, 11 ноября 2021 года. – Москва: ООО "Русайнс", 2022. – С. 55-59.
4. Щербаков Е. С. Современные цифровые технологии как фактор развития цифровых компетенций // Инновационный потенциал молодежи-2023: сборник работ по результатам Всероссийского фестиваля научного творчества, Ульяновск, 17–18 мая 2023 года. – Ульяновский государственный университет, 2023. – С. 200-204.

РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности регулирования регионального рынка труда в условиях стремительной цифровизации экономики. Проанализированы теоретические предпосылки цифровой трансформации трудовых отношений, выявлены ключевые тенденции и вызовы, с которыми сталкиваются субъекты региональной экономики при адаптации традиционных механизмов государственного регулирования. Особое внимание уделяется проблемам дефицита квалифицированных кадров в регионах, неравномерному распределению регионально цифровой инфраструктуры и необходимости совершенствования нормативно-правовой базы. На основе эмпирического анализа и сравнительного обзора исследований предложены рекомендации по повышению эффективности государственной политики в сфере цифровизации регионального рынка труда.

Ключевые слова. Региональный рынок труда, цифровая экономика, государственное регулирование, цифровизация, инновационные технологии.

F. D. PANOV

Graduate student,

*Department of Human Resources Management,
Institute of Management, Economics and Finance,
Kazan (Volga region) Federal University*

REGULATION OF THE REGIONAL LABOR MARKET IN THE DIGITAL ECONOMY

Abstract. The article considers the features of regulation of the regional labor market in the context of rapid digitalization of the economy. The theoretical prerequisites for the digital transformation of labor relations are analyzed, key trends and challenges faced by regional economic entities in adapting traditional mechanisms of state regulation are identified. Particular attention is paid to the problems of shortage of qualified personnel in the regions, uneven distribution of regional digital infrastructure and the need to improve the regulatory framework. Based on empirical analysis and a comparative review of studies, recommendations are proposed to improve the effectiveness of public policy in the field of digitalization of the regional labor market.

Keywords. Regional labor market, digital economy, government regulation, digitalization, innovative technologies.

Цифровизация уже стала одним из важнейших двигателей современного экономического развития, существенно влияя на все сферы жизни, в том числе на рынок труда, причем как со стороны работодателя, так и со стороны работников. Традиционные модели управления занятостью оказываются не всегда адекватны относительно условий перехода к новой цифровой парадигме, что требует разработки новых механизмов регулирования с учетом специфики

региональной экономики. Особое значение приобретает вопрос адаптации правовой базы, подготовки кадров и развития инфраструктуры, обеспечивающей доступ к современным информационно-коммуникационным технологиям.

Целью исследования является анализ современного состояния и проблем регулирования регионального рынка труда в условиях цифровой экономики, а также разработка рекомендаций для совершенствования государственного регулирования в этой сфере. Для этого использованы методы системного и сравнительного анализа, эмпирическая оценка статистических данных и анализ научной литературы.

Цифровая экономика характеризуется «широким применением цифровых технологий в процессе производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг» [1]. Так, например, Б. Паньшин «предлагает рассматривать цифровизацию в двух вариантах. В общем смысле цифровизация понимается как многоаспектные организационно-технологические процессы массового применения новых цифровых технологий в производстве и управлении с целью сокращения издержек и повышения скорости осуществления бизнес-процессов». В более частных случаях цифровизация рассматривается как «переход с аналоговой формы передачи, обработки и представления данных (информации) на цифровую, осуществляемую посредством применения соответствующих технологий и платформ» [2].

Цифровизация российского рынка труда сопровождается переходом от традиционных форм занятости к более гибким моделям, основанным на дистанционной занятости, гибридной занятости, совмещающей дистанционную и традиционную, офисную занятость, и автоматизацию трудовых процессов. Отечественные исследователи отмечают, что «цифровая трансформация рынка труда вызывает не только сокращение рабочих мест, связанных с рутинным трудом, но и создание новых вакансий, требующих высокой квалификации в цифровых технологиях» [3]. Однако, региональное неравенство в доступе к цифровой инфраструктуре создаёт дополнительные вызовы.

Проведем эмпирический анализ состояния регионального рынка труда, для чего рассмотрим:

- основные тенденции цифровизации. Анализ статистических данных свидетельствует о том, что за последние годы расходы на цифровые технологии в России устойчиво растут. Согласно сборнику «Индикаторы цифровой экономики: 2019» [4], за период с 2017 по 2019 года, наблюдается ежегодное увеличение затрат. Причем как со стороны населения, так и со стороны предприятий. Это связано с активным внедрением облачных технологий, систем электронного документооборота (далее сокр. ЭДО) и развитых интернет-сервисов;
- региональные различия в цифровизации. Несмотря на позитивные тенденции, уровень цифровизации экономики в российских регионах существенно различается. Согласно исследованию, лидерами по индексу цифровизации являются Москва, Санкт-Петербург и Татарстан, а к регионам с

низким уровнем цифровизации относятся Еврейская автономная область, Республика Тыва и Карачаево-Черкесская Республика [5], [6], [7]. Эти различия отражают не только экономическую состоятельность регионов, но и особенности государственной политики в области цифровизации.

Государственное регулирование цифровизации рынка труда, на наш взгляд, реализуется через:

- законодательное обеспечение. Одним из ключевых элементов успешного регулирования цифровизации является совершенствование нормативно-правовой базы. Принятая в 2017 году программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (Распоряжение Правительства РФ № 1632-р) определяет стратегические задачи и направления развития цифровой инфраструктуры, включая внедрение электронного правительства и создание механизмов поддержки инноваций. Однако, по мнению ряда ученых «на региональном уровне необходимо адаптировать эти нормативные документы с учетом региональной специфики» [8], [9], [10].

- программы подготовки кадров и повышение цифровой грамотности. Для успешного внедрения цифровых технологий требуется создание системы непрерывного профессионального обучения и переподготовки кадров. Как отмечают С.А.Беляков, А.С.Шпак и С.М.Батенева, одним из приоритетов государственной политики должно стать создание образовательных программ, ориентированных на развитие цифровых компетенций у студентов и школьников [11]. Развитие дистанционного образования и онлайн-курсов способствует повышению квалификации работников, что необходимо для адаптации к требованиям новой цифровой экономики. Однако, стоит отметить, что необходимо развивать и регуляторное законодательство в сфере онлайн-курсов, поскольку качество услуг может не соответствовать ни стандартам, ни заявленным в рекламе результатам.

Говоря о развитии цифровой инфраструктуры и взаимодействии бизнеса с государством необходимо рассмотреть государственные программы и инициативы в этом направлении. Развитие цифровой инфраструктуры на региональном уровне требует комплексных мер по модернизации сетей связи, внедрению современных ИТ-сервисов и созданию условий для массового доступа к интернет-услугам. Эффективное взаимодействие государства, бизнеса и образовательных учреждений способствует реализации проектов по цифровизации, что подтверждается исследованиями А.И.Гретченко, И.В.Гороховой и Т.А.Марцеловой [12], Ягудиной Е.В., Ягудиным Р.Х. [12] и другими авторами [14]. Особую роль в данном процессе играют государственные инициативы по развитию электронного документооборота и внедрению цифровых платформ для государственных услуг.

Для обеспечения устойчивого развития цифровой экономики важно создавать благоприятный инвестиционный климат и стимулировать развитие инновационных технологий. Механизмы поддержки включают налоговые льготы для ИТ-компаний, субсидирование образовательных программ и развитие системы грантовой поддержки научных исследований [15].

На основе проведённого анализа нами разработаны следующие и дополнены существующие направления развития регионального рынка труда в цифровой экономике:

1. Адаптация законодательства: совершенствование нормативно-правовую базу с учётом региональных особенностей. Необходимо обеспечить оперативное обновление законодательной базы в условиях быстроменяющихся технологий.

2. Развитие системы образования: внедрение программы повышения квалификации и переподготовки кадров, ориентированной на цифровые компетенции. Также стоит расширять государственные программы дистанционного обучения и электронное образования в ВУЗах и СУЗах.

3. Модернизация цифровой инфраструктуры: инвестирование в развитие высокоскоростных интернет-сетей, особенно в мобильные сети протокола 5G, в развитии которых по сравнению с другими странами Россия несколько отстаёт. Стоит также развивать облачные технологии и усиленно внедрять электронный документооборот, который на данный момент развит недостаточно.

4. Стимулирование инвестиций в инновации: обеспечение налоговых и финансовых льгот для компаний, внедряющих цифровые технологии. Опыт работы особых экономических зон стоит распространить на децентрализованные ИТ команды разработчиков; развитие системы государственной поддержки инновационных проектов на региональном и федеральном уровнях.

5. Межсекторное взаимодействие: «создание платформ для диалога между органами региональной власти, бизнесом и образовательными учреждениями, способствующие обмену лучшими практиками, найму студентов профильных направлений на профильные специальности, совместной разработке стратегий развития цифровой экономики в регионе, с учётом специфики экономики того или иного региона» [8].

На основе проведенного исследования нами сделаны следующие выводы. Цифровизация экономики регионов оказывает глубокое влияние на формирование нового облика рынка труда, требуя переосмысления традиционных механизмов регулирования занятости. Анализ исследований показывает, что для эффективного развития цифровой экономики необходим комплексный подход, включающий совершенствование законодательства, развитие системы образования, модернизацию цифровой инфраструктуры и стимулирование инновационной деятельности среди предпринимателей. Реализация предложенных мер позволит начать устранять существующие региональные различия, а также создать основу для устойчивого развития региональной и федеральной экономики в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Teoretical&Applied Science// 2021. № 10 (102). – Режим доступа: <https://www.t-science.org/conf/2021/10-2021-9.pdf> (дата обращения: 08.01.2025).

2. *Паньшин Б.* Цифровая экономика: понятия и направления развития // Наука и инновации. – 2019. – № 3(193). – С.48-55.
3. *Смирнова Е.И., Федорова Л.М.* Региональные особенности регулирования рынка труда в условиях цифровой экономики // Региональная экономика и управление. 2020. №5 (25). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-osobennosti-regulirovaniya-rynka-truda> (дата обращения: 07.01.2025).
4. Индикаторы цифровой экономики: 2019: статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т И60 «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 248 с. – 300 экз. – ISBN 978-5-7598-1924-0 (в обл.). – Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2019/06/25/1490054019/ice2019.pdf> (дата обращения: 08.01.2025).
5. *Емелина, А.А.* Статистический анализ инновационной активности предприятий и организаций в Российской Федерации / А. А. Емелина, Е. А. Долгих. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2021. – 114 с. – ISBN 978-5-4365-8804-9.
6. *Садырtdинов Р.Р.* Уровень цифровизации регионов России // Вестник ЧелГУ. 2020. №10 (444). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-tsifrovizatsii-regionov-rossii> (дата обращения: 08.01.2025).
7. *Кузнецова А.М., Ягудина Е.В.* Влияние цифровой трансформации на здоровье населения // Экономические науки. – 2024. – № 241. – С. 256-259. – DOI 10.14451/1.241.256.
8. *Мыльникова, Л.А.* Особенности и проблемы цифровизации регионов России // Цифровое образование в РФ: состояние, проблемы и перспективы : Материалы Международного форума, Санкт-Петербург, 28–31 октября 2019 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2019. – С. 176-179.
9. *Фахрутдинова Е.В., Мокичев С.Д.* Сетевая организация структуры собственности в модернизируемой экономике // Экономические науки. – 2011. – № 77. – С. 123-129.
10. *Ягудина Е.В., Валитов Г.Ш.* Тенденции развития цифровых технологий в регионах России // Экономические науки. – 2024. – № 241. – С. 440-445. – DOI 10.14451/1.241.440.
11. *Беляков С.А., Шпак А.С., Батенева С.М.* Влияние цифровой трансформации на рынок труда: тенденции, вызовы и перспективы адаптации // Экономика труда. 2021. Т. 19, №2. С. 1135-1148. – Режим доступа: <https://www.intereconom.com/component/content/article/501.html> (дата обращения: 07.01.2025).
12. *Гретченко А.И., Горохова И.В., Марцелова Т.А.* Цифровая экономика: вызовы и перспективы для развития Российской Федерации // Вестник НГУЭУ. 2018. №2. С. 10-19. – Режим доступа: <https://nsuem.elpub.ru/jour/article/view/1269> (дата обращения: 07.01.2025).

13. *Ягудина Е.В., Ягудин Р.Х.* Человеческий капитал в условиях цифровой трансформации: проблемы и перспективы // *Экономические науки*. – 2024. – № 241. – С. 446-450. – DOI 10.14451/1.241.446.

14. The development of the business environment in conditions of economic instability / E.V. Fakhrutdinova, A.V. Kharlamov, T.L. Kharlamova, J.S. Kolesnikova // *Globalization and its Socio-Economic Consequences : 17th International Scientific Conference Proceedings, Rajecke Teplice, Slovak Republic, 04–05 октября 2017 года. Vol. Part I-VI*. – Rajecke Teplice, Slovak Republic: University of Zilina, 2017. – P. 413-420.

15. *Шумская Е.И.* Меры экономической политики для стимулирования инновационного развития // *ЭВР*. 2020. №4 (66). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mery-ekonomicheskoy-politiki-dlya-stimulirovaniya-innovatsionnogo-razvitiya> (дата обращения: 08.01.2025).

РАЗВИТИЕ ИНВЕСТИЦИОННО-СТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье проведен анализ тенденций развития инвестиционно-строительного комплекса Республики Беларусь в условиях изменения мировой экономики. Сделаны выводы о том, что мировая экономика претерпевает серьезные изменения, что самым непосредственным образом сказывается на экономике Беларуси. Республике Беларусь необходимо активизировать инвестиционные и инновационные процессы для успешной адаптации к новым условиям для устойчивой работы экономических систем.

Ключевые слова. Инвестиции, строительство, экономическое развитие.

A.G. Prarouski,

*Candidate of technic Sciences, Associate Professor,
Head of the department of world, economy, marketing, investment BrSTU*

DEVELOPMENT OF THE INVESTMENT AND CONSTRUCTION COMPLEX OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE CONTEXT OF A CHANGING GLOBAL ECONOMY

Annotation. The article analyzes the development trends of the investment and construction complex of the Republic of Belarus in the context of changes in the global economy. Conclusions are made that the global economy is undergoing serious changes, which directly affects the economy of the Republic of Belarus. The Republic of Belarus needs to intensify investment and innovation processes for successful adaptation to new conditions for the sustainable operation of economic systems.

Keywords. Investment, construction, economic development.

Инвестиционно-строительный комплекс остаётся важным элементом экономики Беларуси, способствуя росту ВВП, занятости и инфраструктурному развитию [1]. Однако для повышения эффективности необходимо снижение административных барьеров, привлечение частного капитала и внедрение инноваций. Успех инвестиционно-строительного комплекса во многом зависит от способности адаптироваться к внешнеэкономическим вызовам и интеграции в мировые цепочки добавленной стоимости.

Инвестиционно-строительный комплекс играет ключевую роль в развитии экономики Республики Беларусь, выступая драйвером роста, модернизации инфраструктуры и улучшения качества жизни населения. Это определяется следующими факторами [2]:

1. Вклад в валовой внутренний продукт. Строительный сектор традиционно составляет около 5–7% ВВП Беларуси, а с учётом смежных отраслей (производство стройматериалов, транспорт, металлургия,

машиностроения, энергетика) его вклад увеличивается. Инвестиции в основной капитал, включая строительство, формируют до 20–25% ВВП.

2. Занятость и социальная стабильность. Строительный комплекс обеспечивает рабочие места для 6–8% занятого населения, включая как высококвалифицированных специалистов (инженеры, архитекторы), так и работников без высшего образования; реализация государственных программ в области строительства способствует решению жилищного вопроса и развитию ипотечного рынка.

3. Инфраструктурное развитие. Строительство дорог и логистических центров укрепляет транзитный потенциал Беларуси, что важно для её геоэкономического положения между ЕС и ЕАЭС; создание и модернизация производственных мощностей (например, в рамках программ импортозамещения) поддерживает промышленный сектор.

4. Государственная политика и инвестиции. Инвестиционно-строительный комплекс тесно связан с реализацией государственных программ; привлечением капитала из России, Китая и других стран в инфраструктурные проекты. Ограничения со стороны ЕС и США осложняют доступ к западным технологиям и финансированию, что замедляет модернизацию экономики.

5. Проблемы и вызовы. Зависимость от госфинансирования: значительная доля проектов реализуется за счёт бюджета, что создаёт риски при дефиците средств. Избыточное регулирование и непрозрачные процедуры тормозят частные инвестиции. Медленное внедрение BIM-технологий, энергоэффективных решений и «зелёного» строительства.

6. Перспективы и инновации. Экспорт услуг: Белорусские компании участвуют в проектах в России, Казахстане, Африке, экспортируя строительные услуги. А развитие энергоэффективных технологий и соответствие международным экологическим стандартам повышают конкурентоспособность строительного сектора.

Прямые иностранные инвестиции в мире после восстановительного роста в 2021 г. (рис. 1) на протяжении 2022-2024 гг. растут очень низкими темпами. Поэтому для стран с дефицитом собственных инвестиционных ресурсов проблема привлечения прямых иностранных инвестиций в настоящее время становится достаточно острой.

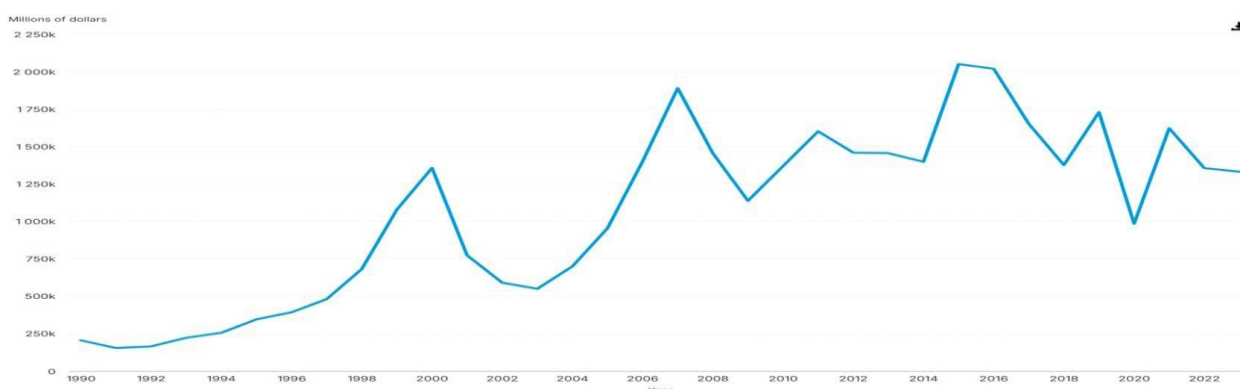

Рис. 1. Глобальные потоки ПИИ (млрд долл. США) [3]

Экономика Республики Беларусь после падения 2022 г. вышла сначала на восстановительный рост в 2023 г., а потом и на уверенный рост в 2024 г. (рис. 2).

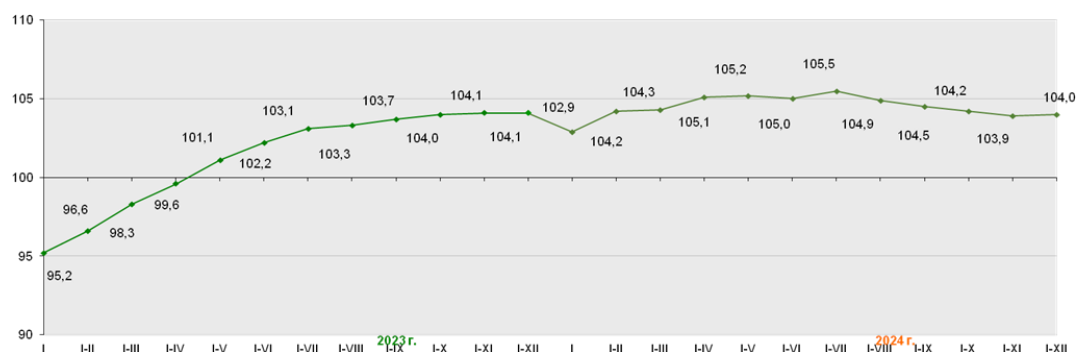

Рис. 2. Валовой внутренний продукт Республики Беларусь (в % к соответствующему периоду предыдущего года; в сопоставимых ценах) [4]

Структура белорусской экономики достаточно однородна по регионам: 25-30% промышленность, 5-7% торговля, 5-8% строительство, 8-13% сельское хозяйство, 2-3% информации и связь (рис. 3). Исключение составляет г. Минск: сельское хозяйство практически отсутствует, доля промышленности значительно меньше среднереспубликанского уровня, а торговля и информационно-телекоммуникационный комплекс — значительно выше.

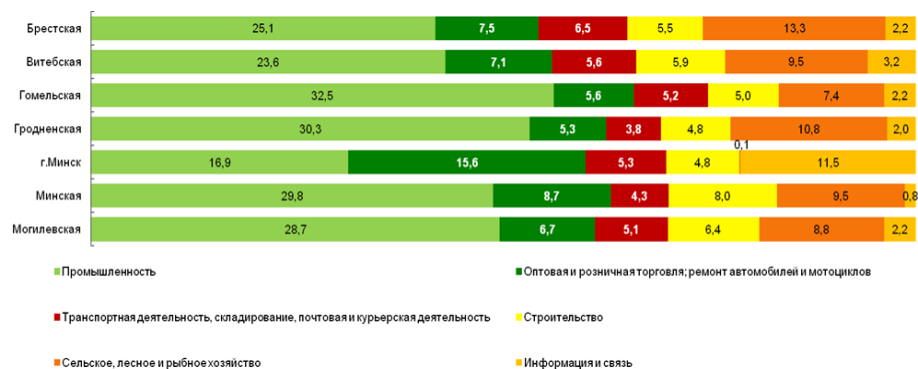

Рис. 3. Удельный вес основных видов экономической деятельности в ВРП Республики Беларусь в 2024 году (в текущих ценах; в процентах к итогу) [4]

Производительность труда в экономике Республики Беларусь растет в соответствии с ростом валового внутреннего продукта на протяжении 2022-2024 гг. (рис. 4). Реальная заработная плата растет еще более высокими темпами. В настоящее время это определяется восстановлением после значительного падения 2022 г. Но в дальнейшем этот фактор (опережение роста реальной заработной платы над производительностью труда) может негативно сказаться на конкурентоспособности экономики Республики Беларусь.

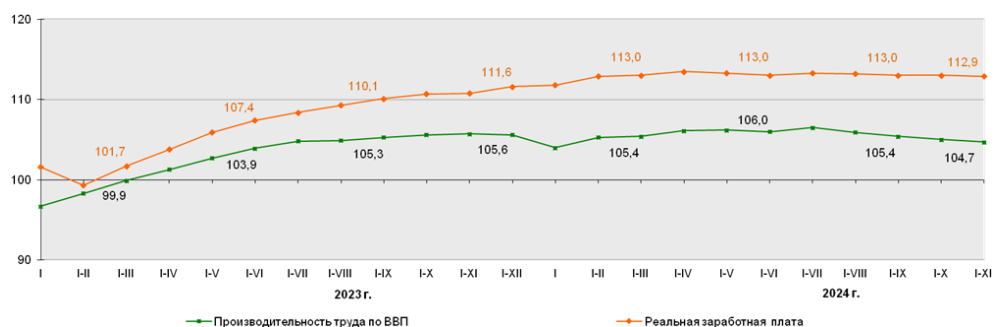

Рис. 4. Производительность труда и реальная заработная плата (в % к соответствующему периоду предыдущего года) [4]

Физический объем инвестиций в Республике Беларусь в основной капитал после значительного роста в 2023 г. (114,8%) в 2024 г. показал умеренный рост (104,8%) (рис. 5). По регионам наблюдаются значительные отклонения от среднереспубликанского значения индекса из-за реализации отдельных инвестиционных проектов. С 2022 г. в Республике Беларусь реализуется программа «Один район – один проект», направленная на активизацию инвестиционной деятельности во всех регионах.

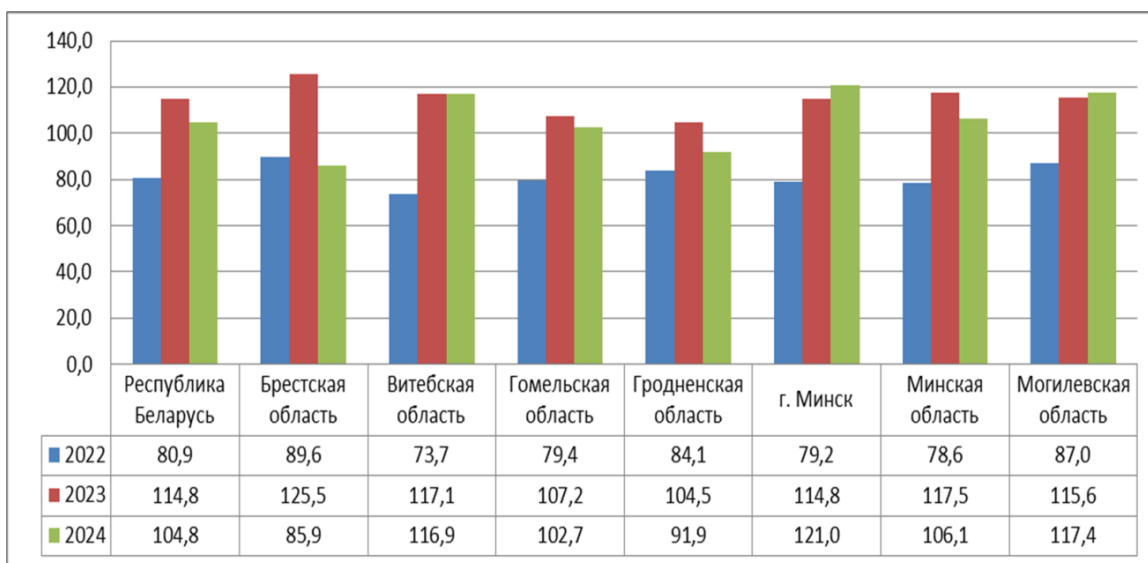

Рис. 5. Индекс физического объема инвестиций в основной капитал в % к соответствующему периоду предыдущего года в сопоставимых ценах [4]

Анализируя данные структуры инвестиций в основной капитал по источникам финансирования, можно сделать вывод, что основными источниками являются: собственные средства предприятий и организаций, средства бюджетов, кредиты банков и в области инвестиций в недвижимость – средства населения (рис. 6).

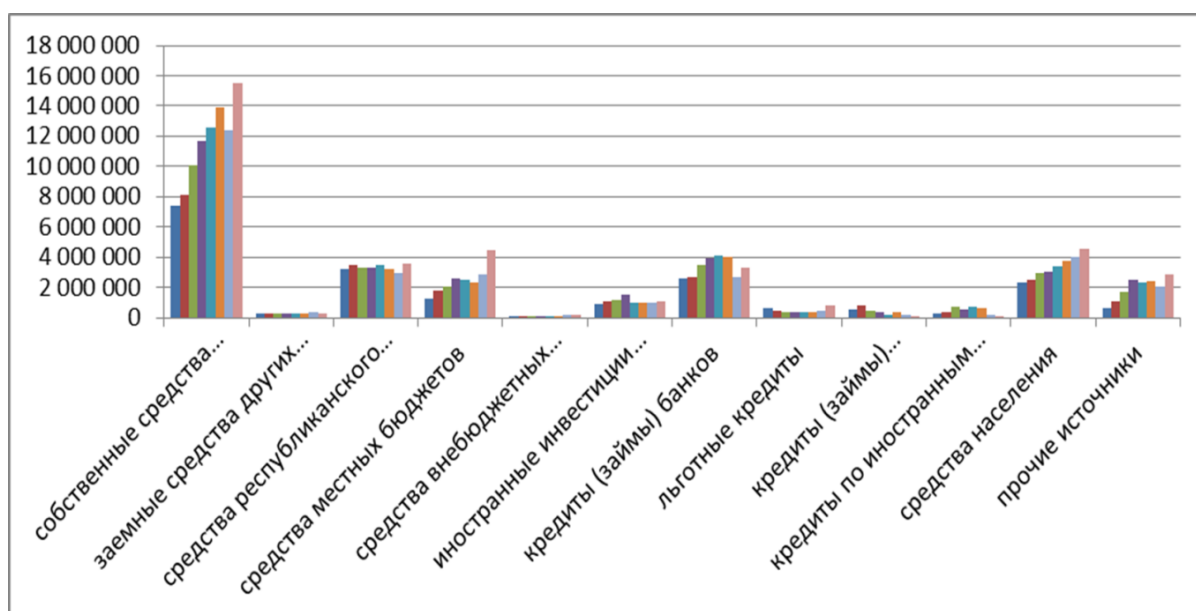

Рис. 6. Объем инвестиций в основной капитал по источникам финансирования, тыс. руб. [4]

В 2024 г. организациями всех форм собственности построено 47,3 тыс. новых квартир. Введено в эксплуатацию 4 390,5 тыс. квадратных метров общей площади жилья. Для граждан, состоящих на учёте нуждающихся в улучшении жилищных условий, введено в эксплуатацию 1 427,2 тыс. квадратных метров общей площади, или 32,5% от общего объёма введённого жилья. Из общего объёма введённого жилья для граждан, состоящих на учёте нуждающихся в улучшении жилищных условий с использованием государственной поддержки, построено 832,1 тыс. квадратных метров.

Изменения в мировой экономике в последние годы обусловлены комплексом факторов, включая технологические прорывы, геополитические сдвиги, экологические вызовы и социальные трансформации. Вот ключевые тренды:

1. Многополярность и смещение экономических центров. Экономики Китая, Индии и стран АСЕАН становятся драйверами роста. К 2030 г. на Азию может приходиться более 40% мирового ВВП. США и ЕС сохраняют лидерство, но их доля в глобальном ВВП сокращается из-за роста развивающихся рынков. Расширение группы БРИКС+ (в 2024 г. включены Эфиопия, Иран, Египет и др.) усиливает альтернативные экономические и финансовые институты.

2. Технологическая революция. Искусственный интеллект и цифровизация меняют структуру занятости (риски для низкоквалифицированных работников).

3. Изменение глобальных цепочек поставок. Компании переносят производства ближе к рынкам сбыта из-за пандемии и геополитики. Страны диверсифицируют поставки, развивая производство в Индии, Вьетнаме, Мексике. Торговые ограничения создают новые барьеры.

4. Климат и устойчивое развитие. К 2050–2060 гг. большинство стран планируют углеродную нейтральность, что требует 3–5 трлн. долл. ежегодных инвестиций.

5. Геополитика и экономическая безопасность. Конфликт на Украине и санкции против России изменили энергорынки (рост цен на газ в Европе, переориентация потоков). Усиливается борьба за доступ к редкоземельным металлам, литию и кобальту. Нарушение поставок зерна из Украины и России усилило инфляцию в развивающихся странах.

6. Демография и неравенство. В ЕС, Японии и Китае растет нагрузка на пенсионные системы. К 2050 г. 50% мирового населения будет младше 30 лет, создавая потенциал роста, но и риски безработицы. Рост неравенства: 1% населения владеет 45% мирового богатства (данные Credit Suisse, 2023).

7. Долг и макроэкономические риски. США, Япония и ЕС нарастили долги до 110–260% ВВП, ограничивая возможности фискальной политики. Кризис в развивающихся странах (Шри-Ланка, Пакистан, Гана) из-за роста ставок ФРС и укрепления доллара. После пандемии и энергокризиса инфляция в ЕС и США достигла 8–10%, вынуждая ЦБ ужесточать монетарную политику.

8. Будущие вызовы. Необходимость глобальных стандартов для предотвращения рисков в области развития искусственного интеллекта. Повышается риск кибератак на критическую инфраструктуру. Уроки COVID-19 могут не быть учтены, что повышает уязвимость мировой экономики.

Мировая экономика движется к большей фрагментации, но также к инновациям, которые могут смягчить кризисы. Эффект будет зависеть от кооперации, инвестиций в человеческий капитал и баланса между ростом и устойчивостью.

В современных условиях необходимо осуществить несколько шагов к сохранению устойчивости белорусской экономики:

1. Сохранить контроль над инфляцией.

2. Расширение географии экспорта для нейтрализации санкций против экономики Республики Беларусь.

3. Стимулирование белорусской экономики для ускорения инвестиционных процессов в Республике Беларусь.

4. Активизация инновационных процессов для повышения конкурентоспособности экономики Республики Беларусь.

Вместе с тем, для решения проблем и вызовов, стоящих перед мировой экономикой необходимо принимать согласованные решения в условиях многополярного мира.

Санкционное давление на экономику Республики Беларусь интенсифицировало поиск альтернативных рынков в Азии, Африке и Ближнем Востоке. Импортозамещение и создание собственных аналогов западной техники (например, сельхозоборудование, электроника), развитие электромобильного кластера (совместное предприятие BelGee), фармацевтики и органического сельского хозяйства позволяют экономике не только сохранять устойчивость, но и динамично развиваться.

Инвестиции играют ключевую роль в развитии экономики Беларуси, особенно в условиях санкционного давления, структурных проблем и необходимости модернизации. Они позволяют преодолевать технологическое отставание, модернизировать промышленность, создавать высокотехнологичные производства, диверсифицировать экономику, развивать новые отрасли, повышать энергоэффективность, развивать IT-кластеры, цифровизировать госуслуг, развивать инфраструктуру и транзитный потенциал.

Список литературы

1. *Проровский А.Г.* Развитие экономики Республики Беларусь в условиях внешнего давления // Актуальные проблемы современных экономических систем – 2024 : сборник научных трудов / Министерство образования Республики Беларусь, Брестский государственный технический университет ; редакционная коллегия: А.Г. Проровский [и др.]. – Брест, 2024. – ISBN 978-985-493-630-7. – С. 4–9.

2. *Проровский А.Г.* Инвестиционная деятельность в Республике Беларусь в современных условиях // Банковская система: устойчивость и перспективы развития: сборник научных статей пятнадцатой международной научно–практической конференции по вопросам финансовой и банковской экономики, УО “Полесский государственный университет”, г. Пинск 25 октября 2024 г. / Министерство образования Республики Беларусь [и др.]; редкол.: В.И. Дунай [и др.] – Пинск : ПолесГУ, 2024. – 417 с.

3. World Investment Report 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2024/> (дата обращения: 10.02.2025).

4. Национальный статистический комитет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/natsionalnye-scheta/godovye-dannye/> (дата обращения: 10.02.2025).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ

Аннотация. В работе исследованы вопросы, связанные с развитием на отечественном цифровом рынке труда платформенной занятости, относящейся к нестандартной и гибкой форме занятости. Сформулировано понятие платформенной занятости. Показаны действующие инструменты государственного регулирования занятости на цифровой платформе. Разработаны важные предложения по государственному регулированию цифровых платформ и ее основных участников.

Ключевые слова. Платформенная занятость, цифровой рынок труда, государственное регулирование, форма занятости, подходящая работа, цифровая платформа.

E. V. Romanyuk,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Department of Human Resources Management,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University

STATE REGULATION OF PLATFORM EMPLOYMENT IN RUSSIA

Abstract. The paper examines issues related to the development of platform employment in the domestic digital labor market, which is a non-standard and flexible form of employment. The theses formulate the definition of "platform employment". The current instruments of state regulation of employment on the digital platform are shown. Important proposals for state regulation of digital platforms and their main participants are developed.

Keywords. Platform employment, digital labor market, government regulation, form of employment, suitable work, digital platform.

В последние годы трансформационные, цифровые процессы и преобразования привели к появлению платформенной экономики и одной из популярных и современных форм занятости – платформенной. Цифровая экономика сегодня предоставляет возможность в получении работниками основных и дополнительных трудовых доходов и внедряет инновационные научно-технические предложения, организывает социально значимые места работы в различных видах хозяйственной деятельности. Платформенная занятость представляет собой нетрадиционную, гибкую форму занятости, которая в настоящее время встречается повсеместно и значительно востребована многими работодателями, а также немалым количеством трудоспособных граждан.

Платформенная занятость предполагает трудовые отношения с целью оказания работ или услуг работником (исполнителем) работодателю (заказчику) в пределах цифровой платформы. Платформенная занятость привлекает работников тем, что им довольно быстро и без особых сложностей можно зарегистрироваться в цифровом приложении, они могут разработать

самостоятельно удобный режим труда. Кроме этого, при применении работником сервисов цифровой платформы отсутствует заданный работодателем график работы, а также большое количество работодателей зарегистрированы на платформе.

Среди социально незащищенных категорий граждан желают найти подходящую работу с помощью платформенной занятости следующие лица: студенты, молодые, неопытные специалисты, женщины с невзрослыми детьми, лица пенсионного и предпенсионного возраста, граждане с инвалидностью. Вместе с тем, кроме социально незащищенных граждан, занятость на цифровой платформе интересует и привлекает трудовых мигрантов, которые на сегодняшний день имеют большие проблемы с поиском подходящей работы на традиционном рынке трудовых ресурсов и пользуются услугами по трудоустройству с помощью возможностей цифрового рынка труда.

Как утверждает Н.А. Симченко, «платформенных работников привлекает данная форма гибкой занятости в связи с тем, что они могут осуществить бизнес-активность в предпринимательстве, а также у таких категорий работников возникает больше перспектив, свободного времени на досуг относительно того, если бы они занимались трудовой деятельностью в помещении офиса» [4, С.154].

К основным особенностям занятости на платформе относят:

- выполнение работ и оплата услуг труда, которые реализуются с применением цифровых сервисов платформы;
- в трудовых отношениях принимают участие три субъекта: цифровая платформа, работодатель и наемный работник [1, с. 206];
- использование специальных цифровых технологий, принадлежащих цифровой платформе;
- выполняются определенные виды заданий или решаются согласованные задачи» [1, с. 206];
- услуги труда оказываются на установленных соглашениях;
- работа делится на ряд задач;
- услуги труда оказываются платформенными работниками по требованию работодателей.

Занятость на цифровой платформе способствует сбалансированию трудовых доходов как работников, так и не работающих граждан. Увеличение масштабов платформенной занятости было порождено появлением и распространением пандемии – в тот период времени большинство наемных работников были высвобождены или сокращены на работе и поставлены перед необходимостью обратиться к гибкой платформенной занятости. В сложившихся условиях безработные обращались на временной или постоянной основе к удаленной или дистанционной работе на цифровой платформе. Вместе с этим, в сформировавшейся непростой экономической и социально-трудовой ситуации, многие работники перешли на удаленный формат работы, с целью обретения трудового дохода помимо основного дохода, где и работают в настоящее время [4, С. 154; 5, С. 33].

Занятыми на цифровой платформе могут быть работники, связанные с выполнением различного рода работ: ремонта, оказание репетиторских услуг, услуги врачей, психологов, тренеров, инструкторов, фотографов, а также различные пассажирские и грузовые перевозки, доставки, организационный дизайн, массаж и др. Периодически можно встретить и фрилансеров, которые выполняют некоторые заказы по требованию, например, при разработке логотипов и фирменных знаков, ремонта техники. Веб-платформа организует и интегрирует всех своих субъектов, выступает пространством, площадкой для взаимоотношения и сотрудничества многих сотрудников и работодателей, собирает все данные и сведения о необходимых заказах и о зарегистрированных участниках. Платформа оказывает помощь и организует деятельность между работниками и работодателями, в результате этого получает процент за комиссию от оказанных сервисных услуг.

Отметим что, в динамичных условиях цифровизации занятость на цифровой платформе содействует как образованию рабочих мест в удаленном режиме работы, так и в стационарном режиме работы. Цифровая платформа в определенные моменты может сама предлагать рабочие места на ней, а также трудоустраивать на рабочие места работников как с временным, так и с постоянным (долгосрочным) договором.

В современных условиях большинство платформ выступают в качестве больших и наукоемких фирм и нуждаются в необходимых кадрах управленческого и экономического характера. Регулярно цифровым платформам требуются такие работники как управляющие, трейдеры, IT-специалисты, архитекторы программного обеспечения, операционисты, администраторы. В этом случае цифровые платформы с вышеуказанными работниками оформляют стандартный трудовой договор. Платформа содействует в применении многих цифровых финансовых и страховых инструментов, чтобы осуществлять рациональное и быстрое сотрудничество между ее участниками.

Распространению веб-платформ поспособствовало и то, что стало появляться много различных курьерских служб, например, доставки пищевых продуктов, пунктов самовывоза, например, Ozon, ремонтных мастерских, операторов складского хозяйства. Такие работы часто привлекают фрилансеров или небольшие компании, предпринимателей, для которых веб-платформа приносит доход от осуществляемой деятельности на ней, а их сотрудничество регулируется с помощью договоров гражданско-правового характера [3].

На основании статистических данных, в «2022 г. на платформах было занято около 3,5 млн. человек. По данным НИУ «Высшая школа экономики», в апреле 2022 г. такая работа являлась основной для 1,7 млн. человек в возрасте 18-72 лет, а для 1,7 млн. человек такая занятость выступала постоянным дополнительным заработком, также 12,1 млн. человек частично прибегали к данной форме гибкой занятости» [3; 6].

Цифровые платформы нуждаются в государственном регулировании. Поэтому в новом законе цифровым платформам необходимо присвоить статус

посредника в трудовых отношениях с работодателями и наемными работниками, которые оказывают услуги труда на ней. В законе также целесообразно отчетливо и однозначно узаконить понятие «гибкость в работе занятых на платформе».

При создании нормативно-правовой базы по платформенным занятым важно использовать в практике передовой зарубежный опыт регулирования платформенной занятости в развитых государствах. При разработке норм регулирования работы веб-платформы и ее субъектов нужно также использовать действующий практический опыт по функционированию российских цифровых платформ и еще больше формировать специальные условия, которые бы привлекали переходить работников в платформенную занятость из традиционной занятости с учетом гибкого рабочего графика и организации трудовых отношений.

Таким образом, занятость на цифровой платформе представляет собой новую гибкую, нестандартную форму занятости на отечественном цифровом рынке труда. Платформенная занятость – это занятость, которая динамично развивается и нуждается в профессиональном и компетентном регулировании со стороны государственных органов управления и власти. Государственным органам регулирования и управления целесообразно создать и внедрить такой механизм регулирования платформенных занятых и цифровых платформ, который бы предоставил возможность осуществлять социальную поддержку и защиту занятых работников на цифровом отечественном рынке труда, а также предусматривал социальные гарантии для такой категории граждан.

Список литературы

1. Артонкина Н. В. Платформенная занятость // Мотивация и оплата труда. – 2022. – № 5 (142). – С. 206-213.
2. Короленко Ю. Н. Развитие цифрового рынка труда в современной экономике // Экономика и предпринимательство. – 2022. – № 5 (142). – С. 22-125.
3. РБК. Тренды. Как регулировать платформенную занятость в России: три основных варианта. – Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/social/cmrm/61030d2e9a794739c2afd942?from=copyhttps://trends.rbc.ru/trends/social/cmrm/61030d2e9a794739c2afd942> (дата обращения: 18.01.2025).
4. Симченко Н.А. Платформенная занятость в условиях нестабильности экономической системы // Экономика и предпринимательство. – 2022. – № 5 (142). – С. 154-157.
5. Согомонян Г.А. Влияние цифровизации на структуру рынка труда // Моя профессиональная карьера. – 2021. – №31. – С. 32-37.

6. Skillbox. Как устроена платформенная занятость, кто ее выбирает и как ее регулируют. – Режим доступа: <https://skillbox.ru/media/business/kak-ustroena-platformennaya-zanyatost-kto-eye-vybiraet-i-kak-eye-reguliruyut/?ysclid=m62i48giuj49383214> (дата обращения: 18.01.2025).

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА

Аннотация. В статье рассматривается проблема обострения противоречий относительно перехода мировых держав к многополярному мироустройству. Выделены направления изучения практик противостояния неокOLONиализму. Приведены институциональные ловушки, оказывающие наиболее сильное воздействие на развитие стран Глобального Юга, а также предложены возможные направления их нивелирования.

Ключевые слова. НеокOLONиализм, институциональные ловушки, противодействие неокOLONиальным практикам.

N.A. Simchenko,

*Doctor of Economic Science, Professor,
Department of Economic Theory and Economic Policy,
Saint-Petersburg University*

THE INSTITUTIONAL TRAPS OF NEOCOLONIALISM

Abstract. The article deals with the problem of aggravation of contradictions regarding the transition of world powers to a multipolar world order. The directions of studying the practices of confronting neocolonialism are highlighted. Institutional traps that have the strongest impact on the development of countries of the Global South are given, as well as possible directions of their leveling are proposed.

Keywords. Neo-colonialism, institutional traps, counteraction to neo-colonial practices.

Развитие экономических отношений в XXI веке осуществляется в условиях обострения противоречий относительно перехода ряда мировых держав к многополярному мироустройству. «Многополярная глобализация, которая в ускоренном темпе идет на смену полному несправедливости моноцентричному западному универсализму, предполагает создание абсолютно новой диалоговой парадигмы. При этом ее основы уже заложены. Россия намерена продолжить реализацию положений Йоханнесбургской декларации-II «БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности», принятой на саммите в ЮАР в августе 2023 года» [1].

Распад колониальной системы не исключил развитие неокOLONиального воздействия стран Глобального Севера на страны Глобального Юга. В настоящее время можно выделить следующие направления изучения практик противостояния неокOLONиализму [2-8]:

– сущность неокOLONиализма в условиях продолжающегося общего кризиса капитализма;

- преодоление противоречий посткапитализма, неоколониализма и глобальной либеральной парадигмы постмодерна в условиях формирования нового миропорядка;
- механизмы противодействия неоколониальным практикам, реализуемым посредством глобализации, моноцентричного западного универсализма в международных отношениях и экономических стратегиях;
- формы идеологической колонизации и направления противодействия;
- типы неоколониализма («дружественный», «долговой», «климатический» и др.) и их влияние на развитие национальных экономик;
- борьба с неоколониализмом у границ России;
- противодействие сохраняющейся практике патернализма в межгосударственных отношениях, демонстрируемой как США, так и ЕС, в вопросах проведения выборов, ввода санкций и т.д.;
- борьба с диктатом ЕС в странах Глобального Юга, обусловленным дефицитом полезных ископаемых и металлов в странах Европы и другими причинами;
- предотвращение попыток фальсификации истории и подмены фактов в отношении совершённых преступлений колониального и неоколониального периодов;
- антинеоколониальные инициативы: роль России в глобальной борьбе за свободу наций;
- экономическая безопасность России в условиях противодействия неоколониалистским тенденциям мирового развития;
- стратегия обеспечения технологического лидерства России в условиях негативного влияния неоколониализма и др.

Развитие неоколониализма сопряжено с действием ряда институциональных ловушек. Институциональные ловушки неоколониализма – это структуры и механизмы, которые продолжают поддерживать зависимость бывших колоний от бывших метрополий в экономическом, политическом, социокультурном и идеологическом аспектах.

Институциональные ловушки способствуют сохранению неравенства, в том числе цифрового неравенства, и препятствуют преодолению наследия колониализма.

К институциональным ловушкам, оказывающим наиболее сильное воздействие на развитие стран Глобального Юга, следует отнести следующие: неэффективные государственные институты; экономические контракты, навязанные внешними игроками; социальные нормы, которые препятствуют развитию; институты «зеленой экономики» и др.

Одной из разновидностей неоколониальной политики является культурное доминирование, которое проявляется в следующем:

- глобализация западных ценностей через медиа (Голливуд, соцсети; распространение либерально-демократических идей, индивидуализма, потребительской культуры как «универсальных стандартов»), что приводит к

утрате местных традиций и языков под давлением глобальной массовой культуры;

- образование и язык (образовательные стандарты – престижные университеты Запада задают «правильные» знания, обесценивая локальные системы образования; английский как «мировой стандарт»);

- культурная апроприация: коммерческое использование элементов традиционных культур без уважения к их значению (например, мода, музыка);

- поддержка авторитарных режимов, лояльных к бывшим метрополиям;

- идеологическое влияние: через культуру продвигаются политические взгляды, противоречащие традиционным духовно-нравственным ценностям;

- инициирование «цветных революций» и др.

В современных научных исследованиях выделяют разные подходы к противодействию институциональных ловушек неокOLONиализма. Здесь отметим, что важнейшим принципом противоборства стремительному развитию неокOLONиализма является принцип единства в многообразии, который «благодаря антинеокOLONиальному Движению «За свободу наций!» с опорой на многолетние традиции СССР в области борьбы с колониализмом и его последствиями является важнейшим шагом к консолидации народов мира в борьбе с неокOLONизаторами» [1]. Указанный принцип, безусловно, должен быть интегрирован в современную систему международных отношений.

Список литературы

1. *Медведев Д.А.* Человечество должно окончательно избавиться от наследия колониальной системы. Время метрополий истекло // Российская газета. 24.06.2024 г. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/istoricheskie_materialy/1956884/ (дата обращения: 17.01.2025 г.).

2. *Комишуква О.В.* Санкции в отношении Ирана: цели и последствия // Экономические и социальные проблемы России. Социальные факторы экономического роста. – 2016. – № 2-11.

3. Мадуро назвал санкции США экономическим геноцидом // РИА Новости, 15 января 2024 г.

4. *Blum W.* Overthrowing other people's governments: The Master List – Режим доступа: <https://williamblum.org/essays/read/overthrowing-other-peoples-governments-the-master-list>).

5. *Haufbacher G., Shott J., Elliott K., Oegg B.* Economic Sanctions Reconsidered – Third edition. Peterson Institute for International Economics, 2009. – p. 248.

6. *Levin D.* Partisan electoral interventions by the great powers: Introducing the PEIG Dataset. Conflict Management and Peace Science, 2019. – Vol. 36(1). – pp. 88-106.

7. Permanent Court of International Justice. The Case of S.S. "Lotus" (France v. Turkey). Judgment. Publication of the Permanent Court of International Justice. – p.18-19.

8. Sanctions related to Iran // The White House official press-release. Fact-sheet. 31.07.2012.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОФЕССИЙ: КАК ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ МЕНЯЕТ РЫНОК ТРУДА

Аннотация. В данной статье рассматривается воздействие искусственного интеллекта на рынок труда, на характеристики профессий. Выявлены плюсы и минусы влияния нейросетей на эффективность деятельности, а также ключевые аспекты, способствующие перестройке занятости, включая автоматизацию процессов и возникновение новых профессий.

Ключевые слова. Искусственный интеллект, рынок труда, нейронные сети, новые профессии, влияние технологий.

N.A. Udalova,

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
The Department of Economic Theory and Methodology,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*

V.Yu. Vereneva,

*Student,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*

THE EVOLUTION OF PROFESSIONS: HOW ARTIFICIAL INTELLIGENCE IS CHANGING THE LABOR MARKET

Abstract. This article examines the impact of artificial intelligence on the labor market and on the characteristics of professions. The advantages and disadvantages of the influence of neural networks on business efficiency, as well as key aspects contributing to the restructuring of employment, including automation of processes and the emergence of new professions, have been identified.

Keywords. Artificial intelligence, labor market, neural networks, new professions, technology impact.

Сегодня технологии искусственного интеллекта активно завоевывают внимание общества. Искусственный интеллект представляет собой способность искусственных интеллектуальных систем проявлять когнитивные функции (обучаться и самообучаться на собственном опыте, подстраиваться под заданные параметры системы) [1].

Согласно прогнозам, в Европе интеллектуальные системы могут заменить 62,6 млн рабочих мест в таких наиболее развитых и больших по численности странах. В ближайшее время эти процессы могут затронуть интересы 1,2 млрд

человек, с совокупной зарплатой в 14,6 трлн долл. Преимущественно в Китае, Индии, США. В нашей стране цифровизация отразится на 35,6 млн. чел. [2].

В 2019 году Россия провозгласила основной своей целью развития становление страны в качестве мирового лидера в области искусственного интеллекта [3]. В рамках реализации этой стратегии в 2020 году Правительством РФ выделено более 25 млрд. рублей на научные исследования в области технологий искусственного интеллекта и поддержку стартапов [4].

Государственные структуры широко применяют технологии искусственного интеллекта для оптимизации процессов принятия решений, анализа больших данных и повышения качества обслуживания россиян [5].

Укоренными темпами нейронные сети внедряются и в деятельность российского бизнеса. Так, в 2016 году Альфа-Банк разработал систему, использующую нейронные сети для выявления мошеннической активности. Эта система анализирует поведение клиентов банка. Такое использование ИИ позволило снизить уровень мошенничества на 30% [6]. Сбербанк в 2018 году внедрил голосового помощника "Сбер" с использованием технологий автоматической обработки речи. Результатом оказалось снижение количества успешных мошеннических операций, сокращение на четверть случаев мошенничества [7]. С сентября 2014 года Яндекс использует собственную рекомендательную систему — Дisko, которая, ориентируясь на вкусы человека, советует, что послушать или приобрести [8].

Используя плюсы от использования ИИ, компании получают преимущества в обостряющейся конкурентной, такие как:

- прогнозирование спроса на рынке;
- мониторинг информации в режиме реального времени;
- автоматизация процесса классификации и обработки заказов;
- оперативное выявление подозрительных заказов;
- непрерывное совершенствование системы работы с клиентами
- ускоренная адаптация к происходящим на рынке изменениям.

Но кроме плюсов применения искусственного интеллекта, по мнению специалистов, следует ожидать и негативные последствия, связанные с сокращением рабочих мест в промышленном производстве, сельском хозяйстве, в отдельных секторах сферы обслуживания на уровне 8-47% для различных стран (для России 15-20%) [9]. Выбывание профессий на рынке труда из-за внедрения искусственного интеллекта составит минимум 1-3% ежегодно. В первую очередь исчезнут профессии, основанные на повторяющихся алгоритмах и скриптах [10], такие как кассир, продавец, водитель, машинист поезда, переводчик, сотрудник банка.

Среди молодых людей в возрасте 18-25 лет 27% серьезно опасаются замены их профессий искусственным интеллектом, что указывает на беспокойство людей о будущем. В то же время 25% даже не задумывались об этой проблеме, что может свидетельствовать о недостатке информации и осознания рисков в сфере использования нейросетей. Интересно, что 8% респондентов опроса считают, что никакие профессии не исчезнут, что говорит

о вере в возможность адаптации людей и их профессиональных ролей в условиях технологических изменений.

Многие профессии могут эволюционировать, сохраняя свою актуальность, даже если их функции будут трансформированы. При этом с наибольшей вероятностью не будут заменены технологиями искусственного интеллекта в будущем навыки с исключительно человеческими компетенциями, такими как эмпатия и эмоциональный интеллект (75%), этическое мышление (56%), креативность (52%) и критическое мышление (42%), а также сложные физические навыки (33%). Это обусловлено способностью человека понимать и сопереживать чувствами других людей. Привилегией человека остаётся и умение придумывать новые идеи, нестандартные подходы к решению задач, а также умение принимать морально обоснованные решения, что в условиях растущей цифровизации и автоматизации становится критически важным. Все это еще раз подчеркивает важность нравственных, социальных и творческих навыков в условиях, меняющихся под влиянием ИИ, требований к работникам на рынке труда.

Следует отметить, что одновременно с выбыванием отдельных профессий наблюдается повышенный спрос на грамотных специалистов в области нейросетей. Появляются новые профессии под влиянием внедрения в общественное производство технологий искусственного интеллекта. Среди них наиболее востребованными являются:

- специалист по этике искусственного интеллекта, способный управлять этическими вопросами, связанными с использованием нейросетей;
- проектировщик искусственного интеллекта, разрабатывающий алгоритмы и модели для конкретных приложений. По оценке Garther, уже к концу 2025 года порядка 70% новых приложений будут использовать искусственный интеллект [11];
- консультант по внедрению нейросетей, способный оценить существующие системы, выявить проблемы и предложить пути их решения, используя новые способы интеграции ИИ в бизнес-процессы.

Острая нехватка IT-специалистов при существующей невостребованности «устаревших» профессий отражает усиление структурной деформации и рост нагрузки на рынок труда. Что, в свою очередь, свидетельствуют о существенном влиянии технологий искусственного интеллекта на структуру спроса на рабочую силу на рынке труда, на развитие общественного производства в целом.

Кроме того, большинство исследователей, едины в своем опасении в способности ИИ усугубить проблемы социального неравенства, что объясняется возможностями к обогащению собственников капитала, средств производства и лишение наемных работников источников дохода в результате их замещения. Все это, несомненно, будет способствовать росту социальной нестабильности и напряженности в обществе. Задача государства – грамотно адаптировать рынок труда к новым реалиям.

Для решения вышеназванных проблем государству необходимо разработать специальные программы обучения, переподготовки и содействия трудоустройству тех, кто остался без работы, разработать подход к разработке интегрированных программ.

Государству необходимо сохранить рабочие места, поддержав рабочий класс, повысить конкурентоспособность страны, оказав поддержку организациям во внедрении искусственного интеллекта. Одновременно с этим необходимо реализовывать программы повышения цифровой грамотности среди населения, увеличивать количество бюджетных мест в вузах по специальностям робототехники и компьютерных технологий. Решению проблемы дефицита квалифицированных ИТ-кадров будет способствовать сотрудничество государства с бизнесом на основе совместной работы образовательных учреждений и работодателей [12]. Взаимодействие России с другими странами посредством участия в международных форумах и конференциях, посвященных обсуждению вызовов и возможностей внедрения нейросетей, также повысит заинтересованность населения в развитии искусственного интеллекта в стране.

Таким образом, искусственный интеллект открывает для экономики новые возможности как для работодателей, так и для наемных работников. Постоянное развитие технологий должно стимулировать работников к гибкости, развитию в разных направлениях и постоянному повышению квалификации. Несмотря на риски, связанные с появлением искусственного интеллекта на рынке труда и понижением занятости населения, государственное вмешательство, например, программы подготовки новых кадров и помощь работодателям в развитии искусственного интеллекта, будет способствовать решению возникающих проблем на рынке труда. Создание экономической устойчивости в стране требует совместных усилий со стороны государства, бизнеса, сферы образования и граждан.

Список литературы

1. Филиппова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. – ННГУ им. Н.И.Лобачевского, 2-е изд., обновл. и доп. – 2025. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=79725148> (дата обращения: 17.03.2025).
2. Литвинов, И. В. Современные технологии искусственного интеллекта и занятость населения: проблемы и перспективы регулирования. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-i-zanyatost-naseleniya-problemy-i-perspektivy-regulirovaniya> (дата обращения: 15.02.2025).
3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» – 2019. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 20.02.2025).

4. Правительство Российской Федерации. Инвестиции в технологии искусственного интеллекта. – 2020. – Режим доступа: <https://tass.ru/> (дата обращения 15.02.2025).
5. Министерство экономического развития Российской Федерации// "Отчет о применении технологий ИИ в госсекторе" // «Применение искусственного интеллекта в государственной службе» – 2021.
6. Альфа-Банк. В Альфа-Банке создали нейросеть, которая превзошла человека. – Режим доступа: <https://vc.ru/alfabank/1054341-v-alfa-banke-sozdali-neyroset-kotoraya-prevzoshla-cheloveka-erid-2Vfnxvho85E> (дата обращения 15.02.2025).
7. Министерство экономического развития Российской Федерации. Отчет о применении технологий ИИ в госсекторе. – 2021. – Режим доступа: <https://companies.rbc.ru/news/rt6UuPqeY7/iskusstvennyij-intellekt-pomogaet-bankam-borotsya-s-moshennichestvom/> (дата обращения 20.02.2025).
8. Как работают рекомендации в музыкальных сервисах Яндекс. iGuides. – 2023. – Режим доступа: https://www.iguides.ru/main/services/kak_rabotayut_rekomendatsii_v_muzykalnykh_servisakh_yandeksa/ (дата обращения 07.02.2025).
9. Савчук Т. Угрозы из будущего: смогут ли роботы полностью заменить человека? // Крым. — Режим доступа: <https://ru.krymr.eom/a/28676115.html> (дата обращения 01.03.2025).
10. Акьюлов Р. И . , Сковпень А. А. Роль искусственного интеллекта в трансформации современного рынка труда // Дискуссия. – 2019. – № 94. – С. 30-40.
11. Гартнер. Gartner report on emerging technologies – Режим доступа: <https://www.gartner.com/en/documents/3983932> (дата обращения 15.02.2025).
12. Акьюлов Р. И. Современные технологии искусственного интеллекта и занятость населения: проблемы и перспективы регулирования // Институт экономики и управления. – 2019. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-i-zanyatost-naseleniya-problemy-i-perspektivy-regulirovaniya> (дата обращения 12.02.2025).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты реализации государственной инновационной политики, раскрывается история ее возникновения, описываются основные этапы ее становления, изложены основные составляющие государственной инновационной политики Беларуси на ближайшие пять лет.

Ключевые слова. Инновации, инновационное развитие, государственная инновационная политика, стратегия инновационного развития.

N.P. Chetyrbock,

*Candidate of economic Sciences, associate Professor,
The Department of World Economy, Marketing, Investments,
Brest State Technical University*

THEORETICAL ASPECTS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT IN BELARUS UNDER MODERN CONDITIONS

Abstract. The article examines the theoretical aspects of the implementation of state innovation policy, reveals the history of its origin, describes the main stages of its formation, and sets out the strategy for the innovative development of Belarus for the next five years.

Key words: innovation, innovative development, state innovation policy, innovative development strategy.

Содержание государственной инновационной политики (далее ГИП) лучше всего раскрывается через историю ее возникновения. Понятие инновационной политики как научной категории и составной части государственной социально-экономической политики, ориентированной на приоритеты развития народного хозяйства в области науки и техники, сформировалось относительно недавно. Еще во второй половине XX века в употребление находились термины «научная» и «научно-техническая» политика. Это было связано с тем, что на ранних этапах технологического развития правительства индустриально ориентированных стран могли влиять на процесс внедрения результатов НТП в производство с помощью методов, используемых в рамках этих политик.

Поэтому до конца 70-х годов в промышленно развитых странах акцент делался только на «научной» политике, которая помимо задач организации исследований и разработок была также ориентирована на поддержание экономического роста и трансфер результатов исследований и разработок из научной сферы в производственную. При этом государство патронировало исследования и разработки по ограниченному кругу направлений, а также стимулировало их проведение частными корпорациями [1, с. 8, 9].

Но с начала 80-х годов положение начинает радикально меняться. В мире все более активно проявляют себя новые производственно-экономические процессы, выраженные до этого времени лишь латентно. Происходит быстрое ускорение темпов научно-технического прогресса, в результате которого время жизненного цикла инновационного продукта быстро сокращается, а интенсивность инновационной деятельности возрастает в обратной пропорции. Сегодня уже считается, что если компания задерживается с выходом нового продукта на рынок, то ее финансовые потери от недополученной инновационной ренты растут в геометрической прогрессии по отношению к упущенному времени [2, с. 47].

Эти процессы отражают наступление нового этапа научно-технической революции. Одновременно усиливается международная конкуренция, вызванная начавшейся в этот временной период глобализацией мировой экономики. В новых условиях в выигрыше остается только тот, чье производство более технологично, кто быстрее может обновить ассортимент своей продукции, улучшить ее качество и потребительские характеристики. Важнейшую роль приобретает коммерциализация результатов исследований и разработок (объектов промышленной собственности).

Как следствие использовавшаяся до этого времени *научная политика* признается не эффективной в силу ее фактического несоответствия новым требованиям экономики. В качестве реакции на происходящие изменения на передний план выходит «технологическая» или как ее чаще стали называть «научно-техническая» политика, сфера интересов которой распространяется на разработку и освоение новых технологий, обеспечение условий для создания продукта, способного стать инновацией. Происходит ускоренное переоснащение производства новыми современными технологиями, радикально повышающими производительность труда, создающими предприятиям необходимые конкурентные преимущества. К этому времени все чаще начинают использоваться методы, относящиеся сегодня к инновационной политике, однако последняя еще идентифицируется с научно-технической политикой, или рассматривается в качестве ее ответвления, не претендующего на выделение в отдельную категорию [1, с. 9].

Для решения все усложняющихся задач в странах ОЭСР организуются инкубаторы малого инновационного бизнеса, научные и технологические парки, внедренческие фонды, центры трансфера нововведений, используются налоговые льготы и другие механизмы стимулирования инновационной деятельности [3, с. 80-100].

В результате этих активных действий к началу 90-х годов мировые технологические лидеры смогли ликвидировать кризисные явления в экономике того времени и за счет структурной перестройки промышленности осуществить переход на новые высокотехнологичные производства. Научно-технический прогресс стал для них определяющим фактором развития экономики.

Такие позитивные изменения произошли главным образом благодаря тому, что к этому времени был сформирован новый действенный механизм, способствовавший на переходном этапе преодолению традиционной нестыковки науки и производства, установлению между ними прочных и устойчивых взаимосвязей. Были устранены недостатки, присущие научно-технической политике, слабо сопряженной с экономическими принципами управления. Наладив таким образом согласованное взаимодействие научной, технологической и промышленной политики, политика обрела самостоятельные черты и получила название «**инновационной**» (рисунок 1) [1, с. 10].

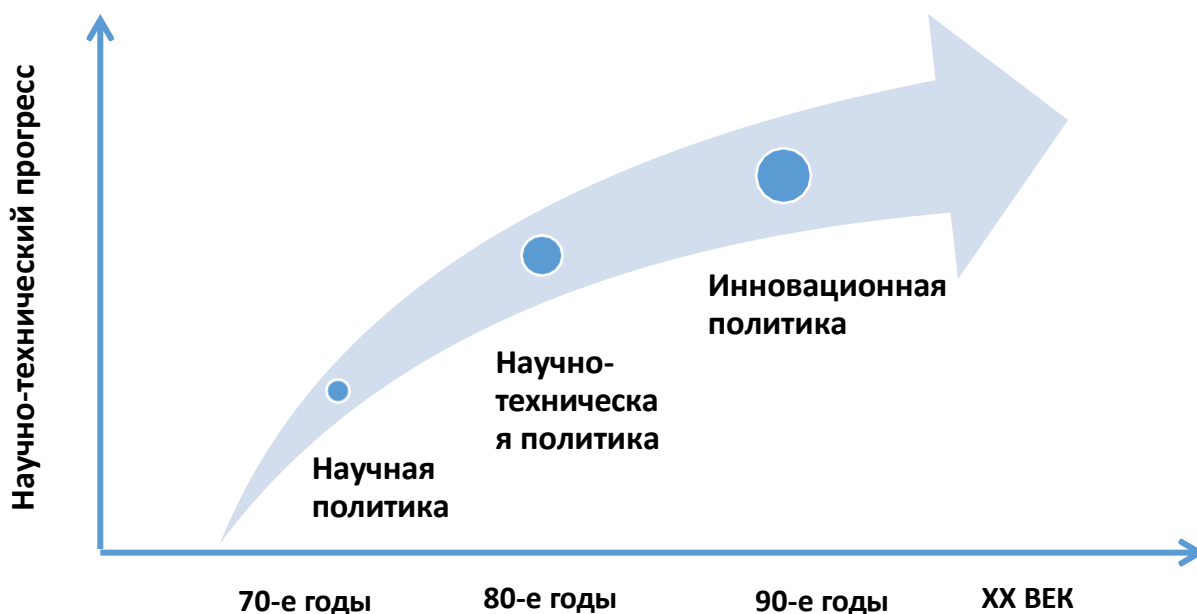

Рисунок 1. – Этапы становления инновационной политики.

Этот процесс стал своего рода ответом на вызовы, связанные с началом нового этапа научно-технической революции, стартовавшего в конце XX века, и переходом к постиндустриальному обществу. Ключевым направлением развития цивилизации стало становление экономики инновационного типа, где ведущую роль играют научно-технический прогресс и интеллектуализация основных факторов производства. В связи с этим развитые страны в своей макроэкономической стратегии сделали акцент на приоритет науки и высоких технологий [4, с. 161; 5, с. 247].

Описанная выше трансформация научных взглядов и подходов к управлению процессами создания и использования технологических новшеств в экономике позволила французскому исследователю науки Ж. Саломону сделать вывод, полагающий, что инновационную политику следует рассматривать как *интегрированное продолжение ее предшественниц* – научной и технологической (научно-технической), то есть «*политику более широкого спектра*» [6].

На постсоветском пространстве формирование инновационной парадигмы экономического развития началось только в первом десятилетии

наступившего века. Ее теоретические постулаты, сформулированные в первую очередь российскими и белорусскими учеными: А.А. Дынкиным, Н.И. Ивановой, В.И. Видяниным, Л.Э. Миндели, И.В. Бойко, С. Ю. Глазьевым, Л.Н. Нехорошевой, А.В. Марковым и др., составили основу государственной политической доктрины, неформальное содержание которой можно выразить отдельными постулатами. Сформулируем их:

1. Таким образом, развитие инновационной сферы не только способствует экономическому росту, но и укрепляет позиции страны на международной арене, а инновационная деятельность является ключевым элементом обеспечения национальной безопасности государства.

2. Внедрение радикальных и высокоэффективных инноваций позволяет стране достичь такого уровня развития, при котором интеллектуальная отдача становится ключевым источником ее прогресса. Это способствует укреплению экономического и технологического лидерства, повышению конкурентоспособности, а также обеспечивает национальным предприятиям возможность активно участвовать в глобальном разделении труда, получать доступ к иностранным инвестициям, передовым технологиям и современным методам управления. В результате происходит интеллектуализация производства, рост производительности труда и улучшение технологического развития экономики. [7; 8, с. 90; 9, с. 46;].

3. Инновационная политика должна быть направлена на создание условий для формирования инновационной экономики, обеспечивая разработку, внедрение и использование передовых технологий национальными компаниями. Ее ключевая задача заключается в систематизации и координации процессов развития инновационной сферы, что требует интеграции инновационных подходов в деятельность всех государственных органов, регулирующих экономическую и общественную жизнь страны [10, с. 29].

4. Наука является центральным элементом национальной инновационной системы, что подчеркивает необходимость сосредоточения государственной инновационной политики на мотивации и стимулировании интеллектуального труда. Это позволяет обеспечить развитие научного потенциала, который служит основой для формирования инновационной экономики и достижения технологического лидерства [11, с. 3; 12, с. 94].

5. Прямая поддержка национальных производств отходит на второй план. Теперь приоритетом становится создание благоприятной среды для развития предпринимательства и инноваций. Особое внимание уделяется формированию условий, которые стимулируют инновационную активность, поддерживают рискованные проекты и привлекают иностранные инвестиции в инновационную сферу [4, с. 161].

6. Коммерциализация и передача инноваций из научной сферы в производственную, а также обратная связь между ними, осуществляются через создание инновационной инфраструктуры. Эта инфраструктура представляет собой комплекс взаимосвязанных структур, которые обеспечивают реализацию инновационной деятельности и регулируют рынок научно-технической

продукции. Одной из ключевых задач такой инфраструктуры является поддержка малого научно-инновационного предпринимательства, что способствует развитию наукоемкого бизнеса и внедрению передовых технологий [1, с. 14].

7. Конкурентоспособность национальной экономики напрямую зависит от их инновационной активности и способности производственных предприятий адаптироваться к новым технологиям и подходам. В связи с этим одной из ключевых задач государственной инновационной политики становится переход от индустриальной модели развития экономики к инновационной. Такой переход предполагает создание условий для внедрения передовых технологий, стимулирования научных разработок и повышения восприимчивости предприятий к инновациям [7, с. 98; 13, с. 32].

Из проведенного анализа с очевидностью следует, что государственная инновационная политика должна носить объективно комплексный, системный для страны характер, а ее основная задача состоять в ускорении процессов научно-технического развития на основе использования интенсивных факторов производства.

Список литературы

1. *Марков А.В.* Государственная инновационная политика: теоретические основы и механизм реализации монография. – Мн.: Право и экономика, 2005. – 370 с.
2. *Инновационный менеджмент: теория и практика:* / А.В. Марков [и др.]: под науч. ред. А.В. Маркова. – Мн.: «Колорград», 2015. – 513 с.
3. *Келле В.Ж.* Инновационная система России: формирование и функционирование. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 148 с.
4. *Инновационная экономика* / А.А. Дынкин, М.В. Грачев, Н.И. Иванова и др. – М.: Наука, 2001. – 294 с.
5. *Государственное регулирование рыночной экономики.* Под ред. В.И. Видянина. – М., 2002. – с. 589.
6. *Salomon J.-J.* // *Futuribles*. Р. 1989. № 132, Р. 29-52.
7. *Львов, Д.С.* Экономика развития / Д.С. Львов. – М.: «Экзамен», 2002. – 512 с.
8. *Миндели Л.Э., Гудкова, А.А.* Наука и инновации: политика развития // *Белорусский экономический журнал*. 2001. – № 2. – С. 90-102.
9. *Глазьев С.Ю.* Переход к инновационной экономике – условие будущего развития России // *Инновации*. – 2000. – №3-4. – С. 46-51.
10. *Бойко И.В.* Национальная инновационная политика: из мирового опыта // *Проблемы и опыт*. – 2002. – № 4. – С. 28-34.
11. *Васин В.А., Миндели Л.Э.* Методологические аспекты формирования национальной инновационной системы: проблемы, пути их решения // *Инновационная экономика*. – 2004. – № 6. – С. 3-7.
12. *Инновации и экономический рост: монография* / под. ред. К. Микульского – М.: Наука, 2002. – 377 с.

13. *Яковлев А., Гончар К.* Об использовании в России опыта новых индустриальных стран в формировании "институтов развития" и стимулировании инновационного экономического роста / А. Яковлев, К. Гончар // Вопросы экономики. – 2004. – № 10. – С. 32-54.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ КАК ФАКТОРА ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ В СФЕРЕ ЗАКУПОК

Аннотация. Стремительное развитие рыночной экономики определяет постановку и решения новых задач перед кадрами. В настоящее время крайне актуальны вопросы развития компетенций в области закупок, так как требуются знания особого направления и специфические задачи их решения. Деятельность специалистов в области закупок достаточно сложная в силу выполнения различного направления задач, различающихся по отраслевым и правовым критериям.

Ключевые слова. Управление персоналом, компетенции, организация, закупки, принятие решений, рыночная экономика, человеческие ресурсы, трудовые ресурсы, кадры, персонал.

A.I. Shakiryanova,

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Department of Human Resource Management, IEU&F, K(P)FU*

TOWARD THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL COMPETENCIES AS A FACTOR IN THE EFFECTIVE DEVELOPMENT OF HUMAN RESOURCES IN THE FIELD OF PROCUREMENT

Annotation. The rapid development of market economy determines the setting and solving of new tasks for personnel. Nowadays the issues of competence development in the field of procurement are extremely relevant, as knowledge of a special direction and specific tasks of their solution are required. The activity of specialists in the field of procurement is quite complex due to the fulfillment of different direction of tasks, differing by industry and legal criteria.

Keywords. Personnel management, competencies, organization, procurement, decision-making, market economy, human resources, labor resources, personnel, staff.

Развитие и совершенствование профессиональных компетенций специалиста, несомненно, является одной из актуальных задач в управлении человеческими ресурсами в постоянно меняющейся среде хозяйствования. Личные качества в постоянном улучшении и адаптации к окружающей среде предприятия выступают основным инструментом специалиста.

Актуальны в настоящее время и знания в области профессионального управления закупками в целях эффективного управления бюджетами предприятия любых форм собственности. Управленцы в области закупок должны иметь необходимые знания в методологии процесса закупочной деятельности, в том числе, выполнять стандартные функции планирования, контроля, использовать разнообразные методы и инструменты управления рисками и ресурсами всех форм. В настоящее время крайне актуальны

специфические знания в сфере закупок для хозяйственных нужд, а также анализ особенностей управления финансами, знания нормативной базы всего процесса закупочной деятельности. Анализ специальной литературы свидетельствует, что есть ряд проблем обеспечения достаточного уровня профессионализма для управленцев данного звена [1]. Они обобщены на рисунке 1.

Ряд проблемных вопросов можно решить на макроуровне следующим образом.

Во-первых, постоянно разрабатывать и совершенствовать программы обучения для данного узкого профиля специалистов, во-вторых, реализация и функционирование специальных структур для обеспечения стабильности и нежелательной текучести кадров в этой сфере, в – третьих, разрабатывать и содействовать развитию научных исследований в направлении закупок с целью повышения их эффективности для целей государства.

Как известно, профессионализм и компетентность сотрудника должна быть главным звеном в управлении закупками.

Рисунок 1 - Проблемы обеспечения достаточного уровня профессионализма для управленцев в сфере закупок [сост.автором]

Практический интерес представляет традиционная, или так называемая, «знаниевая» парадигма обучения, предложенная Болонской системой. Для более эффективной применимости в практике, ассоциацией европейского сообщества работодателей она была дополнена «деятельностной» (компетентностной) парадигмой. В настоящее время, такая образовательная модель получила название компетентностной. Обратим внимание на международные исследования в области компетентностной парадигмы [2].

По мнению международных ученых необходимы три группы навыков или компетенций, которые представлены на рисунке 2.

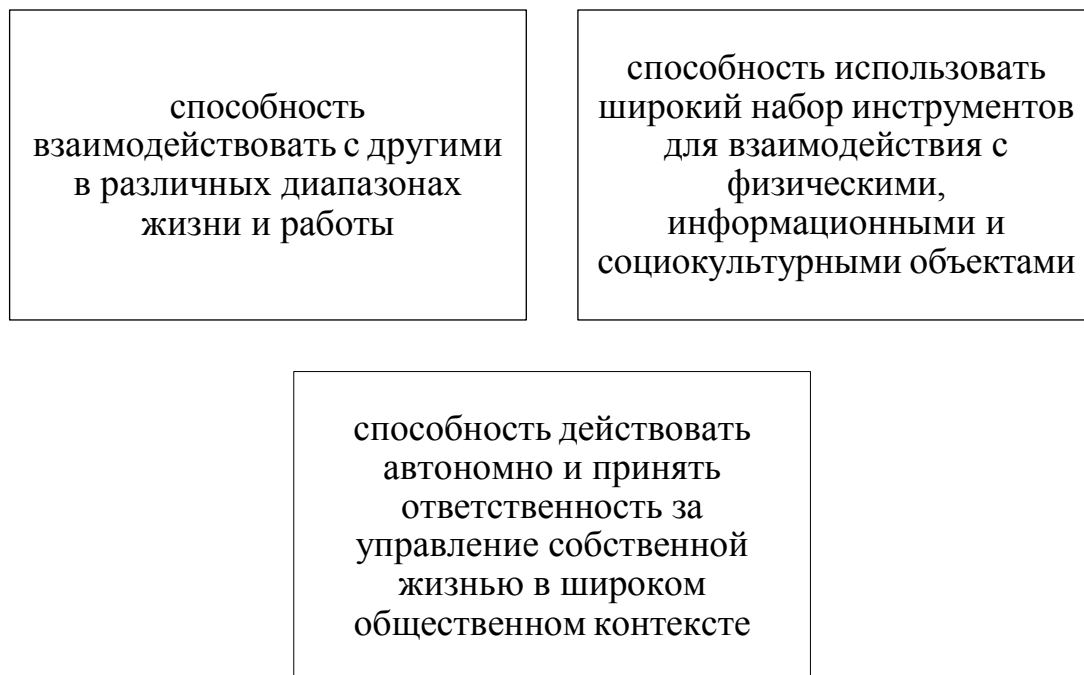

Рисунок 2 – Главные навыки, необходимые для профессионализма управленца [сост. автором].

Как мы видим, в данных навыках особое внимание уделяется на реализацию способности управленца к взаимодействию с физическими, информационными, социокультурными объектами, с другими людьми и умение брать риски и ответственность за действия в профессиональной деятельности. Существуют различные классификации систем компетенций, среди которых представляют интерес европейская система. Отметим, что изначально она была разработана при участии более 100 университетов из 16 стран, подписавших Болонскую декларацию. Интерес представляет так называемая персональная компетенция, наличие которой на наш взгляд, крайне важно для управленца в сфере закупок. Европейская система охватывает несколько групп компетенций [2].

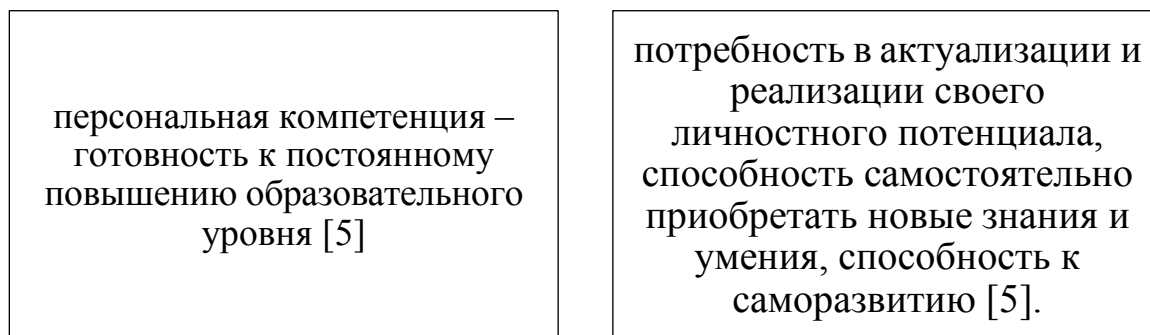

Рисунок 3 – Главные навыки, необходимые для профессионализма управленца [сост.автором]

Таким образом, на наш взгляд, управленец должен демонстрировать такие навыки, которые реализуются в успешности и в качественном своеобразии освоения и реализации деятельности.

Профессиональные навыки формулируются на наш взгляд, как реализация способностей в деятельности, где зафиксированы документально предмет, метод и средства достижения заданной цели, где четко определены параметры и критерии создаваемой услуги, а также возможности оценки выполняемого труда [3].

Профессиональные навыки также контролируются на уровне государства, этими вопросами занимается Министерство труда РФ, ВНИИ Труда Министерства труда России. Как известно, профессиональный стандарт описывает требования к квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности, в том числе выполнения конкретной трудовой функции; в свою очередь, квалификация работника – это его уровень знаний, умений, профессиональных навыков и имеющегося у него опыта работы [4, ст. 195.].

Какие же профессиональные навыки первостепенны? Нами была обобщена литература, изучены данные специализированных форумов, на основании чего представлен рисунок 4 в форме таблицы с перечнем главных навыков управленца в сфере закупок.

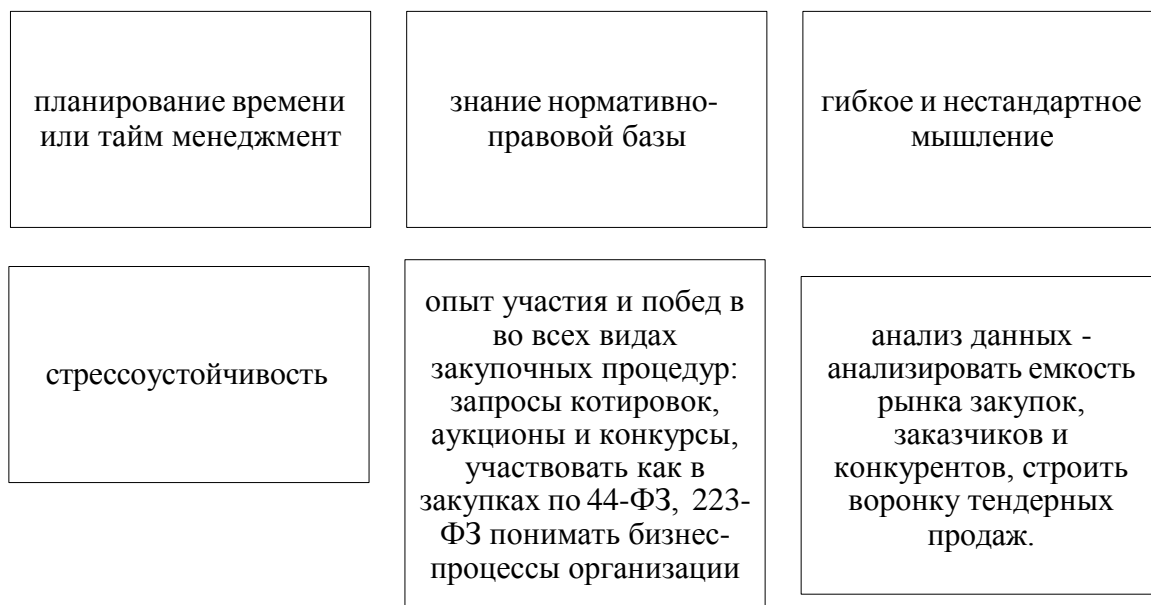

Рисунок 4 – Матрица личных качеств специалиста в области закупок
[сост.автором]

Отметим, что крайне важно развитие профессиональных навыков управленцу в сфере закупок осуществлять в среде профессионального сообщества.

Список литературы

1. *Мильнер Б. З.* Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями: монография / под ред. Б. З. Мильнера. — Москва: ИНФРА-М, 2021. — 624 с. — (Научная мысль). - ISBN 978-5-16-003649-6. — Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/1216871> (дата обращения 25.02.2025).
2. *Остыловская О.А.* Профессиональные компетенции: структура, состав, особенности формирования: учебное пособие / О.А. Остыловская, М. М. Манушкина, В. Н. Шестаков. - Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. - 62 с. - ISBN 978-5-7638-4363-7. — Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/1816535> (дата обращения: 26.02.2025).
3. *Насипова С. Б.* Компетентность в управлении государственными проектами / С. Б. Насипова // Мир науки, культуры, образования. — 2024. — № 3(106). — С. 101-103. — DOI 10.24412/1991-5497-2024-3106-101-103. — EDN DKMCWK.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации, ст. 195.1. — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 25.02.2025).

ЦИКЛИЧНОСТЬ РАЗВИТИЯ РЫНКА ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ В МИРЕ

Аннотация. В работе рассмотрено развитие рынка недвижимости и вопросы теории цикличности кризисов, влияющих на рынки недвижимости. Авторами рассмотрены и классифицированы факторы, влияющие на трансформацию мирового рынка недвижимости. Проведен анализ динамики цен на рынке недвижимости в Российской Федерации.

Ключевые слова. Рынок недвижимости, жилая недвижимость, мировая экономика, спрос и предложение, благосостояние населения, экономический кризис.

R.Kh. Yagudin,

*Doctor of Medical Sciences,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Kazan (Volga region) Federal University,*

V.R. Gaynutdinov,

*Postgraduate student,
Kazan (Volga Region) Federal University*

CYCLICITY OF THE DEVELOPMENT OF THE RESIDENTIAL REAL ESTATE MARKET IN THE WORLD

Abstract. The paper examines the development of the real estate market and issues of the theory of cyclical crises affecting real estate markets. The authors examine and classify factors affecting the transformation of the global real estate market. An analysis of price dynamics in the real estate market in the Russian Federation is conducted.

Keywords. Real estate market, residential real estate, global economy, demand, supply.

Развитие рынка недвижимости является во всем мире одним из показателей благосостояния населения, так как формирование платежеспособного спроса базируется на растущих доходах конечных потребителей недвижимости. Экономический кризис в первую очередь влияет на изменения на рынке недвижимости. Хронология мировых кризисов на рынке недвижимости иллюстрирует цикличность этого рынка [1]. Каждый кризис можно рассмотреть как переход между фазами цикла: восстановлением, экспансией, гиперпредложением и рецессией.

В США быстрый рост цен на недвижимость в начале 1920-х годов совпал с фазой экспансии, где спрос значительно превышал предложение. К 1926 году рынок достиг стадии гиперпредложения, когда цены начали резко падать, переходя в фазу рецессии. Обрушение биржевых котировок в Соединенных

Штатах в 1987 году, сопровождавшееся последующим падением цен на недвижимость на 40–45%, свидетельствует о завершении фазы гиперпредложения и начале рецессии. Данный кризис продемонстрировал, насколько уязвим рынок при перепроизводстве и завышенной оценке активов. В 2007 году в США начался новый этап, получивший название ипотечного кризиса. Экспансия 2000-х годов, сопровождаемая доступностью кредитов и высокими ценами, переросла в гиперпредложение. Завышенные оценки активов и рост ипотечной задолженности привели к краху, погрузив рынок в глубокую рецессию [2].

В 1980-х рынок недвижимости в Японии находился в стадии активной экспансии с ежегодным ростом цен на 15–20%. Данный рост превратился в «пузырь», достигший пика в 1986–1987 годах (гиперпредложение). Резкое повышение процентных ставок в начале 1990-х спровоцировало рецессию, а цены упали на 50%.

В 1997–1998 годах разразился азиатский кризис. Перед кризисом рынок находился в стадии гиперпредложения, вызванной бурным ростом цен на недвижимость в 1980-х – 1990-х годах. Обвал валют в странах региона привёл к резкой рецессии. Падение цен и снижение инвестиционной активности стали результатом перепроизводства и макроэкономической нестабильности.

В России в 1998 году произошел экономический кризис на фоне азиатского кризиса. В 1990-х российский рынок находился в стадии восстановления после перехода к рыночной экономике. Однако валютная нестабильность и снижение покупательной способности погрузили рынок в рецессию. Цены на квартиры упали на 50%, что свидетельствует о недостаточном уровне экспансии.

Российский рынок достиг фазы гиперпредложения в начале 2008 года из-за активного строительства, вызванного высокими ценами на нефть. Падение мировых цен на нефть и ослабление рубля привели к рецессии. Фазы цикла недвижимости тесно связаны с макроэкономическими условиями. Экспансия и гиперпредложение характерны для периодов экономического роста и доступного кредитования, в то время как рецессии связаны с шоками и изменениями процентных ставок. По мнению Печенкиной В.В. и Иванова Е.А., «ипотека влияет на изменение цен на недвижимость и зачастую является катализатором цикличности. Циклы протекают по классической схеме, но развивается скорость прохождения фаз» [3]. В периоды экономического спада наблюдается сокращение объемов выдачи ипотечных займов, что сопровождается снижением темпов жилищного строительства. В то же время в условиях экономического подъема происходит увеличение объемов ипотечного кредитования и объемов возводимого жилья [4].

Рассмотрим цены в Российской Федерации на рынке жилья (первичный и вторичный рынок квартир, тыс. руб. за 1 кв.м.), среднюю номинальную заработную плату (тыс. руб.) и средневзвешенную процентную ставку по ипотечным и жилищным кредитам (ИЖК) с 2000 по 2024 гг. (I квартал) (рис. 1).

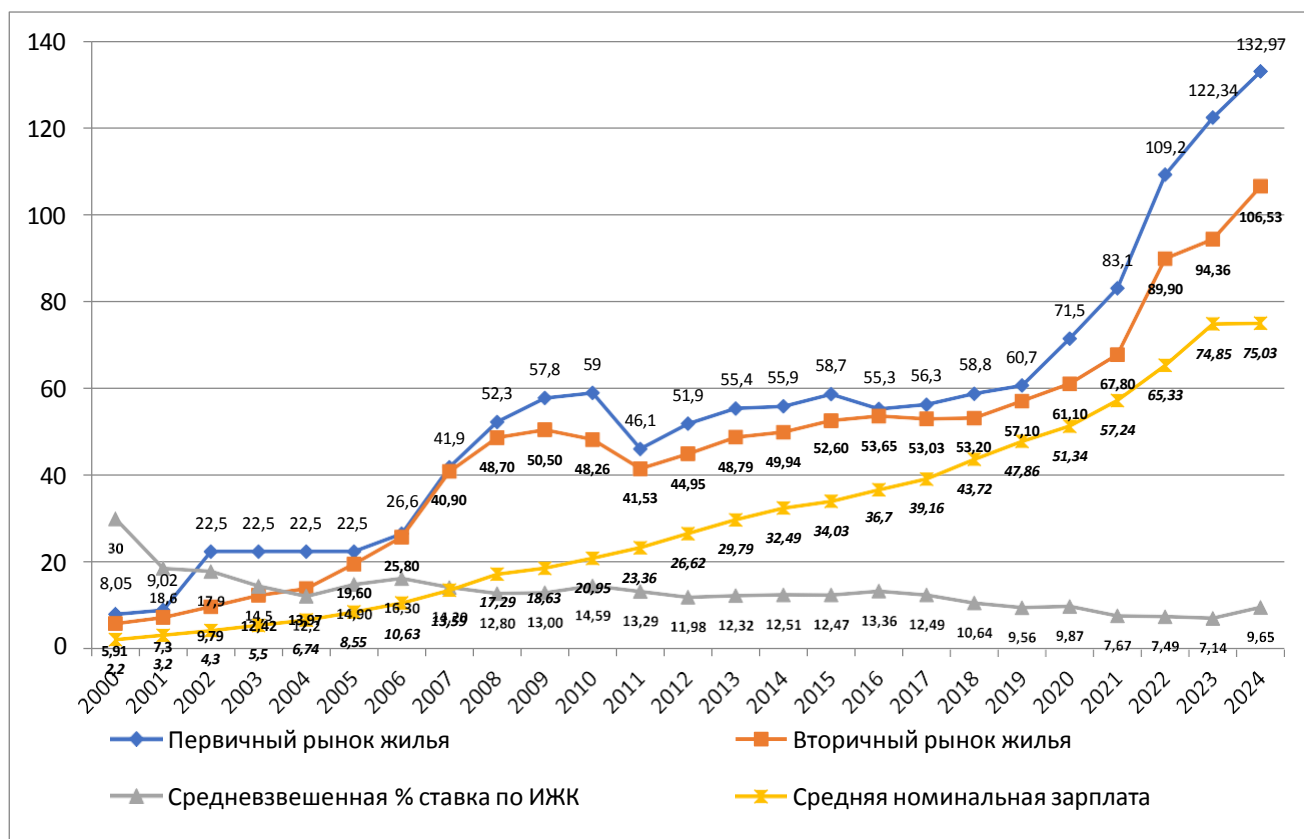

Рис. 1. Цены в РФ на рынке жилья (первичный и вторичный рынок квартир, тыс. руб. за 1 кв.м.), средняя номинальная заработная плата в месяц (тыс. руб.), средневзвешенная процентная ставка по ипотечным и жилищным кредитам (ИЖК) с 2000 по 2024 гг. (I квартал)

Источники: составлен на основе данных Федеральной службы государственной статистики [5], Банка России [6].

Данные рисунка 1 отражают российский рынок недвижимости через призму его цикличности и взаимосвязи с макроэкономическими факторами. В начале рассматриваемого периода (2000-е годы) рынок находился в фазе восстановления, что проявлялось в умеренном росте цен на фоне повышения заработной платы. Доступность ипотечных кредитов в этот период была сравнительно низкой из-за высоких процентных ставок. На протяжении указанного периода наблюдается устойчивый рост цен на первичном и вторичном рынке жилья. Средняя номинальная заработная плата показывает постепенный рост, однако темпы её роста не всегда синхронны с изменениями цен на жилье. Далее рынок перешел в фазу экспансии, характеризующуюся активным ростом цен на жилье, ускорением темпов строительства и улучшением условий кредитования.

В период гиперпредложения, который можно наблюдать в 2008 году, рынок столкнулся с кризисом на фоне мирового финансового спада. Рост цен замедлился, а ставки по ипотечным кредитам временно увеличились, что ограничило доступ к жилью. Данный кризис подтвердил зависимость отечественного рынка от глобальных макроэкономических факторов.

После 2010 года рынок вошел в стадию нового восстановления, однако, кризисы 2014 и 2022 годов вновь показали уязвимость рынка к внешним шокам, что привело к временным спадам в активности. В кризисные периоды (2008, 2014, 2022) темпы роста замедлялись и возникали краткосрочные спады. Данные графика подтверждают цикличность рынка недвижимости, где изменения в макроэкономических условиях оказывают влияние на спрос и предложение.

Эволюция и цикличность мирового рынка недвижимости представляют собой взаимосвязанный процесс. Эволюция рынка отражает долгосрочные структурные изменения, включая развитие прав собственности, внедрение новых технологий, изменение моделей использования недвижимости и глобализацию. Цикличность демонстрирует краткосрочные колебания, обусловленные экономическими циклами, спросом, предложением, доступностью кредитования.

Каждая фаза цикла — восстановление, экспансия, гиперпредложение и рецессия — напрямую связана с этапами эволюции. Например, снижение процентных ставок в фазе восстановления стимулирует спрос и активизирует строительство, влияя на трансформацию рынка. Периоды рецессии, напротив, замедляют эволюционные изменения. Эволюция формирует фундаментальные условия рынка, а цикличность отражает краткосрочные периоды адаптации к этим условиям.

Для более четкого понимания того, какие именно силы влияют на трансформацию рынка, его колебания, цикличность и фазы, представляется необходимым структурировать основные факторы, разделив их на два основных вида: эволюции мирового рынка недвижимости и цикличности рынка недвижимости. Результаты данной классификации представлены в таблице 1.

Из данных, представленных в таблице 1, нами сделан вывод, что эволюционные факторы формируют изменения в структуре рынка в долгосрочной перспективе и задают «вектор развития», тогда как факторы цикличности обуславливают волнообразное движение рынка (краткосрочные и среднесрочные колебания) в рамках уже существующих (или формирующихся) структурных условий, создавая сложную и взаимозависимую динамику мирового рынка недвижимости. Наш вывод подтверждает ряд исследований [7], [8], [9].

Ранее в нашей работе [10] мы отмечали, что «эволюция рынка жилой недвижимости представляет собой результат многовековых изменений, связанных с развитием права собственности, экономических институтов, социальных отношений и технологических инноваций. От первых форм регистрации сделок в шумерской цивилизации и римского права до появления цифровых платформ XXI века — каждая историческая эпоха вносила свой вклад в формирование современных принципов владения, использования и управления недвижимостью. Каждое эпохальное преобразование в долгосрочном горизонте изменяет структуру рынка» [10, с.131-132].

Таблица 1

Классификация факторов, влияющих на трансформацию мирового рынка
недвижимости *

Факторы эволюции рынка недвижимости		
1	Экономические	Включают долгосрочные изменения в макроэкономике, такие как рост ВВП, глобализация и изменение трендов потребительского поведения
2	Технологические	Внедрение цифровых технологий, развитие «умных» зданий, экологическое строительство
3	Социальные	Изменение стиля жизни, рост урбанизации, увеличение продолжительности жизни
4	Правовые	Эволюция прав собственности, создание новых финансовых инструментов, изменения законодательства, санкции, торговые войны
5	Мировые	Глобализация рынков, международные инвестиции, стандартизация
Факторы цикличности рынка недвижимости		
1	Макроэкономические	Изменения процентных ставок, инфляция, уровень занятости, заработная плата
2	Финансовые	Доступность ипотечного кредитования, динамика инвестиционных потоков
3	Демографические	Изменение численности населения, миграционные потоки
4	Предложение и спрос	Избыточное строительство, дефицит жилья, региональная специфика
5	Экзогенные	Экономические кризисы, природные катаклизмы, пандемии

Источник: составлено авторами на основе проведенного исследования

Исторические примеры — от кризисов в США и Японии до рецессий в Азии и России — свидетельствуют о том, что рынок недвижимости реагирует как на внутренние экономические факторы (процентные ставки, занятость, уровень доходов, предложения нового жилья), так и на внешние шоки (мировые финансовые кризисы, геополитические события). При этом каждое существенное колебание рынка не только наносит урон экономике, но и стимулирует появление новых механизмов защиты, более сложных форм финансовых инструментов (например, REIT), а также совершенствование правового регулирования.

Как ранее мы писали в работе [10] «эволюция и цикличность рынка недвижимости представляют собой две стороны одного процесса. Совокупность эволюционных изменений и циклических колебаний определяет характер мирового рынка недвижимости. Данные исторического опыта свидетельствуют, что чем активнее и продолжительнее фаза экспансии, тем

более ощутимыми могут оказаться последствия последующего спада. Итогом проведенного анализа является понимание двуединой природы рынка недвижимости: фундаментальные (эволюционные) тренды определяют долгосрочное развитие, а цикличность обеспечивает волнообразную адаптацию к текущей экономической и институциональной среде» [10, с.133].

Таким образом, на основе проведенного анализа нами выявлены и классифицированы факторы, влияющие на трансформацию мирового рынка недвижимости, что позволит в дальнейшем использовать эти результаты при разработке механизма сглаживания отрицательных эффектов влияния экономических кризисов на рынок недвижимости.

Список литературы

1. *Никифоров С.А.* Хронология мировых кризисов на рынке недвижимости // Российское предпринимательство. – №4-1. – 2009. – С. 4-9.
2. *Liow K.* Cycles and Common Cycles in Real Estate Markets // International Journal of Managerial Finance. – 2007. – №3. – Рр. 287-305.
3. *Печенкина В.В., Иванова Е.А.* Анализ цикличности рынка жилой недвижимости // Экономический анализ: теория и практика. – №5. – 2011. – С. 24-30.
4. *Клименко Н.А.* Анализ динамики ипотечного кредитования в периоды экономических спадов и подъёмов в России // Финансы и учетная политика. – №1 (5). – 2019. – С. 16-21.
5. Федеральная служба государственной статистики. Рынок труда, занятость и заработная плата. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries?print=1 (дата обращения: 12.10.2024).
6. Банк России. Статистический сборник «Сведения о рынке жилищного (ипотечного жилищного) кредитования в России». – Режим доступа: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/bank_sector_review/ (дата обращения: 12.10.2024).
7. *Фахрутдинова Е.В., Мокичев С.Д.* Сетевая организация структуры собственности в модернизируемой экономике // Экономические науки. – 2011. – № 77. – С. 123-129.
8. *Фахрутдинова Е.В.* Практика реализации национальных программ в сфере жилищного строительства // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – № 6. – С. 104-107.
9. *Фахрутдинова Е.В.* Зарубежный опыт реализации национальных программ в сфере жилищного строительства // Экономические науки. – 2008. – № 49. – С. 74-78.
10. *Ягудин Р.Х., Валеев Э.Р., Гайнутдинов В.Р.* Эволюция рынка жилой недвижимости в мире // Экономические науки. – 2024. – № 241. – С. 129-133. – DOI 10.14451/1.241.129.

ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ В ПРИНЯТИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. При проведении исследования нами рассмотрены вопросы рационального поведения индивида в условиях динамики инновационной среды, что дает возможность понимать и предсказывать сложные взаимосвязи в процессах принятия решений в условиях быстрых технологических и инновационных сдвигов. Анализ иррационального поведения человека позволяет авторам выявить зоны его влияния и разработать механизмы его нивелирования.

Ключевые слова. Рациональное поведение, инновационные изменения, инновационный человеческий потенциал.

R.Kh. Yagudin,

*Doctor of Medical Sciences,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Kazan (Volga region) Federal University,*

O.A. Nesterova,

*Postgraduate student,
Kazan (Volga Region) Federal University*

IRRATIONALITY IN ECONOMIC DECISION-MAKING IN THE CONDITIONS OF AN INNOVATIVE ECONOMY

Abstract. During the research, we considered the issues of rational behavior of an individual in the context of the dynamics of the innovation environment, which makes it possible to understand and predict complex relationships in decision-making processes in the context of rapid technological and innovative shifts. The analysis of irrational human behavior allows the authors to identify areas of its influence and develop mechanisms for its leveling.

Keywords. Rational behavior, innovative changes, innovative human potential.

Традиционная экономическая модель рационального поведения человека предполагает поступательный процесс последовательного принятия решения. Однако это предположение не всегда справедливо в реальных условиях жизни. Понимание иррациональных мотивов помогает преодолеть разрыв между теоретическими обоснованиями принятия разумных и экономически выверенных решений и реальным поведением людей, что в свою очередь позволяет создать более точную и реалистичную экономическую модель.

Изучение иррациональности, как обратной стороны рациональности в процессе принятия экономических решений, дает понимание важности и актуальности факторов трансформации рационального поведения человека с

тем, чтобы сформировать инструменты и подходы к повышению экономической рациональности населения, а следовательно, улучшению их социально-экономических условий жизни. Такой подход представляет собой важный шаг на пути к более целостному пониманию экономических решений человека. В словаре русского языка С.И. Ожегова иррациональность определяется как «нечто, противостоящее рациональному познанию или противоречащее ему» [1].

Луис Баудин в своем труде «Иррациональность в экономике» отмечает, что в классической экономике индивидум всегда описывается, как действующий рационально, однако это представление далеко от реальности. Необходимо учитывать иррациональные аспекты как экономический феномен [2].

По мнению Герберта А. Саймона, «лицо, принимающее решение... не обладает достаточным умом, чтобы найти «оптимальный» путь действий. Человек удовлетворен своим выбором, потому что у него недостаточно ума максимизировать пользу» [3]. Саймон считает, что решения, принимаемые в реальном мире, часто предполагают скорее удовлетворительное, чем оптимальное решение, что подчеркивает разрыв между теоретической рациональностью и реальной ограниченной рациональностью человеческого поведения.

Так, статья Е.А. Губертова и М.Д. Прибылых освещает тему иррационального поведения человека в экономике, акцентируя внимание на вкладе нобелевских лауреатов Д. Канемана, Д. Акерлофа и Р. Шиллера в развитие актуальных вопросов поведенческой экономики. Авторы приходят к выводу, что иррациональные решения субъектов хозяйствования могут влиять на деловые циклы и предполагают, что учет этих иррациональных факторов может способствовать более быстрому преодолению кризисных явлений в мировой экономике. Основное внимание уделяется тому, как психологические ошибки и иррациональные паттерны в поведении людей влияют на экономические решения и процессы [4].

Понимание иррационального поведения людей может помочь в разработке эффективной государственной политики, так как способствуют принятию таких законодательных инициатив, которые подталкивают людей к более рациональному, финансово обоснованному и/или экологичному выбору. Так, Ричард Х. Талер и Касс Р. Санстейн пишут о теории «мягкого подталкивания»: «Зная, как люди принимают решения, мы можем облегчить им выбор того, что лучше для них, их семей и общества» [5].

Иррациональное поведение может пагубно сказаться на финансовом благополучии человека, например, недостаточные сбережения для выхода на пенсию или чрезмерные долги. Изучая паттерны иррационального экономического поведения, государственные деятели могут разрабатывать целевые программы, направленные на повышение финансовой и цифровой грамотности, что в конечном итоге поможет людям принимать более рациональные финансовые решения.

А. Лусарди подчеркивает значимость финансовой грамотности, указывая на её связь с увеличением семейного богатства. Она отмечает, что люди, обладающие более глубокими знаниями в финансах, чаще занимаются планированием своего будущего выхода на пенсию [6].

Финансовые рынки зачастую подвержены влиянию коллективного иррационального поведения, что приводит к «пузырям» и крахам активов. Более глубокое понимание этой причинно-следственной связи может помочь государственным органам и участникам рынка выявлять ранние признаки нестабильности и принимать меры по снижению чрезмерной волатильности.

Роберт Дж. Шиллер указывает на основные причины спекулятивных пузырей. Так, повышение цен на активы привлекает внимание населения и стимулирует увеличение покупок и, как следствие, вызывает ажиотажное повышение цен [7].

Распространению новых технологий часто мешает иррациональное сопротивление изменениям со стороны потребителей, изучение и понимание которых может помочь разработать пути преодоления барьеров восприятия инноваций людьми, обеспечивая быстрое внедрение полезных новшеств среди широких слоев населения. По мнению Э. М. Роджерса, люди, которые принимают инновации на ранних этапах, имеют иные характеристики, чем те, кто принимает инновации позже [8].

По мнению Д. Канемана, понимание того, каким образом люди отклоняются от рациональных моделей поведения, описываемых в классической экономической теории, может улучшить понимание экономического поведения и помочь в разработке государственной политики [9].

Рассмотрим более подробно, к чему могут привести иррациональные экономические решения человека. Так, участие в финансовых пирамидах, или, в так называемых пирамидах Понци, приводит человека к потере его денежного вклада. Одной из самых скандально известных финансовых пирамид в России стала схема МММ, основанная Сергеем Мавроди в 1990-х годах. Она стала одной из крупнейших в мире схем Понци, и, по оценкам, примерно около 10 миллионов человек потеряли свои сбережения. Несмотря на понимание мошеннического характера организации, многие инвесторы надеялись вывести свои деньги до того, как схема рухнет.

Опасность финансовых пирамид заключается в механизме нерационального принятия решений человеком. Когнитивные предубеждения, такие как чрезмерная уверенность и ожидание быстрой выгоды, могут омрачить суждения, заставляя людей игнорировать сомнительный характер этих схем. Прелесть кажущейся легкой прибыли может нарушить логическую оценку рисков, следовательно, иррациональные факторы играют решающую роль в привлекательности инвестиций в финансовые пирамиды. Такое иррациональное поведение не только ставит под угрозу личные финансы, но и может иметь более широкие экономические последствия для страны.

Так, за 2023 год Центральный банк РФ обнаружил свыше 5,7 тысяч финансовых пирамид и нелегальных представителей финансовых услуг. В 2023 году количество выявленных финансовых пирамид увеличилось на 46% по сравнению с предыдущим годом, а число нелегальных кредиторов возросло на 9%. Подавляющее большинство мошеннических схем и незаконных организаций использовали для продвижения социальные сети и мессенджеры, причем многие из них функционировали исключительно через интернет, не имея офисов [10].

Связь между решением инвестировать денежные средства в финансовые пирамиды и отсутствием финансовой грамотности очевидна. Финансовые пирамиды процветают благодаря отсутствию знаний основных финансовых принципов у участников. Факторами иррационального поведения в сфере принятия экономических решений (на примере финансовых пирамид) могут быть как неспособность идентифицировать «красные флаги» финансовых пирамид, так и отсутствие понимания принципов инвестирования.

Люди с ограниченной финансовой грамотностью не всегда могут распознать признаки финансовой пирамиды, такие как, например, обещания нереально высокой доходности без риска потерь. Понимание основных финансовых закономерностей помогает людям критически оценить свои инвестиционные возможности и отличить законные инвестиционные инструменты от мошеннических схем. Если человек не принимает компромисса между риском и доходностью, то с высокой степенью вероятности он может стать жертвой финансовых пирамид. Знание элементарных основ финансовой грамотности предполагает понимание того, как обычно работают инвестиции, включая тот факт, что более высокая доходность почти всегда связана с более высокими рисками.

Следующими факторами, влияющими на иррациональность поведения, являются убедительная тактика финансовых аферистов и влияние окружения. Организаторы финансовых пирамид обычно используют агрессивный маркетинг для набора новых членов. И если у человека отсутствует понимание финансовых мошеннических схем, то ему легко попасть под влияние подобных сомнительных организаций. На финансово неграмотных людей могут оказывать влияние экономические решения сверстников, родственников, коллег и прочих представителей близкого социального окружения.

Иррациональное поведение в определенной степени «заразительно», а именно, если человек декларирует свои инвестиции в финансовую пирамиду как надежные и правильные, то существует большая вероятность того, что люди из его близкого социального круга также попадут под влияние когнитивных искажений и примут иррациональные экономические решения. Если друзья или члены семьи присоединяются к пирамиде, то люди могут последовать их примеру, не понимая финансовых последствий. При этом, есть страновые различия в формировании экономической прибыли [12]. Не следует забывать и о потребностях [13], [14].

По нашему мнению, повышение финансовой грамотности является важным инструментом в борьбе с иррациональными инвестициями в финансовые пирамиды. Образовательные программы, которые сосредоточены на фундаментальных финансовых принципах, оценке рисков и критическом мышлении, призваны помочь людям принимать обоснованные решения и распознавать мошеннические инвестиционные схемы.

Следующим примером иррационального поведения в сфере принятия экономических решений являются случаи личного банкротства в следствии высокой за кредитованности. Банкротство представляет собой процесс, который дает возможность индивиду (физлицо или ИП) избавиться от обязательств по долгам перед кредиторами. Личное банкротство проистекает из ряда нерациональных финансовых решений, обусловленных когнитивными искажениями и непониманием принципов финансового управления.

Список литературы

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: Мир и образование, 2021. – 1376 с.
2. *Louis Baudin*, Irrationality in Economics // The Quarterly Journal of Economics. – 1954. – Vol. 68. – Issue 4. November. – Pp. 487–502.
3. *Simon H.A.* (1955). A Behavioral Model of Rational Choice // The Quarterly Journal of Economics. – 69(1). – Pp. 99-118.
4. *Губертов Е.А., Прибылых М.Д.* Иррациональное поведение человека в экономике // Вестник магистратуры. – 2013. – № 4 (19). – С. 92-96.
5. *Thaler R.H., & Sunstein C.R.* Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness // Yale University Press. – 2008.
6. *Lusardi A., Mitchell O.S.* (2014). The Economic Importance of Financial Literacy: Theory and Evidence // Journal of Economic Literature. – 52(1). – Pp. 5-44.
7. *Shiller R.J.* (2015). Irrational Exuberance // Princeton University Press.
8. *Rogers E.M.* (2003). Diffusion of Innovations, 5th Edition // Free Press.
9. *Kahneman D.* (2003). Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics // The American Economic Review. – 93(5). – Pp. 1449-1475.
10. Центральный банк РФ. – Режим доступа: <https://cbr.ru/press/event/?id=18415> (дата обращения 15.12.2024).
11. *Нестерова О.А.* Особенности и противоречия формирования и развития инновационного человеческого потенциала // Казанский экономический вестник. – 2021. – № 4(54). – С. 62-70.
12. *Fakhrutdinova E., Kirshin I., Kolesnikova J., Salyakhov E.* The influence of cross-country technological transfer on economic profit formation // Middle East Journal of Scientific Research. – 2013. – Vol. 17. – No. 12. – Pp. 1632-1634.
13. *Фахрутдинова Е.В.* Диалектика потребностей человека // Экономические науки. – 2009. – № 57. – С. 43-47.
14. *Фахрутдинова Е.В., Васильев А.К.* Потребности и качество жизни человека: аспекты взаимодействия // Экономические науки. – 2009. – № 59. – С. 90-93.

Р.Х. Ягудин,
доктор медицинских наук,
кандидат экономических наук,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Р.А. Шакиров,
ассистент,
кафедра маркетинга,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ДЕМОНСТРАТИВНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. В статье рассматривается трансформация концепции демонстративного потребления, и приводится актуальная модель института демонстративного потребления в экономике постиндустриального общества.

Ключевые слова. Праздный класс, институт демонстративного потребления, подставное демонстративные потребители, иррациональное потребительское поведение.

R. Kh. Yagudin,
Doctor of Medical Sciences,
Candidate of Economic Sciences,
Kazan (Volga Region) Federal University

R.A. Shakirov,
Assistant Professor,
Department of Marketing,
Kazan (Volga Region) Federal University

TRANSFORMATION OF THE INSTITUTION OF CONSPICUOUS CONSUMPTION IN THE MODERN ECONOMY

Abstract. The article delves into the transformation of conspicuous consumption and presents an updated framework for understanding its role within the economy of a post-industrial society.

Keywords. Leisure class, institution of conspicuous consumption, proxy conspicuous consumers, irrational consumer behavior.

Введенное в экономическую науку Т. Вебленом понятие особых социально-экономических отношений, определенное им как демонстративное потребление, первоначально относилось к группе праздного класса (англ. leisure class) [1]. Этот социальный слой образовывал нобилитет, имел исключительное благосостояние благодаря устойчивым источникам дохода, традиционно в виде земельной ренты. Репрезентанты праздного класса практиковали нарочитое потребление, цель которого – подчеркнуть их высокий имущественный и социальный статус. Размеры и форма потребления характеризовались расточительностью, значительно превышали человеческие потребности, чем подчеркивалась дистанция от нижестоящих классов.

Изменение общественных отношений в постиндустриальную эпоху, принятие новых норм потребительского поведения, появление новых сдерживающих факторов (экономическая глобализация, технологические инновации и цифровизация, социальная ответственность и ориентация на саморазвитие, повышенное внимание медиа) сделало демонстративное потребление более сложным, многогранным [2]. В современном обществе появляются новые формы демонстрации статуса, которые не делают явный акцент на потребление статусных товаров или бессмысленную расточительность.

Актуальные модели демонстративного потребления показывают существенное изменение топологии данного института, и форм его функционирования в современной экономике [3], [4]. Во-первых, меняется состав акторов демонстративного потребления: наряду с истинными праздными потребителями, заметно увеличивается класс подставных праздных потребителей, экономических агентов, которые создают видимость достатка и имитируют праздную жизнь. Растет роль промоутеров и медийных посредников, которые транслируют данные о знаках демонстративного потребления, во многом формируют ценность этих знаков и определяют стандарты демонстративного потребления. Компании, традиционно удовлетворявшие запрос на статусные блага, переориентируются на более многочисленный класс подставных праздных потребителей, предлагая товары, которые эмулируют, фальсифицируют или замещают предметы роскоши. Во-вторых, существуют уже приведенные выше институциональные факторы, которые снижают приемлемость традиционных форм демонстративного поведения.

На рис.1 приведена авторская модель института демонстративного потребления, где визуализируется взаимовлияние отдельных акторов под общим влиянием институциональных факторов. Поскольку процесс не является односторонним, происходит обмен информацией, усвоение текущих и поиск новых норм потребления, реакция в виде производства благ как для истинного, так и для подставного демонстративного потребления. При этом акторы испытывают непрекращающееся влияние институциональных факторов, реагируют, противодействуют или адаптируются к ним.

Институциональные факторы

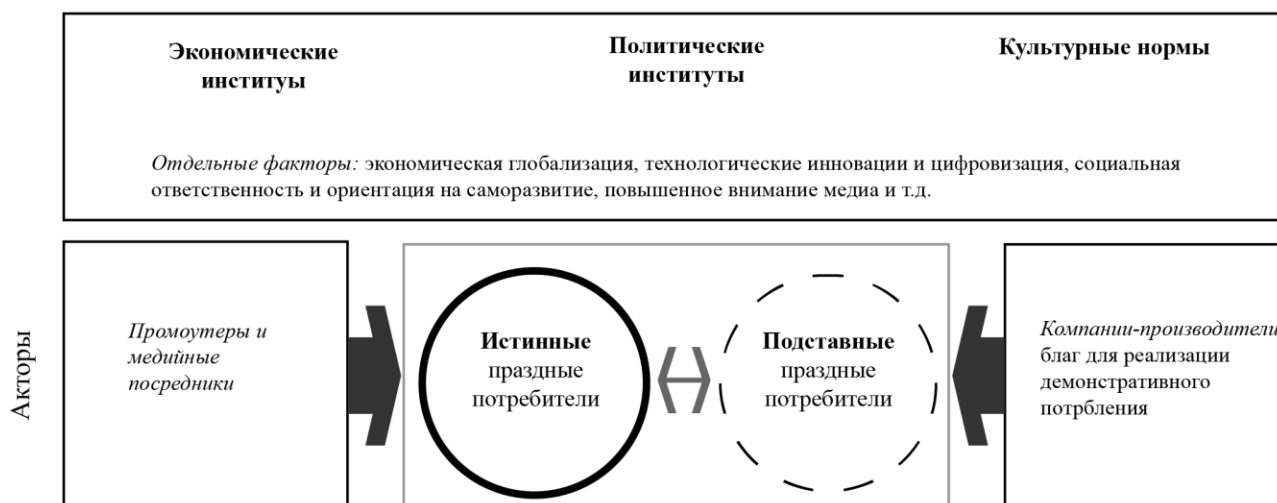

Рисунок 1. Общая модель института демонстративного потребления.

Современные модели демонстративного потребления, как истинного, так и подставного, должны не противоречить социальным нормам и согласоваться с общественными ценностями. В противном случае цель демонстративного потребления может достигнуть противоположной цели, т. е. не подтвердить или повысить социальный статус и состоятельность, а снизить его, маргинализировать, дезаптивировать участника социоэкономических отношений. Отметим, что в настоящих экономических условиях, стоит уделять существенное внимание именно подставному демонстративному потреблению, поскольку данный феномен включает в свою орбиту значительно большее количество участников и экономических структур, а также потенциально может нести большие негативные экономические последствия, ухудшать качество жизни для широких социальных слоев, при условии укоренения иррациональных негативных практик подставного праздного потребления.

Список литературы

1. Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984. – 367 с.
2. Аузан, Дорошенко, Калягин: Институциональная экономика. Новая институциональная экономическая теория. Учебник; Издательство Проспект, 2024 г. – 448 с.
3. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. – М.: Дело, 2003. – 566 с.
4. Зарецкий А.Д. «Праздный класс» современной России // Экономическая наука современной России. – 2008. – №1(40). – С. 164–168.
5. Фахрутдинова Е.В. Качество жизни населения в системе социальноэкономических отношений (институциональный подход) // автореферат дис. доктора экономических наук / Фахрутдинова Елена Валерьевна. – Казань. Финансово-эконом. ин-т. Казань, 2010. — 44с.

6. *Wiedmann K.-P., Hennigs N., Siebels A.* (2009). «Value-based segmentation of luxury consumption behavior». *Psychology & Marketing*, Vol. 26, pp. 625–651.

РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИИ КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. Цифровая трансформация как данность современной жизни нашего общества затронула все сферы жизни общества и отрасли народного хозяйства, что несомненно нашло свое отражение в развитии и изменении всех экономических категорий. Влияние научно-технического прогресса на динамику развития мировой экономики бесспорно, что позволяет нам утверждать о влиянии цифровой трансформации как одного из элементов научно-технического прогресса на все экономические категории, в том числе и на качество жизни населения. Нами выявлены положительные и отрицательные стороны этого влияния, определены противоречия и пути их разрешения.

Ключевые слова. цифровая трансформация, цифровое неравенство, цифровая зрелость, цифровизация, качество жизни населения, структура качества жизни населения, уровень жизни населения, благосостояние, компоненты качества жизни населения, противоречия,

E.V. Yagudina,*Doctor of economic Sciences, Professor,
Head of the Department of Human Resources Management,
Kazan (Volga Region) Federal University*

DEVELOPMENT OF CATEGORY OF QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Abstract. Digital transformation as a reality of modern life of our society has affected all spheres of life of society and branches of the national economy, which undoubtedly found its reflection in the development and change of all economic categories. The influence of scientific and technological progress on the dynamics of development of the world economy is indisputable, which allows us to assert the influence of digital transformation as one of the elements of scientific and technological progress on all economic categories, including the quality of life of the population. We have identified the positive and negative aspects of this influence, determined the contradictions and ways to resolve them.

Key words. Quality of life of the population, digital transformation, digital color, digital maturity, structure of the quality of life of the population, components of the quality of life of the population, contradictions.

Развитие стран и их экономик подвержено влиянию многих факторов, одним из которых является научно-технический прогресс, наблюдать и пользоваться достижениями которого мы имеем возможность ежеминутно. Это и Интернет, и мобильная связь, и телемедицина, и искусственный интеллект, и новые источники энергии, и многое другое. Активное внедрение цифровизации во все сферы общественной и экономической жизни привело к всеобщей цифровой трансформации, последствия которой мы еще не можем полностью оценить. Создание и невиданные темпы развития нейросетей и искусственного интеллекта кардинально меняют всю нашу жизнь и их влияние на нее пока, на

наш взгляд, недооценено. Исследуя влияние цифровой трансформации на качество жизни населения, нам необходимо выявить его положительные и отрицательные стороны, а также противоречия, нивелирование которых является приоритетом государственной политики.

Говоря о развитии категории «качество жизни населения» в условиях цифровой трансформации, рассмотрим для начала существующие в современной экономической науке определения категории «качество жизни населения». По мнению Окрепилова В.В. и Гагулиной Н.Л. [1] «качество жизни — это оценочная категория, которая обобщенно характеризует параметры всех составляющих жизни человека: его потенциала, жизнедеятельности и ее условий по отношению к стандарту или эталону, который выработан и институционализирован обществом и (или) существует в индивидуальном сознании человека. Процессы качества жизни формируют соответствующую среду благосостояния человека. Социальное неравенство усугубляет проблемы качества жизни (Becker et al., 2005). Среди известных институтов благосостояния обеспечение более высокого качества жизни стоит на первом месте и встречается не единожды» [1, с.320-321].

Мы полностью разделяем мнение Бобкова В.Н. и его коллег о том, что «качество жизни представляет собой содержательную характеристику жизнедеятельности отдельных людей, их социальных групп и общества... Сущность категории качество жизни населения:

- раскрывает содержание деятельности личности, социальных групп и общества, обусловленное развитостью их способностей и условий их реализации;
- деятельностная характеристика жизни людей и институты, выражающие их потребности и интересы» [2, с.11-12].

Так же Бобков В.Н. определяет, что:

1.1. «Качество жизни представляет собой разнообразие способностей и удовлетворенных потребностей личности, социальных групп и общества в целом, предопределяющие их развитость и благосостояние.

1.2. Уровень жизни представляет собой денежную оценку ресурсов, необходимых для обеспечения качества жизни личности, социальных групп и общества в целом.

1.3. Уровень и качество жизни характеризуют ее как целое и определяются экономической оценкой и развитостью личности и общества» [2, с.26].

В одной из своих ранних работ (2010 г.) мы выделяем следующие компоненты качества жизни населения: качество образования, качество здоровья, качество питания, качество благоустройства жизни, качество жилища, качество правовой защиты, качество окружающей среды, качество социальной защиты, качество рекреации [3, с. 22]. Так же «понятие «качество жизни» характеризует определенную социально-экономическую реальность, существующую в точно определенном конкретно-историческом времени в рамках данной общественно-экономической формации и проявляющуюся в

конкретной, повседневной жизненной деятельности людей, социальных классов, слоев, групп, отдельных индивидов» [3, с.59]. Развивая данную мысль, отметим, что «существующая социально-экономическая реальность в определенном конкретно-историческом времени» [3, с.59], характеризующаяся цифровой трансформацией всех отраслей народного хозяйства и сфер общественной жизни, несомненно повлияла на изменение категории «качество жизни населения».

Четвертая промышленная революция (Индустрия 4.0) характеризуется появлением цифровизации и цифрового неравенства. Одним из ярких современных проявлений цифровой трансформации является появление новых форм и видов занятости, новых цифровых навыков, качественно новых профессий и рабочих мест на рынке труда, и, как следствие этого, повышение его гибкости.

Мы считаем, что принципиально новым компонентом качества жизни населения в условиях цифровой трансформации стал доступ к цифровой информации, к цифровым информационным ресурсами. Этот же компонент является показателем цифрового неравенства, которое возникает ввиду неравномерного доступа к цифровой информации. Одним из способов преодоления цифрового неравенства является повышение цифровой грамотности населения. Такой компонент, как качество образования, расширился и стал включать в себя цифровые навыки для новой цифровой реальности, владение которыми позволяет обеспечить высокое качество жизни населения.

Развитие категории «качество жизни населения» в условиях цифровой трансформацией невозможно без изменения такого компонента как качество правовой защиты и безопасность, которые наполняются новым содержанием в IT-мире и предполагают цифровую зрелость населения, часть которого в силу возраста не владеет современными цифровыми навыками. Так, «по оценке Сбербанка, ущерб от телефонного мошенничества в 2024 году составил не менее 295 млрд. руб.» [4]. А вот «Банк России приводит другие цифры. По данным регулятора мошенники в 2024 году украли у россиян с банковских счетов рекордные 27,5 млрд рублей, что выше показателя 2023 года на 74,4%. При этом, основной объем денежных средств — 26,9 млрд руб. — был украден со счетов физических лиц. У юридических лиц было украдено всего лишь 1,2 млрд руб.» [4]. Приведенные сведения, по нашему мнению, говорят о цифровой неграмотности населения и отсутствии у него культуры цифровой безопасности. Здесь следует отметить, что качество правовой защиты и обеспечение безопасности в условиях цифровой трансформации невозможно без развития цифровой культуры, которая предполагает создание системы ценностей, моделей поведения и этических норм в цифровом мире. Ранее мы говорили о влиянии цифровой трансформации на развитие человеческого капитала [5].

Конечно, все новое всегда несет не только положительные изменения, но и имеет отрицательную сторону. К положительным изменениям, возникающим

в результате влияния цифровой трансформации на качество жизни населения, мы относим повышение доступности получения образования и доступности получения медицинских услуг, повышение скорости и качества получения услуг (доставка продуктов, оплаты банковскими картами, электронная запись к врачу, на почту, в ИФНС), развитие виртуальных сервисов, упрощение взаимодействия населения с государственными органами, К отрицательным изменениям мы относим развитие онлайн-агрессии и онлайн-буллинга, размывание границ между личной и профессиональной жизнью, увеличение стресса ввиду роста количества коммуникаций, неравномерный доступ к цифровым технологиям, снижение уровня информационной и экономической безопасности.

В развитии качества жизни населения в условиях цифровой трансформации мы видим противоречие – чем выше темпы цифровой трансформации, тем более явным становится цифровое неравенство. Разрешение данного противоречия, впрочем, как и любых других, лежит в сфере интересов государства и достигается посредством эффективного развития государственных программ по развитию цифровых навыков у населения, по повышению доступности цифровых информационных ресурсов и созданию институциональных условий их успешной реализации.

Список использованной литературы:

1. *Окрепилов В.В., Гагулина Н.Л.* Развитие оценки качества жизни населения региона // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16, № 3. – С. 318-330.
2. *Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего / В.Н. Бобков, Т.Е. Бобкова, М.А. Вершинина [и др.].* – Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2022. – 274 с.
3. *Фахрутдинова Е.В.* Качество жизни населения в системе социально-экономических отношений (институциональный подход): специальность 08.00.01 «Экономическая теория»: диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Фахрутдинова Елена Валерьевна. – Казань, 2010. – 420 с.
4. *Мошенники украли у россиян не менее 295 млрд руб. в 2024 году.* – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/life/news/67c701169a79471c14b76fa5> (дата обращения 04.03.2025).
5. *Ягудина Е.В., Ягудин Р.Х.* Человеческий капитал в условиях цифровой трансформации: проблемы и перспективы // Экономические науки. – 2024. – № 241. – С. 446-450.

УПРАВЛЕНИЕ МОТИВАЦИЕЙ ПЕРСОНАЛА В УСЛОВИЯХ НЕОДНОРОДНОСТИ РЫНКА ТРУДА

Аннотация. В статье обосновываются основные управленческие направления развития и формирования эффективной мотивационной системы в организациях. Предлагаются направления по формированию эффективной мотивационной системы, с учетом особенностей развития рынка труда.

Ключевые слова. Персонал, человеческие ресурсы, управление персоналом, мотивация, система, организация.

A.A. Yakushev

*PhD, Professor of Personnel
management Department
V.I. Vernadsky Crimean Federal University*

MANAGING STAFF MOTIVATION IN A HETEROGENEITY OF THE LABOR MARKET

Abstract. The main management directions of development and formation of an effective motivation system in organizations are given in the article. Directions for the formation of an effective motivation system, taking into account the peculiarities of the development of the labor market are proposed.

Keywords. Personnel, human resources, personnel management, motivation, system, organization.

В основе мотивационных систем в организациях должна лежать комплексная оценка персонала, сочетая в себе, как экспертный, так и количественный подходы. Экспертный подход является достаточно популярным методом, однако отличается высоким уровнем субъективизма и проявляется в виде зависимости результативности от личных качеств экспертов. Количественные методы, как альтернативный вариант, экспертным методам, позволяет снизить уровень субъективизма и повысить качество оценки. Данные методы должны сочетаться в профессиональной деятельности для получения комплексного результата оценки и выявлению скрытых возможностей персонала организации.

Целью работы является формирование ключевых направлений эффективного управления мотивацией персонала в изменяющихся и неоднородных условиях функционирования рынка труда. Разработать основные направления развития мотивационного механизма в системе управления человеческими ресурсами.

Привлечение сотрудников к формированию генеральной цели и процессу выработки управленческих решений значительно усилит эффективность

мотивационной вовлеченности персонала с точки зрения нематериального стимулирования. Расширение сферы влияния сотрудников повышает заинтересованность в достижении цели и конечной результативности профессиональной деятельности. Организация данного процесса предполагает проведение собраний, мозговых штурмов, где совместно будут определяться стратегические и тактические цели деятельности, вырабатываться корректирующее действие, на основании результатов деятельности, а также формироваться пути развития организации на перспективу [1, 2].

Построение системы эффективной мотивации персонала является сложным, многоаспектным и многоуровневым процессом. Его функционирование включает комплекс, как материальных и нематериальных рычагов воздействия на персонал организации. Большим сдерживающим фактором, при проектировании мотивационных систем управления персоналом является нестабильность внешней среды организации и постоянный процесс адаптации к социально-экономическим явлениям на уровне государства. Многие организации функционирует в режиме постоянного приспособления и адаптации к внешним условиям, что не позволяет сосредоточиться руководителям и специалистам по управлению персоналом на внутренних проблемах организации, в том числе и построения эффективной мотивационной системы управления персоналом.

Построение эффективной системы мотивации персонала в организации требует применения научных подходов при ее обосновании. Научная обоснованность мотивационной системы, позволит выявить вид необходимого стимулирования деятельности, составные элементы мотивационного процесса, а также позволит добиться высокой эффективности мотивационного процесса. Индивидуальный подход в выборе методики оценки мотивационных факторов персонала предприятий, обеспечит построение действительно эффективного мотивационного механизма, учитывающего особенности деятельности предприятия, коллектива организации, а также будет способствовать не только коммерческому успеху предприятия, но и реализации его социальных функций.

Предлагаемые мероприятия по совершенствованию стимулирования персонала в системе кадровой политики должны благоприятно влиять на деятельность исследуемой организации, однако необходимо выбрать такой путь, который принесет экономию материальных ресурсов и приведет к достижению поставленной цели при наименьших затратах [3].

Специалистам по управлению персоналом необходимо стремиться к такому уровню использования трудового потенциала, который будет обеспечивать значение показателей труда на необходимом уровне. Эффективность предлагаемых мероприятий будет отражаться при сравнении фактического состояния трудового потенциала и прежнего состояния, оценка должна проводиться после внедрения мероприятий по истечению отчетного периода, оптимальным периодом является календарный год.

Специалисты по управлению персоналом должны приобретать больше бизнесных функциональных характеристик, осуществлять деятельность во

взаимодействии с целями организации. Стратегической целью деятельности по управлению персоналом является увеличение стоимости организации за счет увеличения стоимости ее человеческого ресурса, ведь именно эффективное использование человеческого капитала является главной задачей организации.

Эффективность предлагаемых мотивационных мероприятий проявляется в достижении личных целей персонала и характеризуется удовлетворенностью сотрудников в процессе трудовой деятельности, улучшение эмоциональной атмосферы и социально-психологического климата в коллективе также отражает социальную эффективность предложенных мероприятий. Необходимо отметить, что предлагаемые мотивационные пути по созданию эффективной мотивационной системы позволяют разрешить ряд проблем, которые возникают в условиях трансформационных изменений на рынке труда и занятости. Представим основные мотивационные направления совершенствования системы управления персоналом с обоснованием решаемых внутриорганизационных проблем (рис.1).

Рисунок 1 – Основные направления по созданию эффективной мотивационной системы в организации

В современных организациях на первое место выходит не индивидуальная, а групповая работа, именно нематериальное стимулирование дает возможность сформировать коллектив, который будет работать сообща и преследовать единую цель. Сильная и эффективно работающая модель стимулирования персонала позволяет руководителю упростить процесс принятия управленческих решений, перейти от жесткого административного управления к демократическому и либеральному. Позволит перейти на путь самоконтроля, самоменеджмента для персонала организации и будет противодействовать уходу сотрудников, что повысит стабильность функционирования.

В основе мотивационных систем в организациях должна лежать комплексная оценка персонала, сочетая в себе, как экспертный, так и количественный подходы. Экспертный подход является достаточно популярным методом, однако отличается высоким уровнем субъективизма и проявляется в виде зависимости результативности от личных качеств экспертов. Количественные методы, как альтернативный вариант, экспертным методам, позволяет снизить уровень субъективизма и повысить качество оценки. Данные методы должны сочетаться в профессиональной деятельности для получения комплексного результата оценки и выявлению скрытых возможностей персонала организации.

Мотивационные механизмы должны постоянно видоизменяться по результатам оценки персонала и его меняющихся потребностей и качественных характеристик. Только прямое воздействие на удовлетворение скрытых потребностей персонала позволит выработать и использовать эффективную политику стимулирования для формирования конкурентоспособной и качественной кадровой политики.

Список литературы

1. *Гильман Ю.Ю.* Роль мотивации в системах управления персоналом // Государственное и административное управление, право, цифровизация в экономике, бизнесе, культуре и образовании: молодежный взгляд: Материалы всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Тула, 23–24 марта 2021 года. – Тула: ООО «Тульский полиграфист 1» г. Тула, Каминского, д. 33/49, 2021. – С. 99-102.
2. *Басова О.В.* Система повышения эффективности деятельности организации на основе совершенствования факторов мотивации персонала / О. В. Басова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2020. – №2(112). – С. 89-99.
3. *Бондаренко Д.В.* Совершенствование системы мотивации персонала в организации / Д. В. Бондаренко, Т. С. Бондаренко // Аллея науки. – 2021. – Т. 2, № 6(57). – С. 263-266.
4. *Комаров С. П.* Особенности системы мотивации персонала в инновационных организациях // Путеводитель предпринимателя. – 2024. – Т. 17, № 3. – С. 90-95.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. В статье рассмотрены тенденции, происходящие на рынке труда. Развитие рынка труда в цифровой экономике сменяется от традиционных подходов в обеспечении занятости к экономике свободного заработка, которая характеризуется такими компонентами как гибкий режим труда, наличие платформенной и дистанционной занятости, непрерывное профессиональное образование и пр.

Ключевые слова. Рынок труда, платформенная занятость, дистанционная занятость, институциональный подход, поведенческий подход, цифровая экономика.

A.A. Yanovskaya

PhD in Economics, Associate Professor,

Department of Human Resources Management, Vernadsky Crimean Federal University

CONCEPTUAL DIRECTIONS OF THE DEVELOPMENT OF THE LABOR MARKET IN THE DIGITAL ECONOMY

Abstract. The article considers the trends occurring in the labor market. The development of the labor market in the digital economy is changing from traditional approaches to employment to a free-wage economy, which is characterized by such components as flexible working arrangements, platform and distance employment, continuing vocational education and etc.

Keywords. Labor market, platform employment, distance employment, institutional approach, behavioral approach, digital economy.

Формирование устойчивого рынка труда является одним из приоритетов в обеспечении социально-экономического развития страны. Ведь эффективное функционирование рынка труда формирует стабильный уровень занятости и доходов населения, квалификационную структуру рабочей силы, способствует адаптации экономики к новым вызовам, связанные с ускоренным внедрением цифровых технологий и инноваций.

Понимание структуры рынка труда, его основных параметров и динамических изменений имеет ключевое значение для государства, бизнеса, системы образования и всего общества в целом.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [1] разработаны и скорректированы новые национальные проекты, которые позволят достичь стратегические цели и ключевые показатели, позволяющие вывести экономику России на новый уровень экономического и социо-технологического развития.

Цифровая экономика, как новая экономическая форма, в которой знания и цифровая информация используются в качестве ключевых факторов производства, цифровые технологии – в качестве основной движущей силы, а

цифровая или информационная среда выступают главным проводником сетевого взаимодействия и носителем данных, интегрируется с реальным сектором экономики и способствует ускорению социально-экономического развития и трансформирует модели управления, формы и структуру занятости.

Учеными предлагается множество подходов к развитию рынка труда, концепция которых основана на выявлении прямой зависимости развития рынка труда от интеграции цифровых технологий в отрасли экономики. Автором Н. А. Симченко выявлено, что применение институционального подхода к развитию рынка труда в условиях цифровой экономики способствует формированию «собственных промежуточных институтов в обеспечении роста производительности труда в базовых несырьевых отраслях экономики» [2, с.13]. А. С. Макекадыровой, С. В. Кравцевич определено, что современный российский рынок труда характеризуется наличием несовершенной конкурентной среды, модель которой выстраивается на применении поведенческого подхода, предметом которого выступает конкурентное поведение работников и институционального подхода, предметом которого являются конкурентные условия труда [3, с. 64].

В любом случае влияние цифровизации на структуру рынка труда определяет новые условия его функционирования. Исследователи считают, что цифровизация приводит к сокращению числа рабочих мест, связанных с выполнением стандартизированных, рутинных операций и, наоборот, к созданию новых высокотехнологичных рабочих мест специалистов в области IT, кибербезопасности, робототехники, инженерии и т. д. [4; 6]. Г. Р. Нигматуллина и др. авторы считают, что использование цифровых технологий способствует созданию новых рабочих мест в разных сферах экономики, но в то же время цифровизация «стимулирует трудовую мобильность и организованность сотрудников, позволяет повысить уровень производительности труда работников и сокращать непроизводительные затраты на предприятиях» [5]. В. В. Аранжин выявил, что цифровая экономика оказывает влияние на трудовые ценности не только молодого поколения, но на другие поколения, доказывая этот факт тем, что наблюдается рост самозанятых граждан, фрилансеров самых разных возрастов по всему миру [3]. Е. Б. Аймагамбетов, А. М. Тажбаева подтверждают, что «на рынке труда многих зарубежных стран определяются изменения в структуре и формах организации занятости, функционирующих наравне с традиционными формами занятости» [6].

Выделим направления развития рынка труда в цифровой экономике.

Во-первых, с 2025 года реализуются новые национальные проекты, которые направлены на подготовку кадров в цифровой экономике, особое внимание уделяется развитию молодежного рынка труда.

Меры, принимаемые правительством, будут направлены на создание качественных рабочих мест – стабильная занятость, достойная оплата труда, безопасные условия на рабочем месте, профессиональное развитие и карьерный рост, обеспечение социально-трудовых условий и т. д.

Во-вторых, в условиях дефицита кадров и несоответствия современным требованиям рынка труда профессионально-квалификационной структуры занятости, разрабатываются меры и подходы к непрерывному профессиональному развитию рабочей силы, которые базируются на интеграции образовательных программ на основе профессиональных стандартов и независимой оценки квалификаций (знаний и навыков).

В-третьих, цифровая экономика трансформирует структуру рынка труда, создавая новые формы и виды занятости, основанные на гибкости рабочего времени. Например, с развитием цифровой экономики появились новые формы занятости – платформенная и удаленная занятость, происходит цифровизация всех инструментов государственной поддержки (например, единая цифровая платформа Работа России), стали применяться такие понятия как цифровой труд, платформенные работники, цифровая рабочая платформа, то есть создается цифровая экосистема рынка труда. Происходит цифровая трансформация взаимодействия соискателей, работодателей и органов государственной власти, которые все чаще переходят в цифровой формат.

Таким образом, обозначенные направления развития рынка труда в цифровой экономике позволяют перейти от простого поиска работы к проактивному трудоустройству и создают предпосылки для повышения доходов граждан через профессиональное развитие компетенций, трудовую мобильность и упрощенное оформление трудовых отношений за счет использования электронных сервисов и заключения электронных трудовых договоров.

Список литературы

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. Указ Президента. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 28.01.2025).
2. Симченко Н.А. 1.1 Институционализация развития рынка труда в условиях цифровой экономики // Управление персоналом организации в условиях цифровизации: монография. – Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал». – 2020. – С. 13-30.
3. Аранжсин В.В. Влияние цифровой экономики на трудовые ценности поколения, входящего на рынок труда // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2020. – №4(35). – Режим доступа: [https://doi.org/10.18799/26584956/2019/4\(35\)/1006](https://doi.org/10.18799/26584956/2019/4(35)/1006) (дата обращения: 28.01.2025).
4. Арзамасова Е.Л. Влияние цифровизации и автоматизации на рынок труда и занятость в различных отраслях экономики // Человек. Общество. Инклюзия. – 2024. – Т. 2. – №2. – С. 37-45. – Режим доступа: <https://rgust.ru/vliyanie-tsifrovizatsii-i-avtomatizatsii-na-rynok-truda-i-zanyatost-v-razlichnyh-otraslyah-ekonomiki/> (дата обращения: 26.01.2025).
5. Социально-экономические последствия влияния цифровой экономики на рынок труда в Республике Башкортостан // Нигматуллина Г.Р.,

Шарафутдинов А.Г., Стомба Е.В., Путятинская Ю.В., Дик Е.Н., Аминев Р.Р. / Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 8-2. – С. 296-304; – Режим доступа: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=3658> (дата обращения: 28.01.2025).

6. *Аймагамбетов Е.Б., Тажбаева А.М.* Нестандартные формы занятости населения: мировой опыт, проблемы и перспективы. Вестник университета «Туран». – 2022. – №1. – С.227-237. – Режим доступа: <https://doi.org/10.46914/1562-2959-2022-1-1-227-237> (дата обращения: 28.01.2025).

ECONOMIC GROWTH IN NIGERIA: DOES HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT MATTER?

Abstract. The study economic growth of Nigeria; does human capital development matter? Was conducted using time series data from World Bank archives and was analyzed using Autoregressive Distributed Lag (ARDL) Model to obtain short-run coefficients as well as Augmented Dickey Fuller (ADF) test for stationarity. The results of the study showed that the variables government expenditure on education and gross domestic product were stationary at levels while the variables foreign direct investment, human development index, government expenditure on health, and unemployment were all stationary at first difference. The result also showed that human development index is positive (16.32131) and statistically significant at 5% (0.0191). The result also shows that government expenditure on health is negative (-1.174629) and statistically significant at 5% (0.0120). Furthermore, the result showed that unemployment which was included in the model as a control variable is negative (-3.040898) and statistically significant at 1%. The study concluded that government expenditure on health as well as education through human capital development were key in promoting economic growth in Nigeria. The study therefore recommended increased government budgetary allocation to these sectors for proper economic growth.

Keywords. Human Capital Development, Education, Healthcare, Economic Growth.

Introduction

Human Capital Development is a vital component for the growth of any economy and this is particularly evident in developing countries of the world. Human Capital is made up of expenses made on education, skill development and healthcare. Due to recent shifts from a resource-based economy to a more knowledge-based economy in most parts of the world, it is important for every nation to increase the productivity of her labour force (Schwab, 2020).

Nations with insufficient human capital stand a risk of stagnation in the growth of their economy which is most likely to lead to poverty within its citizens; this is can be seen in Nigeria which stands as the giant of Africa in terms of gross domestic product and human population. Nigeria is experiencing a steady decline in per capita income as well as very high unemployment rates despite recording an average gross domestic product of 2.9% within the period of 2015 to 2021. (World Bank, 2022).

In Nigeria, underinvestment in human capital development has led to many challenges towards attaining the needed economic growth. For example, allocations to healthcare and education in Nigeria has been poor over the years, struggling within the margins of 5% and 7% respectively, which are nowhere near the recommended 15-20% as in the case of education by United Nations Educational, Cultural and Scientific Education (UNESCO, 2023). This poor access to quality healthcare and education has had a negative impact on the corresponding economic growth and development of the nation. The above shortcomings raise an important question like; what is the effectiveness of human capital development to economic growth in

Nigeria and what can be done to harness the potential of human capital development in the aspect of economic growth?

This study examines the role of human capital development in Nigeria's economic growth by analyzing the relationships between education expenditure and healthcare expenditure. Using recent data and empirical models, this study seeks to show how human capital development can influence economic growth in Nigeria.

Data and Methodology

This study employs a quantitative approach, using secondary data from the World Bank and the National Bureau of Statistics (NBS) Nigeria. The study covers the period 2004-2024. The variables used in the study include: gross domestic product (GDP) as a proxy for economic growth, education expenditure as a percentage of GDP and healthcare expenditure as a percentage of GDP, human development index (HDI). The study employs Augmented Dickey Fuller and Philips Perron Tests to test for stationarity among variables, the Autoregressive Distributed Lag (ARDL) model was used to examine the impact of human capital development on economic growth in Nigeria.

Results and Discussion

Unit Root Test

The result from the table 1 shows test for stationarity of variables used in the model using the Augmented Dickey Fuller (ADF) test for stationarity. The result shows that the variables government expenditure on education and gross domestic product were stationary at levels while the variables foreign direct investment, human development index, government expenditure on health, and unemployment were all stationary at first difference. This result depicts that all variables used in the model had unit root, hence, the null hypothesis of non-stationarity of the variables was rejected.

Table 1.

Testing stationarity of time series

Stationary at Level					Stationary at First Difference				
	ADF	1%	5%	10%	ADF	1%	5%	10%	Inf.
Education Exp	-5.358***	-3.809	-3.021	-2.650					I (0)
FDI					-4.816***	-3.887	-3.052	-2.667	I (1)
GDP	-4.052***	-3.809	-3.021	-2.650					I (0)
HDI					-4.227***	-3.857	-3.040	-2.661	I (1)
Health Exp					-3.423	-3.959	-3.081	-2.681	I (1)
Unemployment					-4.773***	-3.887	-3.052	-2.667	I (1)

Source: author's elaboration

*** indicates significance.

Effects of Human Development Index on Economic Growth

The result of Autoregressive Distributed Lag (ARDL) Model for short-run effects of human development index on economic growth of Nigeria is presented in the table 2. From the result, it can be seen that human development index is positive (16.32131) and statistically significant at 5% (0.0191). This indicates that increasing human development index will lead to an increase in the economic growth of Nigeria.

The result also shows that government expenditure on health is negative (-1.174629) and statistically significant at 5% (0.0120), implying that a decrease in government expenditure on health will lead to a decrease in economic growth of Nigeria. This result is contrary to the findings of Chima and Yusuf (2023) who found government expenditure on health to be positive and significant. This is because the health status of the citizens can greatly affect their productivity across various sectors of the economy.

The result also shows that unemployment which was included in the model as a control variable is negative (-3.040898) and statistically significant at 1%, implying that a decrease in unemployment rate will lead to an increase in economic growth. This is because there will be productive labour force to engage the various sectors of the Nigerian economy, thus, consequently bringing about economic growth and development.

Table 2.

ARDL Model of Short-Run Impact of Human Development Index on Economic Growth in Nigeria

Variable	Coefficient	Standard Error	t-statistic	Probability
LNGDP(-1)	-0.138643	0.356500	-0.388901	0.7089
LNHDI	16.32131	5.384821	3.030984	0.0191
LNEDEXP	0.064951	0.049890	1.301881	0.2342
LNEDEXP(-1)	0.066969	0.047592	1.407167	0.2022
LNHEAEXP	-1.174629	0.348964	-3.366044	0.0120
LNHEAEXP(-1)	-1.006874	0.657517	-1.531327	0.1695
LNFDI	0.057802	0.081238	0.711512	0.4998
LNFDI(-1)	0.184938	0.091956	2.011163	0.0842
LNUNEMP	-3.040898	0.855142	-3.556016	0.0093
LNUNEMP(-1)	0.747535	0.707313	1.056865	0.3257
C	50.36310	14.81812	3.398751	0.0115

Source: author's elaboration

Conclusion and Recommendations

For a holistic economic growth of any nation, two factors are key; these factors are a vibrant and enlightened labour force. These two can be achieved through development of the education section as well as proper healthcare. The findings of this study draw up key findings of the role of education and healthcare in the development of the economy of Nigeria. The study showed that decreasing government expenditure on health leads to decrease in economic growth. In addition, the study revealed that increasing human development index, which can be achieved through education, skill acquisition and trainings, leads to increase in economic growth of Nigeria.

Based on the findings, the study recommends the following:

- I. Government should increase yearly budgetary allocation to healthcare and education to meet the UNESCO standard to improve these sectors and thus bringing about economic growth and transformation.

- II. Government through the ministry of youth development should collaborate with the National Directorate of employment so as create more job opportunities in sectors that drive the economy such as agriculture, mining, manufacturing, oil and gas as well as culture and tourism. This will ultimately lead to an increase in gross domestic product, hence, promote vigorous economic growth.

References

1. Akinbode S.O., Dipeolu A.O., Bolarinwa T.M. and Olukowi O.B. (2021). Effect of Health Outcome on Economic Growth in Sub-Saharan Africa: a System Generalized Method of Moment Approach. *Journal of Economics and Development*. 23(3), pp. 254-26. DOI 10.1108/JED-06-2020-0078.
2. Chima C.I., Yusuf A. (2023). Government Spending on Education and Economic Growth in Nigeria. *Zaria Journal of Educational Studies*. 23(1), 1-21.
3. Davis-Ojima J.P., Emerenini F.M. (2015). Impact of Interest Rate on Investment in Nigeria. *Developing Country Studies*, 5(3), 103-109.
4. Eigbiremolen G.O., Anaduaka U.S. (2011). Human Capital Development and Economic Growth: The Nigeria Experience. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*. 4(4), 25-35. DOI: 10.6007/IJARBS/v4-i4/749.
5. Schwab K. (2020). *The Global Competitiveness Report 4.0*. World Economic Forum.
6. UNESCO (2023). *Education sector trends and recommended benchmarks*. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization.
7. World Bank (2022). *Nigeria Economic Update: Seizing the Opportunity for a Sustainable Recovery* (Report No. 163321). World Bank Publications.

ECONOMIC SUSTAINABILITY IN NIGERIA: EXPLORING THE ROLE OF BLUE ECONOMY AND TECHNOLOGICAL INNOVATION IN ECONOMIC GROWTH

Abstract. This study investigates how blue economy and technological innovation impact economic growth in Nigeria. In light of the Nigeria's establishment of a Ministry of Marine and Blue Economy, this study will provide a strategic approach to tap the country's rich blue economic resources like aquaculture, blue renewable energy sources, and marine biotechnology to foster sustainable practices and raise the sector's contribution to the nation's economy.

Keywords. Blue economy, Nigeria, Technological innovation, aquaculture, Dynamic ARDL

Introduction

In recent years, economists have increasingly quantified the diverse economic activities linked to the ocean, collectively known as the blue economy as a vital driver of sustainable development. Initially emerging from discussions at the Rio+20 conference in 2012, the blue economy is recognized by coastal nations as a distinct sector within the global economy. The World Bank (2017) defines this sector as the responsible use of ocean resources to stimulate economic development, enhance livelihoods, create jobs, and preserve marine ecosystems. Key sectors include fisheries, tourism, maritime transport, aquaculture, seabed mining, marine biotechnology, and bioprospecting, all contributing to a resilient economic framework (Food and Agricultural Organization [FAO], 2022). Technological innovation now plays a pivotal role in advancing this agenda. Cutting-edge digital technologies such as advanced data analytics, robotics, the Internet of Things (IoT), and remote sensing are transforming traditional marine sectors by optimizing resource management, enhancing operational efficiency, and supporting environmental monitoring.

With a coastline extending 420 nautical miles and an exclusive economic zone of 200 nautical miles covering maritime interests along the Gulf of Guinea, Nigeria is poised to capitalize on fisheries, aquaculture, tourism, shipping, and renewable energy sectors (Olalekan, 2023). Integrating technological innovations into these areas is central to diversifying the economy away from oil dependency, enhancing operational efficiencies, and promoting sustainable environmental practices (Mukhtar et al., 2024). Exploiting marine resources offers the potential to create employment and generate income through fisheries, aquaculture, tourism, shipping, and renewable energy sectors. This endeavor aims to position Nigeria as a leader in sustainable ocean activities, fostering tourism growth, addressing environmental concerns by restoring marine ecosystems, and aiding in diversifying the economy away from its reliance on oil (Olalekan, 2023).

Literature review

The concept of the blue economy and its relationship with economic growth has only been recently exploited, posing deficiencies in data availability (Alharthi

and Hanif, 2020), where most of the previous studies adopted a qualitative approach. However, a preliminary investigation has confirmed that the significance of the blue economy in economic development cannot be overemphasized (Agunsoye, 2025). Hence, this section examines pertinent literature on the sector, particularly regarding the interconnections among the blue economy, technological innovations, financial development, and economic growth. Regarding the blue economy indices and economic growth, Alharthi & Hanif (2020) confirmed that blue economy factors play a statistically significant role in the economic growth of SAARC countries and contribute to the achievement of Goal 14 of the United Nations' sustainable development goals. Similarly, the positive impact of financial development on the sustainable blue economy in Europe was confirmed by Hong & Thanh (2023) in the European region. In a related development, Akter et al. (2024); Yulisti et al. (2024); Bhattacharya and Dash (2020); Martinez-Vazquez et al. (2023) among others concluded that that economic growth is positively impacted by blue economy resources.

Furthermore, technological advancements play a pivotal role in advancing sustainable economic growth by offering innovative solutions to complex global challenges (Islam, 2025). These advancements support various sustainable development goals by enhancing operational efficiency and addressing critical issues in these sectors. This study underscores the transformative influence of technological innovations on sustainable blue economy and economic growth. The existing literature reviewed provide mixed results. For example, Islam (2025); Adebajo and Wasiu (2024); Olunuga (2024); Muktar et al. (2024); Nwani et al. (2023) among others concluded that higher levels of technological innovation promote economic development and sustainable ecosystem. On the contrary, Fasanmi et al. (2025) found that the introduction of new technology has a significant negative effect on economic performance.

After carefully assessing the previous studies, this study has concluded that, several studies have taken into account different methodologies to express the relationship among blue economy and economic growth or blue economy and environmental sustainability in terms of the various nations. However, to the researcher's knowledge, none of the previous studies examined the combined impact of blue economy and technological innovations and economic growth in Nigeria.

Data and Methods

Type and sources of Data. This study used annual time series data for the period 1981 to 2022, relating to the aquaculture production, Electricity production from hydroelectric sources, Total fisheries production, Domestic credit to private sector, Agricultural irrigated land and GDP per capita sourced from the World Bank's World Development indicators (WDI).

Model Specification. In line with the reviewed literature, Alharthi & Hanif's (2020) model was adapted with slight modifications that analyzed the blue economy's impact on SAARC countries' economies. Therefore, adapting this pattern, the functional model is specified as follows:

$$GDPP = f(ACP, TFP, FD, EPH, TI), \quad (1)$$

$$GDPP_t = \beta_0 + \beta_1 ACP_t + \beta_2 TFP_t + \beta_3 FD_t + \beta_4 EPH_t + \beta_5 TI_t + \varepsilon_t, (2)$$

where β_1 - β_5 are the parameter coefficients of the explanatory variables. GDPP is the gross domestic products per capita proxied for economic growth, ACP is the Aquaculture Production, TFP is the total fisheries production, FD is the financial development, EPH is the Electricity production from hydroelectric sources, TI represents technological innovations, and ε is the error term, which is assumed to be normally distributed.

Estimation procedure. This study explores the dynamic simulation effect of blue economy, technological innovations, and financial development on economic growth in Nigeria, and the innovative dynamic Autoregressive Distribution Lag (DYARDL) Model was utilized. To overcome the deficiencies associated with the conventional ARDL methodology, Jordan and Philips (2018) developed a novel dynamic ARDL simulations model.

Results and discussion of findings

Summary Statistics. The results of descriptive statistics also indicated that the standard deviations analysis revealed higher volatility in EPH, followed by TI and FD, while LGDPP, LTFP, and LACP recorded lower volatility. The results of the pair-wise correlation matrix statistics indicate that explanatory variables are weakly correlated except for TFP and EPH.

Unit Root Tests. This study applied the Augmented Dickey-Fuller and Phillips Perron unit root test to examine the stationarity properties of the variables. All the variables that are not stationary at level become stationary after first differencing.

Dynamic ARDL Simulations Model Results. The results from the dynamic ARDL simulation model reveal that economic growth is influenced favorably by both aquaculture production and total fisheries production respectively in the long run. Electricity production from hydroelectric sources is positive and statistically significant both in the short run and long run. Furthermore, Financial development is positive and statistically significant in the long run, but negative and insignificant in the short run. Finally, technological innovation is positive both in the short run and long run.

Diagnostic Statistics Tests. The study employed many diagnostic statistical tests, and their empirical results are shown in Table 1, in order to confirm the consistency and reliability of the model employed in the study.

Table 1

Diagnostic statistics tests		
Diagnostic Statistics Tests	X^2 (p Values)	Results
Breusch Godfrey LM test	0.1461	No problem of serial correlations
Breusch Pagan Godfrey test	0.9329	No problem of heteroscedasticity
Ramsey RESET test	0.2272	Model is specified correctly
Jarque Bera Test	0.4884	Estimated residuals are normal

Conclusions and Policy Recommendations

Using the newly established novel dynamic ARDL simulations model, proposed by Jordan & Philips (2018), this investigation explored the dynamic impact of aquaculture production, total fisheries production, financial development, electricity production from hydroelectric sources, and technological innovation on economic growth in Nigeria throughout 1981 to 2022. The findings reveal that economic growth is positively influenced by aquaculture production, total fisheries production respectively in the long run, whereas, in the short run, TFP is negatively related to economic growth, and aquaculture production has no impact on economic growth in the short run. Financial development contributes positively towards economic growth in the long run, but negatively in the short run. Furthermore, electricity production from hydroelectric sources and technological innovation are positive both in the short run and long run.

References

1. Adebajo S. A. (2024). Wasiu Babajide Akintunde. Exploring the link between technological innovation, economic development, and CO2 emissions in the US. Application of the ANN and EKC techniques. *Journal of Environmental Science and Economics*, 3(1), 65–77. <https://doi.org/10.56556/jescae.v3i1.809>
2. Agunsoye R. (2025). Blue economy, sustainable development and economic growth in Nigeria. *International Journal of Development and Economic Sustainability*, 13 (1), 1-17.
3. Akter H.M., Nurul-Islam M., Sana F., Kibria G., Ullah E., Hossain E. (2024). Pathway toward sustainable blue economy: Consideration of greenhouse gas emissions, trade, and economic growth in 25 nations bordering the Indian Ocean. *Journal of Cleaner Production*, 437, 140708. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2024.140708>.
4. Alharthi M., Hanif I. (2020). Impact of blue economy factors on economic growth in the SAARC countries. *Maritime Business Review*, 5(3), 253-268. <https://doi.org/10.1108/MABR-01-2020-0006>.
5. Fasanmi O O., Comfort A.B., Oyedele O.M. (2025). Exploring the Role of Innovation on Economic Performance of Manufacturing Firm in Nigeria. *Journal of Economics, Finance And Management Studies*, 8(1), 694-706. <https://doi.org/10.47191/jefms/v8>.
6. Hong N.N., Thanh L.H. (2023). The role of financial development in improving marine living resources towards a sustainable blue economy. *Journal of Sea Research*, 195, 102417. <https://doi.org/10.1016/j.seares.2023.102417>.
7. Islam H. (2025). Nexus of economic, social, and environmental factors on sustainable development goals: The moderating role of technological advancement and green innovation. *Innovation and Green Development*, 4(1), 100183. <https://doi.org/10.1016/j.igd.2024.100183>.

8. Jordan S., Philips A.Q. (2018). Cointegration Testing and Dynamic Simulations of Autoregressive Distributed Lag Models. *The Stata Journal*, 18 (4), 902-923. <https://doi.org/10.1177/1536867X1801800409>.
9. Martinez-Vazquez R.M., Mila G.J., Pires Manso J.R., De Pablo V.J. (2023). Impact of blue economy sectors using causality, correlation and panel data models. *Frontiers in Marine Science*, 10, 1034054. <https://doi.org/10.3389/fmars.2023.1034054>.
10. Muktar I., Ufua D., Okorie U. (2024). Exploring the role of Artificial Intelligence Capabilities on Small and Medium sized Enterprises Growth in Nigeria. *African Journal of Economics and Business Research*, 3(2). <https://dx.doi.org/10.4314/ajebr.v3i2.4>
11. Nwani C., Ullah A., Ojeyinka T.A., Iorember P.T., Bekun F.V. (2023). Natural resources, technological innovation, and eco-efficiency: striking a balance between sustainability and growth in Egypt. In *Environment, Development and Sustainability*, 27, 1467–1498. Springer Netherlands. <https://doi.org/10.1007/s10668-023-03920-8>.
12. Olalekan I.E. (2023). ***Nigeria's new blue economy ministry could harness marine resources - moving the focus away from oil*** *The Conversation*. October 2. <https://theconversation.com/nigerias-new-blue-economy-ministry-could-harness-marine-resources-moving-the-focus-away-from-oil-213678>.
13. The World Bank. United Nations Department of Economic and Social Affairs (UNDESA). (2017). *The Potential of the Blue Economy: Increasing Long-term Benefits of the Sustainable Use of Marine Resources for Small Island Developing States and Coastal Least Developed Countries*. Washington, DC.
14. Yulisti M., Syarip H.A., Mulya C.F., Mu'awanah U., Kurniasari N. Nurjati E. (2024). Effects of eco-friendly fishing gears on fishermen's welfare and sustainable fisheries: Lessons learned from Indonesia. *Marine Pollution Bulletin*, 198, 115888. <https://doi.org/10.1016/j.marpolbul.2023.115888>.

THE ECONOMIC EFFECTS OF SOCIAL BENEFITS DEVELOPMENT: AN ANALYSIS OF WELFARE POLICIES

Abstract. This article seeks to investigate how the recent expansion and evolution of social benefits are affecting economic growth, the labor market, income distribution, fiscal health, and social stability.

Keywords. Social Benefits, Welfare Policies, Development.

The government provides a broad spectrum of financial and in-kind assistance to support individuals and families. This assistance has a wide reach and is of great consequence. It includes such measures as unemployment insurance, healthcare, educational grants, and housing aid. Grasping the ramifications of social benefits on the economy is essential today, especially considering the rising tide of economic inequality and uncertainty.

Over the past century, the idea of social benefits has undergone tremendous change. Social welfare programs were originally intended to provide as a safety net in times of economic recession. They now cover a wider range of socioeconomic issues, such as access to education, poverty, and health inequalities. Well-designed social benefit programs have been shown to promote economic growth and enhance societal well-being. According to researchers like Esping-Andersen (1990), welfare state regimes and economic outcomes are related, and economies that provide comprehensive social benefits are more resilient.

The expansion of the economy by raising people's and families' disposable income, social benefits can promote economic growth. People are more likely to spend money on necessities when they receive financial aid, which increases demand in the economy. According to an International Monetary Fund (IMF) research, for example, every dollar spent on social benefits has a multiplier effect that boosts economic activity and creates jobs. This connection emphasizes how crucial social benefits are as a means of boosting the economy, especially in times of recession.

Participation in the labour market is significantly impacted by the provision of social benefits. Unemployment insurance and other programs give unemployed people financial support so they can look for good jobs without having to worry about money right away. Countries with strong unemployment benefits have greater reemployment rates because people can afford to spend their time looking for jobs that fit their goals and skill set, according to research from the Organization for Economic Co-operation and Development (OECD). On the other hand, inadequate assistance may result in higher rates of poverty and prolonged joblessness.

Promoting income redistribution and lowering economic inequality are two of social benefits' main goals. Social welfare programs help level the playing field by helping lower-income individuals and families. A World Bank study indicates that

nations with extensive social safety nets have lower income inequality than those with little assistance. By raising the purchasing power of marginalized groups, this transfer not only improves social fairness but also supports general economic stability.

Even if social benefits necessitate significant government spending, the long-term economic gains they produce may offset these expenses. Social welfare spending can result in a workforce that is healthier and more educated, which will save future medical and educational costs. According to a report by the Centre for Budget and Policy Priorities (CBPP), as better public health and education result in higher economic production and productivity, the economic return on investment in social benefits frequently outweighs the original expenses.

Social programs play a crucial role in ensuring social stability and unity. By offering a safety net for those most at risk, these initiatives help alleviate social tensions and lower the likelihood of unrest. Findings from the Pew Research Center suggest that communities with robust social support systems typically have reduced crime rates and less social conflict. The economic outcomes of a stable society are significant, as such stability creates a favorable atmosphere for investment and development.

Analyzing particular case studies can provide insights into the effectiveness of social benefits. In Scandinavian countries like Sweden and Norway, extensive welfare systems have resulted in significant levels of social mobility and economic stability. These countries invest substantially in education, healthcare, and social security, yielding low poverty rates and high GDP per capita. In contrast, the absence of strong social safety nets in some developing nations has been associated with ongoing poverty and economic stagnation, highlighting the crucial role that social benefits play in promoting economic development.

Even with the benefits provided by social programs, there are criticisms and obstacles linked to these initiatives. Detractors claim that overly generous safety nets can foster dependency, undermining the motivation to work and take personal responsibility. Moreover, the viability of financing these programs can raise serious issues, especially during economic recessions. Lawmakers need to find a balance between offering social assistance and maintaining fiscal accountability, ensuring that programs remain both effective and viable.

The economic implications of the development of social benefits are complex and extensive. These benefits not only stimulate economic expansion and improve labor market engagement but also facilitate income redistribution and social cohesion, highlighting the advantages of well-designed social welfare initiatives. As countries confront economic difficulties and social disparities, allocating resources to social benefits will be vital for promoting sustainable economic success and societal health. Continuous research and policy evaluations will be necessary to enhance these programs, ensuring they yield maximum positive effects for both individuals and the overall economy.

References

1. Esping-Andersen, G. (1990). *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton University Press.
2. International Monetary Fund (IMF). (2017). *Fiscal Policy and Income Inequality*.
3. Organization for Economic Co-operation and Development (OECD). (2018). *Employment Outlook: Tackling the Jobs Crisis*.
4. World Bank. (2019). *The Role of Social Protection in Addressing Poverty and Inequality*.
5. Center on Budget and Policy Priorities (CBPP). (2020). *The Economic Impact of Social Safety Nets*.
6. Pew Research Center. (2021). *Social Cohesion and Economic Stability: A Global Perspective*.

DIGITAL TRANSFORMATION IN SMALL AND MEDIUM ENTERPRISES (SMES): A PATHWAY TO ECONOMIC GROWTH IN UGANDA

Abstract. This paper explores how digital transformation is reshaping Uganda's Small and Medium Enterprises (SMEs), which form the backbone of the economy. Despite their significant role, SMEs face barriers like limited financing, infrastructure gaps, and low digital adoption. Digital tools such as mobile money, e-commerce, and online credit systems are enabling SMEs to overcome these challenges, enhance efficiency, and reach wider markets. The paper highlights recent trends in digital uptake and underscores the need for targeted policies, capacity-building, and infrastructure investment to foster inclusive economic growth through digitalization.

Keywords. Small and medium business, digital transformation.

Small and Medium Enterprises (SMEs) play a critical role in Uganda's economy, accounting for over 90% of the private sector and employing more than 2.5 million people (Uganda Investment Authority, 2022). However, they face persistent challenges such as limited access to finance, poor infrastructure, and low levels of technology adoption. Digital transformation offers a viable solution by improving operational efficiency, broadening market access, and promoting financial inclusion. Technologies like mobile money, e-commerce, and digital credit platforms are transforming business practices. Yet, challenges including high internet costs, digital illiteracy, and gender gaps in technology use remain obstacles to full digital integration.

Studies show that digital technologies enhance SME competitiveness by streamlining operations, reducing costs, and expanding customer reach. Bharadwaj et al. (2013) emphasize that digital strategies improve service delivery and market performance. Mobile money, in particular, has revolutionized financial access in Uganda, with Munyegera & Matsumoto (2016) noting its impact on flexibility and inclusion. However, barriers persist. Kshetri (2014) points out that high internet costs, low digital literacy, and inadequate infrastructure hinder digital adoption in developing economies. Gender disparities further exacerbate these challenges, limiting women's participation in digital markets (UNDP, 2021). Programs like Zimba Mart demonstrate the potential of targeted initiatives to close these gaps. Despite these efforts, comprehensive policies and investment are necessary to scale digital transformation among SMEs.

Digital technologies are steadily transforming Uganda's SME sector. Key trends include rising mobile money usage, increasing e-commerce adoption, and improved internet access.

Mobile Money Usage - Mobile money has emerged as a major driver of financial inclusion and digital transformation. Mobile money transaction volumes grew from UGX 50 trillion in 2018 to over UGX 100 trillion in 2022 (Bank of Uganda, 2022). Adoption among adults also increased from 35% to 52% (GSMA,

2021). This shift has enhanced SME transaction efficiency, improved cash flow management, and facilitated access to digital credit facilities.

E-commerce Adoption - E-commerce platforms such as Jumia, Zimba Mart, and Jiji Uganda are expanding market opportunities for SMEs. In 2021, 30% of SMEs reported using online platforms, with retail (40%) and services (35%) sectors showing the highest adoption (International Trade Centre, 2021). These platforms help SMEs reach broader audiences, reduce marketing costs, and operate beyond geographical constraints.

Internet Penetration and Costs - While internet access is improving, high data costs and limited rural coverage hinder full adoption. Between 2021 and 2023, penetration rose from 23% to 30%, while the average cost of 1GB fell from \$1.75 to \$1.10 (UCC, 2022; World Bank, 2021). Despite this progress, only 22% of rural areas are connected, emphasizing the need for targeted infrastructure investment.

Table 1

Internet Penetration and Cost of Mobile Data in Uganda (2021–2023)

Year	Internet Penetration (%)	Average Cost of 1GB (USD)	Rural Connectivity (%)
2021	23%	\$1.75	15%
2022	26%	\$1.32	18%
2023	30%	\$1.10	22%

Source: Uganda Communications Commission, 2022; World Bank, 2021

Challenges to Digital Adoption - Key obstacles include high internet costs (65% of SMEs affected), limited digital literacy (58%), and poor infrastructure (47%) (UCC, 2022; Enterprise Uganda, 2023). SMEs also face credit access issues (40%) and cybersecurity risks (32%). Addressing these requires policy incentives, public-private partnerships, and digital capacity-building programs.

Gender Gaps in Digital Transformation - Female entrepreneurs face more constraints in accessing digital tools. Compared to male-owned SMEs, fewer female-owned SMEs participate in e-commerce (25% vs. 38%) and digital credit (33% vs. 55%) (UNDP, 2021; ITC, 2021). Initiatives like Zimba Mart have begun to close this gap by offering digital skills training to women.

Table 2

Gender Disparities in Digital Transformation (2023)

Indicator	Male-Owned SMEs (%)	Female-Owned SMEs (%)
Access to Digital Training	62%	45%
E-commerce Participation	38%	25%
Access to Digital Credit	55%	33%
Digital Marketing Adoption	48%	30%

Source: UNDP, 2021; International Trade Centre, 2021; Zimba mart, 2023

Overall, while digital transformation is advancing, sustained efforts are needed to bridge access gaps and build a digitally inclusive SME ecosystem.

Digital transformation offers a significant opportunity for SMEs in Uganda to enhance efficiency, expand markets, and drive economic growth. Despite notable

progress in mobile money and e-commerce adoption, challenges such as infrastructure deficits, high internet costs, and digital skills gaps persist. Addressing these constraints is critical to achieving inclusive development.

There are some recommendations:

Reduce internet costs through regulatory reforms and public-private partnerships.

Enhance digital literacy programs with emphasis on women and rural SMEs.

Expand access to digital credit and low-interest financing for SMEs.

Promote gender inclusion through tailored training and leadership initiatives.

Invest in digital infrastructure and cybersecurity awareness at the SME level.

References

1. Bharadwaj, A., El Sawy, O. A., Pavlou, P. A., & Venkatraman, N. (2013). Digital business strategy: Toward a next generation of insights. *MIS Quarterly*, 471–482. <https://doi.org/10.25300/MISQ/2013/37.2.01>.
2. Kshetri, N. (2014). *Global entrepreneurship: Environment and strategy*. Routledge. <https://www.routledge.com/Global-Entrepreneurship-Environment-and-Strategy/Kshetri/p/book/9780415859437>.
3. Munyegera, G. K., & Matsumoto, T. (2016). Mobile money, remittances, and household welfare: Panel evidence from rural Uganda. *World Development*, 79, 127–137. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2015.11.006>.
4. Private Sector Foundation Uganda (PSFU). (n.d.). *Empowering the Private Sector*. <https://www.psfuganda.org/>.
5. Bank of Uganda. (2022). Mobile Money Transactions Report 2022.
6. Enterprise Uganda. (2023). Annual Report 2023.
7. International Trade Centre. (2021). SME Digital Adoption Survey 2021.
8. Uganda Communications Commission (UCC). (2022). UCC Market Performance Report, December 2022.
9. UNDP. (2021). Gender and Digital Transformation in Uganda.
10. Zimba Mart. (2023). Empowering Women Entrepreneurs in Uganda.

SOCIO-ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC DETERMINANTS OF INFORMATION SOURCE PREFERENCES: A CASE STUDY OF ETHIOPIA

Abstract: Employing data from the World Values Survey, the analysis, based on 1,072 samples, demonstrates that female citizens, those with lower income, and individuals from rural areas have reduced access to various information sources compared to their male, middle/high-income, and urban counterparts.

Keywords: Citizens, sources of information, income level, internet, social media.

Introduction

Information is essential for decision-making and progress, with citizens requiring access to information for various purposes [12]. Access to diverse information sources is crucial for navigating modern life, covering topics such as health, agriculture, and tourism [6]. Information plays a vital role in citizens' lives, enabling informed decision-making and staying up-to-date with various topics [12]. Previous studies have predominantly focused on individual information sources like TV, radio, and newspapers, with limited research on broader sources. Investigations in Ethiopia have mainly centered on state-owned media, neglecting the growing use of social media and broadcasting platforms [11].

This study aims to explore the range of information sources utilized by Ethiopian citizens, including newspapers, television, and digital platforms, specifically examining the roles of email, the internet, mobile communication, and social media in their information-seeking [6]. Ultimately, the study seeks to assess the information sources relied upon by Ethiopian citizens amidst this evolving landscape.

Literature Review

An information source can be defined as any repository where information or knowledge is stored. Daily newspapers are a significant source of information for citizens, acting as historical records despite their traditional large, printed formats. Consequently, libraries in developed countries are increasingly focusing on digitizing newspapers to better address contemporary information needs [13, p.15]. Social media platforms such as Facebook, Twitter, and YouTube facilitate user engagement, allowing for feedback, debates, and idea sharing [10, p. 66]; [2, p.2402].

The internet is another critical tool for information dissemination globally, especially in healthcare communication and patient interactions [2, p.2401], 38 billion internet users and 3.48 billion active social media users, notable platforms

include Facebook, YouTube, and WhatsApp, with 2.5 billion active users, respectively [9 p.30]. In addition, email serves as a widely used electronic medium for information dissemination and relationship building with stakeholders [14, p.18].

Data and Methodology

This study analyzes data from the World Values Survey (WVS) between 2017 and 2020, focusing specifically on Ethiopia and examining citizens' sources of information, including daily newspapers, TV news, radio news, mobile, email, internet, social media, and conversations with friends, as dependent variables, while demographic characteristics, employment status, and residence served as independent variables. Data cleansing was conducted to address missing values, leading to the analysis of 1,072 samples from the original 1,230. The analysis utilized logistic regression (adjusted odds ratio) and was performed using SPSS v-25, with detailed variable measurements provided in the accompanying table.

Table 1

List of variables and Measurements

Variables	Measurements
Age	1=Below 25 Years, 2=26-50 Year, 3=Above 51 years
Sex	1=Male, 2=Female
Marital Status	1=Married, 2=Not married
Employment Status	1= Self-employed, 2= Not
Income level	1=Low, 2=Middle, 3=High
Daily news paper	1=Accessed information, 2= Not accessed information
TV News	1=Accessed information, 2= Not accessed information
Radio news	1=Accessed information, 2= Not accessed information
Mobile	1=Accessed information, 2= Not accessed information
Email	1=Accessed information, 2= Not accessed information
Internet	1=Accessed information, 2= Not accessed information
Social Media	1=Accessed information, 2= Not accessed information
Talk with friends	1=Accessed information, 2= Not accessed information
Urban-Rural	1= Urban 2=Rural,
Education Qualification	1=Below Grade 12, 2=Degree, 3=Above degree

Source: authors' elaboration

Results and Discussions

Of the total target respondents, 48.4% were female and the remaining 51.6% were male. As shown in table below, 37.5% of the respondents were aged below 25 years, 54.6% were age between 26-50 years and 7.8% were older than 51 years. The marital status of the respondents was 61.8%, and the remaining 38.2% were unmarried during the data collection period.

The above table indicates that 91.9% of respondents had education levels below grade 12, while only 7.5% held degrees, and 0.7% had master's degrees or higher. The Hosmer and Lemeshow test results were conducted, and all independent variables exceeded the significance level of 5 percent.

Table 2

Demographic Variables

Variables		Frequency	Percent
Sex	Male	553	51.6
	Female	519	48.4
	Total	1072	100.0
Age	Below-25	403	37.6
	26-50	585	54.6
	51-Above	84	7.8
Marital Status	Married	662	61.8
	Not Married	410	38.2
	Total	1072	100.0
Education Qualification	Below Grade 12	985	91.9
	Degree	80	7.5
	Above Degree	7	.7
	Total	1072	100.0

Source: authors' elaboration based on World Values Survey (2025)

Socio-Economic and Demographic Determinants of Information Source

Table 3, revealed significant gender disparities, with females accessing newspapers daily 0.367 times less than males ($p < 0.05$). Middle-income citizens are more likely to access daily newspapers (2.235 times) than their low-income counterparts, highlighting a financial barrier to information access. Additionally, females are found to have lower access to information from various channels, including TV, radio, mobile, email, Internet, social media, and personal communication, potentially influenced by factors such as religion and culture.

Table 3

Analysis of Socio-Economic and Demographic Determinants of Information Source

Variables	Daily newspaper	TV News	Radio	Mobile	Email	Internet	Social Media	Talk with friends
Sex (1)	0.367 (0.000)**	0.315 (0.000)**	0.406 (0.000)**	0.450 (0.000)**	0.447 (0.000)**	0.376 (0.000)**	0.357 (0.000)**	0.542 (0.000)**
Age (Below 25 Year)	1	1	1	1	1	1	1	1
Age (26-50 Years)	0.975 (0.927)	0.341 (0.001)**	0.663 (0.188)	0.230 (0.000)**	0.277 (0.001)**	0.140 (0.00)**	0.105 (0.000)**	0.547 (0.038)**
Age (Above 51 Years)	1.337 (0.261)	0.473 (0.013)**	0.885 (0.674)	0.339 (0.000)**	0.392 (0.008)**	0.206 (0.000)**	0.182 (0.000)**	0.413 (0.001)**
Marital Status (1)	1.206 (0.236)	1.041 (0.833)	1.222 (0.245)	0.813 (0.200)	1.102 (0.564)	1.269 (0.125)	1.262 (0.127)	0.899 (0.539)
Employment Status (1)	1.153 (0.348)	1.540 (0.015)**	1.434 (0.025)**	1.253 (0.137)	1.291 (0.115)	1.565 (0.003)**	1.745 (0.000)**	1.311 (0.098)
Income level (Low)	1	1	1	1	1	1	1	1
Income level (Middle)	2.235 (0.002)**	3.404 (0.003)**	1.147 (0.641)	2.939 (0.001)**	2.312 (0.002)**	3.220 (0.000)**	3.550 (0.000)**	3.106 (0.001)**
Income level (High)	1.581 (0.055)	1.707 (0.182)	0.834 (0.513)	1.535 (0.162)	1.687 (0.034)**	1.594 (0.057)	1.690 (0.033)**	1.493 (0.242)
Urban-Rural (1)	0.608 (0.002)**	0.090 (0.000)**	1.049 (0.792)	0.331 (0.000)**	0.329 (0.000)**	0.221 (0.000)**	0.262 (0.000)**	0.529 (0.002)**
Constant	2.374 (0.022)	0.464 (0.133)	0.389 (0.023)	1.211 (0.642)	9.755 (0.000)	9.195 (0.000)	7.916 (0.000)	0.402 (0.043)

- a. Variable(s) entered on step 1: Urban-rural, sex, income level, age, marital, and employment.
- b. **= Significant level <0.05

Source: authors' elaboration based on World Values Survey (2025)

Age also impacts information access, as respondents aged 26-50 and those over 51 were less likely to obtain information from these sources compared to those under 25 [11]. Lastly, employment status plays a crucial role, with non-self-employed individuals being more likely to access information across multiple platforms than self-employed citizens, with a statistically significant level ($p < 0.05$) [8; 14].

High-income citizens can access information easily so that their incomes become low. As shown in Table 3, middle- and high-income level citizens are more likely to access information from television, mobile, email, internet, social media, and talk with friends than citizens, with a statistically significant level of $p < 0.05$. Citizens living in urban areas can access information more easily than rural residents can. Rural residences can access information less likely from television, mobile, email, Internet, social media, and with their friends than urban residences at a statistically significant level.

Conclusion

Access to information is essential in everyday life and influences decisions and opportunities. Analysis of the data suggests that females in Ethiopia have limited access to information from daily newspapers, television, radio, and other channels compared to males. Age and employment status also affect information access, with citizens aged 25-50 and above 51 accessing less information and non-self-employed individuals accessing more information. Middle-income and high-income citizens have greater access to information. Rural residents access information less frequently than urban residents does. Overall, these findings highlight disparities in information access in Ethiopia.

References

1. Ahmad M., Akram M., Rauf R., Khan I.A., Pervez U. (2007). Interaction of extension worker with farmers and role of radio and television as sources of information in technology transfer: a case study of four villages of district Peshawar and Charsadda. *Sarhad Journal of Agriculture*, 23(2), 515.
2. Baker L., Wagner T.H., Singer S., Bundorf M.K. (2003). Use of the Internet and e-mail for health care information: results from a national survey. *Jama*, 289(18), 2400-2406.
3. Bashar A., Ahmad I., Wasiq M. (2012). Effectiveness of social media as a marketing tool: An empirical study. *International Journal of Marketing, Financial Services & Management Research*, 1(11), 88-99.
4. Beagles-Roos J., Gat I. (1983). Specific impact of radio and television on children's story comprehension. *Journal of Educational Psychology*, 75(1), 128.
5. Beritelli P., Bieger T., Laesser C. (2007). The impact of the Internet on information sources portfolios: Insight from a mature market. *Journal of Travel & Tourism Marketing*, 22(1), 63-80.

6. Couper M.P., Singer E., Levin C.A., Fowler Jr. F.J., Fagerlin A., Zikmund-Fisher B.J. (2010). Use of the Internet and ratings of information sources for medical decisions: results from the DECISIONS survey. *Medical Decision Making*, 30(5_suppl), 106-114.
7. Diakopoulos N., De Choudhury M., Naaman M. (2012). Finding and assessing social media information sources in the context of journalism. In *Proceedings of the SIGCHI conference on human factors in computing systems May 2012*, 2451-2460.
8. Gupta Y. P., Karimi J., Somers T.M. (2000). A study on the usage of computer and communication technologies for telecommuting. *IEEE Transactions on Engineering Management*, 47(1), 26-39.
9. Index G.W. Global Digital 2020 Report. P.120.
10. Kaplan A.M., Haenlein M. (2010). Users of the world, unite! The challenges and opportunities of social media. *Business horizons*, 53(1), 59-68.
11. Kim K. S., Sin S.C.J., Yoo-Lee E.Y. (2014). Undergraduates' use of social media as information sources. *College & research libraries*, 75(4), 442-457.
12. Mittal S., Mehar M. (2016). Socio-economic factors affecting adoption of modern information and communication technology by farmers in India: Analysis using multivariate probit model. *The Journal of Agricultural Education and Extension*, 22(2), 199-212.
13. Oyewumi O.O., Alegbeleye G.O., Onifade F.N. (2015). Information Communication Technology (ICT) and its effect on newspaper utilisation in university libraries in Nigeria. P. 1-14
14. Quaresma R.F.C., Silva S.P.R.D., Marreiros C.G. (2013). E-mail usage practices in an organizational context: a study with Portuguese workers. *JISTEM-Journal of Information Systems and Technology Management*, 10, 5-20.

СОДЕРЖАНИЕ

Балакин Р.В. Первые итоги введения автоматизированной упрощенной системы налогообложения: отраслевой разрез.....	3
Балакин Р.В., Стещенко Ю.А. Оценка влияния новых вызовов на бюджетную систему Российской Федерации в части налоговых доходов.....	8
Бузмакова М.В. Влияние цифрового разрыва на экономику социальной инфраструктуры.....	14
Валитов Г.Ш. Анализ проникновения технологий искусственного интеллекта в отраслях российской экономики.....	20
Волкова К.С. Технологический суверенитет: сущность, вызовы и направления обеспечения в условиях геоэкономической трансформации.....	26
Ганиева А.К. Формирование кадровой политики с удаленной занятостью	30
Гаранина А.А. Особенности молодежного предпринимательства в современной России.....	34
Глушич Н.Г., Титова Н.Г. Необходимость формирования компетенции финансовой грамотности в студенческой среде.....	38
Демичева Т.Н. Влияние цифровой трансформации на современный рынок труда Российской Федерации.....	43
Доможилкина Ж.В. Новые производственные технологии в управлении персоналом.....	48
Жаворонкова О.Р. Технологические и социальные тренды социальных сетей.....	54
Золотов А.В. Динамика ресурса труда в условиях его дефицита в российской экономике.....	58
Киселкина О.В. Роль оценки должностей в стратегии оплаты труда.....	63
Колесник И.В. Формирование нравственно ориентированной экономика как способ преодоления глобального кризиса.....	67
Колесникова Ю.С. Цифровые компетенции населения в регионах РФ.....	73
Короленко Ю.Н. Проблемы дискриминации на рынке труда.....	78
Кулагин Р.В. Взаимосвязь человеческого капитала и уровня усилий организаций по цифровой трансформации.....	84
Логинова Т.П. Влияние институтов на инновационное развитие региона...	89
Лядова Е.В., Лядова А.Р. Коливинг как новая форма совмещения жилого и рабочего пространств в условиях цифровой экономики.....	94
Лядова Е.В., Полушкина И.Н. Ключевые направления цифровизации в нефтедобывающем комплексе на современном этапе развития.....	100
Малкина М.Ю. Моделирование валового регионального продукта Нижегородской области.....	105
Мальгина И.В. Общественные объединения женского предпринимательства как часть гражданского общества в Республике Беларусь.....	110

Минибаев К.Р. Гендерное представительство в парламенте и уровень коррупции.....	113
Михайлов Ф.Б., Мясников Д.А. Социально-экономические предпосылки повышения производительности труда в условиях внедрения новых технологий.....	118
Мокичев С.Д. Цифровизация против самой себя: институциональные противоречия как фактор торможения технологического развития....	122
Мусаев Р.К. Влияние развития рынка электронных торговых площадок (маркетплейсов) на социально-экономическое развитие региона.....	129
Мусаев Р.К. Методы финансирования развития информационно-коммуникационных технологий в регионах РФ.....	134
Острик В.Ю. Формирование и развитие цифровых компетенций персонала организаций.....	141
Панов Ф.Д. Регулирование регионального рынка труда в цифровой экономике.....	146
Проровский А.Г. Развитие инвестиционно-строительного комплекса Республики Беларусь в условиях изменения мировой экономики.....	152
Романюк Е.В. Государственное регулирование платформенной занятости в России.....	159
Симченко Н.А. Институциональные ловушки неокOLONиализма.....	164
Удалова Н.А., Веренева В.Ю. Эволюция профессий: как искусственный интеллект меняет рынок труда.....	168
Четырбок Н.П. Теоретические аспекты инновационного развития Беларуси в современных условиях.....	173
Шакирьянова А.И. К вопросу о развитии профессиональных компетенций как фактора эффективного развития человеческих ресурсов в сфере закупок.....	179
Ягудин Р.Х., Гайнутдинов В.Р. Цикличность развития рынка жилой недвижимости в мире.....	184
Ягудин Р.Х., Нестерова О.А. Иррациональность в принятии экономических решений в условиях инновационной экономики.....	190
Ягудин Р.Х., Шакиров Р.А. Трансформация института демонстративного потребления в современной экономике.....	195
Ягудина Е.В. Развитие категории качество жизни населения в условиях цифровой трансформации	199
Якушев А.А. Управление мотивацией персонала в условиях неоднородности рынка труда.....	203
Яновская А.А. Концептуальные направления развития рынка труда в цифровой экономике.....	207
Awuna J.M. Economic Growth In Nigeria: Does Human Capital Development Matter?.....	211
Shamwil Muhammed Economic Sustainability In Nigeria: Exploring The Role Of Blue Economy And Technological Innovation In Economic Growth.....	215

<i>Marihane Benmecheri Aya</i> The Economic Effects Of Social Benefits Development: An Analysis Of Welfare Policies.....	221
<i>Mucunguzi Robert Rwakatwe</i> Digital Transformation In Small And Medium Enterprises (Smes): A Pathway To Economic Growth In Uganda.....	223
<i>Mulaw Sisay Genanu, Kassa Erstu Tarko</i> Socio-Economic And Demographic Determinants Of Information Source Preferences: A Case Study Of Ethiopia.....	226

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
И РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВИТИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ**

Материалы VII Международной научной конференции

Нижний Новгород, 12 февраля 2025 года

Электронная версия